

СЛОВО

ГРАММАТИКА

РЕЧЬ

Выпуск XIX

**МОСКВА
2018**

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА

Филологический факультет

**СЛОВО
ГРАММАТИКА
РЕЧЬ**

Выпуск XIX

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Москва – 2018

ДК 802/809.1
ББК 82.2 Р
С48

*Печатается по постановлению Редакционно-издательского совета
филологического факультета Московского государственного университета
имени М. В. Ломоносова*

Рецензенты:

Е. Н. Виноградова – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка
для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М. В. Ломоносова;

Е. В. Потёмкина – канд. филол. наук, преподаватель кафедры русского языка
для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова

Редакционная коллегия:

Н. В. Баландина	ст. преподаватель
Е. Л. Бархударова	докт. филол. наук, профессор
М. Ю. Бордюговский	канд. филол. наук, преподаватель
А. В. Величко	канд. филол. наук, доцент
О. К. Грекова	канд. филол. наук, доцент
Е. А. Илюшин	канд. филол. наук, ст. преподаватель
Л. В. Красильникова	докт. филол. наук, доцент
Е. В. Моргунова	преподаватель
Т. Г. Роцектаева	канд. филол. наук, преподаватель
Ф. И. Панков	докт. филол. наук, профессор
О. М. Сергеева	канд. филол. наук, преподаватель
Е. С. Серова	канд. филол. наук, преподаватель
О. В. Чагина	канд. филол. наук, доцент
Т. Е. Чаплыгина	канд. филол. наук, доцент

Ответственный редактор: **О. В. Чагина**, канд. филол. наук, доцент
Ответственный секретарь: **Е. А. Илюшин**, канд. филол. наук, ст. преподаватель

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ. Выпуск XIX : Сборник
C48 научно-методических статей по преподаванию РКИ. – Москва :
МАКС Пресс, 2018, – 328 с.
ISBN 978-5-317-06021-3

Авторы статей рассматривают вопросы описания и представления различных аспектов грамматики в иностранной аудитории, вопросы методики преподавания РКИ, интерпретации художественного текста, культурологии и страноведения. Предназначен для филологов-русистов, студентов, аспирантов и преподавателей РКИ – российских и зарубежных.

УДК 802/809.1
ББК 82.2 Р

Опубликованные материалы отражают точку зрения авторов.
Мнение Редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

© Авторы статей, 2018
© Оформление. ООО «МАКС Пресс», 2018
ISBN 978-5-317-06021-3

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

Красильникова Лидия Васильевна

доктор педагогических наук, заведующая кафедрой русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

likras@mail.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ПРИСТАВОЧНЫМ ГЛАГОЛАМ

Речь в статье идет о разработке системы упражнений и заданий, предназначенных для иностранной аудитории, в основе которых лежит специфика лексико-семантических вариантов глагольных лексем и особенности приставочных глагольных дериватов. В качестве лингводидактического материала используется глагол **жить** и его приставочные дериваты.

Ключевые слова: русское словообразование, иностранные учащиеся, лексико-семантический вариант, приставочные глаголы, глагол **жить**.

Посвящается памяти Э.И. Амиантовой

Хорошо известно, что «русские приставочные глаголы, в которых приставка является словообразующей морфемой, – это трудный для иностранных учащихся раздел русской грамматики, требующий длительного и систематического изучения» [Барыкина, Добровольская 2009: 4]. Сложность данной темы в иностранной аудитории определяется многочисленностью русских глагольных приставок, а также их многозначностью. Так, в русском языке в целях преподавания РКИ принято выделять как минимум 21 многозначную приставку, при этом следует учитывать особенности синтаксической и лексической сочетаемости приставочных глаголов [Там же: 7].

Языковая специфика глагола **жить** и его производных выражена в лексико-семантических, речевых и когнитивных особен-

ностях, которые проявляются, в частности, в словообразовательном потенциале исходного глагола, а также синтаксической и лексической сочетаемости производного слова.

В процессе выбора языковых средств для выражения своих интенций, отмечает Э.И. Амиантова, у говорящего есть два пути использовать единицы языка (аффиксы и производные слова): 1) опираясь на знание семантики производящих элементов, создавать новое слово; 2) запоминать производные слова в готовом виде и использовать их при необходимости как любую лексему [Амиантова 1999: 17].

Не отрицая возможности запоминания иностранным учащимся того или иного производного слова, мы считаем, что наиболее эффективным является первый путь освоения производной лексики. При опоре на базовый в методике преподавания РКИ метод сознательно-практического обучения иностранному языку актуальным является учет взаимодействия семантики словообразовательного аффикса и производящего слова в производной лексеме.

Большую роль в разработке проблемы функционального подхода к описанию русского словообразования сыграли исследования Е.А. Земской, Э.И. Амиантовой и др. При функционально-коммуникативном подходе необходимо изучать семантику префиксов, суффиксов и производящего слова, особенности внутреннего формально-семантического контекста для словообразовательных аффиксов разных типов значения, а также внешний контекст для производного слова.

По мнению Э.И. Амиантовой, существуют четыре разных способа адаптации семантики производящих слов в производных словах: в одном случае семантика производного представляет собой сумму значений аффикса и производящего, в другом случае – не простую сумму двух значений, а сумму с некоторым дополнительным семантическим компонентом; кроме того, есть производные глаголы, семантика которых отличается от семантики производящего лишь наличием в ней результативного компонента; наконец, есть случаи, когда значение производящих не позволяет определить значение производного [Амиантова 1999: 17]. Наличие в производном результативной семы свидетельствует о видовом

противопоставлении: глагол несовершенного вида и глагол совершенного вида.

При изучении особенностей семантики производящего слова, словообразовательного аффикса и ее участия в формировании значения производного слова используется метод компонентного анализа лексики, который позволяет выявить семный состав единиц, участвующих в словообразовательном акте, и роль каждого из них в механизме словообразования. Изучение комбинации семантических компонентов префикса или суффикса и производящего слова позволяет уточнить их роль в употреблении производного в речи (*на+собирать грибов*: сема «много» в приставке предсказывает сочетаемость производного глагола с существительным в родительном падеже со значением количества).

Э.И. Амиантова подчеркивает, что функционально-коммуникативное описание словообразования заключается, с одной стороны, во всестороннем семантическом исследовании словообразовательных аффиксов и производящих слов (глаголов) с целью определить семантические условия словообразования и выявить характер участия семантики аффикса и производящего глагола в формировании нового значения, т. е. актуализация значения аффикса обычно происходит на уровне слова, в условиях, когда семантический контекст определяется внутренней валентностью производящего глагола, его семным составом. Так, глагол *писать (где)*, имеющий сему «пространство», сочетается с приставками, которые также актуализируют эту сему (*писать – надписать, вписать, выписать*). С другой стороны, есть случаи, когда на уровне слова не проявляется значение префикса. Для актуализации этого смысла необходим «внешний контекст», т.е. лексико-семантические связи приставочного глагола. Например: *Ты меня совсем заговорил (= ‘утомить’)*. *После долгого молчания он заговорил (‘начать говорить’)* [Амиантова 1999, Соколов 1997].

В настоящее время активно разрабатывается когнитивное словообразование, прежде всего в работах Е.С. Кубряковой, Л.А. Араевой, И.Г. Милославского, В.Г. Фатхутдиновой и др. Словообразовательная система русского языка изучается со стороны отражения в ней ментальной деятельности человека, а про-

изводные слова рассматриваются как объективизирующие структуры знаний, которые способны хранить и передавать информацию о внеязыковой действительности. Например, производные **житель** и **жилец** содержат разные семы, отражающие определенные знания говорящего о мире, **житель** – ‘тот, кто живет, проживает **где-либо** (*городской житель, житель города, страны*)’, а **жилец** – ‘тот, кто проживает в доме, квартире; **занимает жилое помещение по найму**’.

Функциональное описание русского словообразования в целях обучения иностранных учащихся сегодня обогащается когнитивными подходами, поскольку чрезвычайно важным в аспекте РКИ «является изучение семантического пространства языка, денотативных смыслов и их национально детерминированных интерпретаций на сигнификативном уровне» [Амиантова, Битехтина, Всеволодова, Клобукова 2001: 218]. Свое место в практике преподавания РКИ должно занимать знакомство инофонов со словообразовательным фрагментом языковой картины мира, в которой особой этноспецификой обладают приставочные глаголы.

Одним из хрестоматийных принципов преподавания русской лексики является то, что единицей обучения в РКИ выступает прежде всего не лексема, а лексико-семантический вариант.

В словарной статье Толкового словаря современного русского языка С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой у глагола **жить** выделяется 10 значений. Мы будем рассматривать лишь два наиболее актуальных ЛСВ глагола **жить**. Это: ЖИТЬ «1. Существовать, находиться в процессе жизни, бытия. Жил сорок лет. Цветок не может ж. без солнца. Ж-поживать (жить, не горюя ни о чем; разг.). (...) 3. Проводить жизнь в каком-н. месте, среди кого-н., обитать. Ж. в Москве. Ж. с семьей» [Ожегов, Шведова 2007].

Существуют различные семантические классификации глаголов, разработанные известными исследователями Л.М. Васильевым, М.В. Всеволодовой, Г.А. Золотовой, Г.Г. Сильницким и др. В своей работе мы опираемся на классификацию, предложенную М.В. Всеволодовой [Всеволодова 2000: 55–60].

М.В. Всеволодова делит все глаголы на два класса: диктальные, то есть полнозначенательные и строевые. Строевые глаголы классифицируются на четыре группы: 1) связочные, 2) модификаторы, 3) реляторы и 4) экспликаторы.

Исследователь подразделяет полнозначительные глаголы на следующие группы: 1. акциональные, 2. экзистенциальные, 3. статальные, 4. реляционные, 5. характеризационные и 6. авторизационные.

М.В. Всеволодова среди экзистенциальных глаголов выделяет подкласс собственно бытийных глаголов, указывающих «на наличие, существование предмета или явления; это в первую очередь полнозначный глагол **быть**: *В лесу есть грибы*; *бывать, существовать, наличествовать, иметься, присутствовать, отсутствовать*: *Бывают в начале лета совершенно безлунные ночи*; *В работе имеются ошибки*; *Снежный человек существует*; *На собрании присутствовало 50 человек*» [Там же: 59].

Среди статальных глаголов М.В. Всеволодова выделяет «подкласс физического состояния или положения в пространстве: *стоять, висеть, сидеть, лежать, двигаться, вращаться*; *Я сижу*; *Лампа уже висит*; *Маятник качается*» [Там же].

При соотнесении двух основных значений глагола **жить** с классификацией глаголов по М.В. Всеволодовой можно сделать вывод, что в первом значении глагол **жить** относится к бытийному подклассу экзистенциальных глаголов. В то время как во втором значении глагол **жить** принадлежит к глаголам физического состояния или положения в пространстве класса статальных глаголов.

Итак, наиболее актуальны для иностранных учащихся следующие ЛСВ глагола **жить**:

существовать, находиться в процессе жизни, быть живым (в каких-либо условиях существования: при чем, без чего, чем (*уроками*) и на что (*на зарплату*));

проводить свою жизнь в каком-либо месте, населять, обитать, водиться (где, с кем, среди кого-нибудь, как). Наибольшей частотностью и регулярностью в речи характеризуется глагол **жить** во втором значении, что повышает его коммуникативную значимость в живой речи учащихся.

Глагол **жить**, как и другие глаголы, отражает типовую коммуникативную ситуацию, имеет актантно-ролевую структуру (которая признается основной единицей концептуальной модели

мира, поскольку в ней закреплены «константы сознания» – А.А. Уфимцева). Но поскольку мы выделили два лексико-семантических варианта глагола **жить**, то можно говорить о двух типовых ситуациях.¶

Производные глагола **жить** соотносятся с одним из его значений и соответственно с определенной типизированной ситуацией. Отметим, что даже в наших самых известных пособиях по лексике [Лексика: 2003] не всегда учитывается словообразовательный потенциал именно ЛСВ.

В зависимости от специфики словообразовательного значения отглагольные приставочные образования делятся на три группы:

1. Семантика производного представляет собой сумму значений аффикса и производящего; возможны ограничения в лексической сочетаемости;

2. Семантика производного представляет собой уже не простую сумму двух значений, а сумму с некоторым дополнительным семантическим компонентом; возможны ограничения в лексической сочетаемости фразеологического типа;

3. Значение производящих не позволяет сформулировать значение производного (фразеологичность семантики).

Рассмотрим приставочные глаголы от глагола **жить**, учитывая связь значения деривата с первым (А) или вторым (Б) значением глагола **жить**, а также на базе значения префикса и семантико-словообразовательного соотношения производящего и производного глагола (1, 2, 3).

Глагол **жить** в 1 значении А – производные:

дожить 1; прожить 1; ожить 1 (ср. *омолодиться* – возвращение в исходное положение); пережить всех родных ('превышение нормы в каком-л. действии') 1; выжить 1 (ср.: *выпросить, выплатить* – *получение желаемого результата*) ('остаться жить'); нажить 1 (ограниченная сочетаемость, напр. «нажить имущество, состояние, дом»);

пережить 2 (войну и др.);

отжить 3; изжить 3 (ограниченная сочетаемость фразеологического типа); сжить со свету 3 (собственно фразеологизм).

Глагол **жить** во 2 значении Б – производные:

зажить 1 ('начать жить в новом доме'); пожить 1; прожить 1;

выжить 1 (из квартиры);
сжить из дома 2; обжить 2.

На основе семантики ЛСВ глагола **жить** и лексико-словообразовательных значений соответствующих приставочных глаголов можно приведем некоторые типы упражнений и заданий¹. Упражнения представлены тремя типами: языковые, условно-речевые и коммуникативно-речевые.

*Задание 1. а) Познакомьтесь со значениями глагола **жить** с приставками. Обратите внимание, что глагол **жить** имеет значение «быть живым, находиться в процессе жизни».*

Прожить/прожить – пробыть живым, жить какое-нибудь время: Писатель прожил всего тридцать восемь лет.

Дожить/дожить (до чего, сколько времени) – прожить до какого-либо срока или события: Бабушка дожила до свадьбы внучки. Если кто-либо дожил до седых волос, значит, он достиг старости.

Пережить (кого) – прожить, просуществовать дольше кого-либо или чего-либо: Старик пережил всех своих друзей юности.

Ожить/оживать – снова стать живым (в прямом и в переносном смысле): После отдыха на море она ожила.

Нажить/наживать (что) – в процессе жизни постепенно приобрести, накопить, получить что-либо: Всё в доме нажито своим трудом.

б) Определите значение приставок в данных выше глаголах;

*в) Дополните предложения глаголом **жить** с приставками.*

1. После свадьбы они ... вместе только месяц и развелись.
2. Варвара Семёновна ... до 100 лет и ... всех своих родных.
3. Писатель дожил до начала нового столетия.
4. Только в сказке принцесса ... после поцелуя принца.

¹ В работе использованы материалы Е.В. Балдиной из учебника Университет: Ступени 2

Задание 2. а) Познакомьтесь со значениями глаголов **пережить** и **выжить**. Определите, какой глагол означает преодоление продолжительных жизненных трудностей, испытание длительного тяжелого или радостного эмоционального состояния, а какой акцентирует преодоление смертельной опасности.

Выжить/выживать (после чего, во время чего, где) – остаться в живых в экстремальных обстоятельствах (болезни, катастрофы и т. п.): *Мужчина выжил после удара током. Он чудом выжил во время наводнения.*

Пережить/переживать (что: тяжелые испытания, горе, войну, несчастье, утрату, потерю, наводнение, разлуку, развод, расставание, шок; творческий упадок, творческий кризис, духовный кризис; творческий подъем, вдохновение, эмоциональный подъем) – прожить во время опасных для жизни важных событий и остаться в живых, а также испытать сильные отрицательные или положительные эмоции: *Матери нелегко было пережить разлуку с единственным сыном. Компания переживает тяжёлый кризис.*

б) Дополните предложения глаголом **жить** с приставками.

1. Он ... после тяжелого ранения. 2. Писатель ... творческий подъем: за год он опубликовал роман и сборник рассказов. 3. Светлана тяжело ... развод.

Задание 3. Прочитайте текст о русском писателе Н.В. Гоголе.

а) Вставьте вместо точек глагол **жить** с приставками в нужной форме.

Задание 4. а) Познакомьтесь со значениями глагола **жить** с приставками. Обратите внимание, что глагол **жить** имеет значение «проводить свою жизнь в каком-либо месте, населять».

Зажить (где, как) – начать жить где-нибудь каким-нибудь образом: *Вот построим дом в деревне и заживём своим хозяйством. Заживём по-новому, заживём счастливо.*

Пожить (где) – провести непродолжительное время, живя где-л., каким-л. образом (разг.): *Она недолго пожила в Испании. Недолго пожила она на свете.*

Прожить/проживать (где) – провести длительное время в определённом месте, в определённых условиях: *Он всю жизнь прожил в этом городе.*

Обжить/обживать (что) – сделать жилым, приспособить для проживания. *Мы быстро обжили новую квартиру.*

*б) Дополните предложения глаголом **жить** с приставками.*

1. Сергей мечтает ... немного в Антарктиде. 2. Андрей собирается ... целый год в Индии. 3. Молодые люди поженились, переехали в свою квартиру и ... самостоятельно. 4. На протяжении многих сотен лет русские открывали новые земли, ... их и преображали своим трудом.

*Задание 5. а) Познакомьтесь со значениями глагола **жить** о следующих приставках. Обратите внимание, что данные глаголы объединяет сема «существовать», а их значения отличаются фразеологичностью, а также часто ограниченной сочетаемостью.*

Вжиться/вживаться (в образ кого, в персонаж) – изучив, сделать близким себе, глубоко «войти» во что-либо.: *Актриса долго вживалась в образ своей героини.*

Зажить (рана, порез, царапина) – затянуться кожей, зарубцеваться: *Порез на пальце долго не заживал.*

Изжить/изживать (недостатки, вредные привычка) – избавиться от каких-либо недостатков: *Эту вредную привычку трудно изжить.*

Отжить/отживать (старые вещи, обычаи, традиции) – устареть, перестать существовать: *Эти машины отжили свой век.*

Пережить – продолжать сохранять свое значение после смерти автора, творца (о делах, трудах, произведениях и т.п.): *Преодолев бесчисленные запреты, роман пережил своего создателя и дошел до читателя.*

б) Дополните предложения глаголом **жить** с приставками.

1. – Не волнуйся! Это небольшая царапина. Она скоро
2. – Не грызи ногти. Эту привычку ты должен
3. Актёр так ... в образ своего героя, что даже обратился к психотерапевту.
4. Новый роман писателя останется на века, он ... своего создателя.
5. Дуэли ... свой век.
6. Виниловые пластинки не ... свой век. Они снова в моде.
7. – Как ты себя чувствуешь? Шрам после операции зажил?

Отметим, что в качестве прецедентных высказываний традиционно используются пословицы, поговорки, а также цитаты из произведений известных писателей и поэтов.

Задание 6. В данных предложениях определите значение выделенных глаголов. ¶

- А. 1. Жизнь **прожить** – не поле перейти. 2. Мешай дело с бездельем – **проживёшь** век с весельем. 3. Два медведя в одной берлоге не **уживутся**. 4. Какову жизнь **проживёшь**, такову и славу **наживёшь**. 5. Живучи просто, **доживёшь** лет до ста. 6. Жить-поживать да добра **наживать** (традиционный конец русских сказок). 7. Как Вы **поживаете**?/ Как **поживаешь**? (дружеский вопрос при встречах, в письмах людей старшего возраста). 8. Дожил до седых волос, а ума не **нажил** (посл.). 9. Принцесса из сказки после поцелуя принца **ожила**. 10. От трудов праведных не **наживёшь** палат каменных. 11. Поживём – увидим. 12. Чужим умом жить – добра не **нажить**.

- Б. 1. Я **пережил** и многое и многих, и многому извечал цену я. (П.А. Вяземский) 2. Я встретил Вас – и всё былое в **отжившем** сердце **ожило**. (Ф.И. Тютчев) 3. Как я **выжил** – будем знать только мы с тобой. (К.М. Симонов) 4. Ах, как хорошо будет здесь! Как славно мы **заживём**! (В.А. Долина) 5. Мне бы только раз **прожить** с тобой всю жизнь – и, клянусь, мне большего не надо! (Ю.И. Визбор) 6. Я не жалею о **пережитой** бедности. (С.Д. Довлатов) 7. Вещи пёстрой грудой лежали на столе. Это было всё, что я **нажил** за тридцать шесть лет. (С.Д. Довлатов)

В следующем задании на развитие навыков создания связных текстов учитывается также грамматическая тема урока «Временные отношения».

Задание 7. *Напишите микротексты, посвященные теме «Судьба человека», используя различные средства выражения временных отношений и указанные глаголы.*

1. Анне Николаевне уже 79 лет. Расскажите о её жизни, используя следующие слова и словосочетания: *прожить, дожить, пережить кого, пережить что, выжить, прижиться, ужиться, сжиться, ожить, обжить, зажить где как, нажить*. 2. Александр Иванов – молодой талантливый актёр. Расскажите о его жизни, используя следующие слова и словосочетания: *прожить где, выжить после чего, изжить какую привычку, пережить творческий кризис, вжиться в роль, мечтать пожить*. 3. Валерий П. – известный писатель. Расскажите о его жизни и творчестве, используя следующие слова и словосочетания: *прожить где, дожить до чего (какого возраста), сжиться с мыслью, пережить духовный кризис, пережить творческий подъём, пережить автора*.

Задание 8. Напишите сочинение «Жизнь прожить — не поле перейти».

Глагол **жить**, как и другие глаголы, отражает типовые ситуации, но поскольку мы выделили два лексико-семантических варианта глагола **жить**, то можно говорить о двух базовых типовых ситуациях («**существовать**, находиться в процессе жизни» и «**проводить свою жизнь** в каком-либо месте»). Валентности глагола отражают компоненты типовой ситуации.

Приведем типичную сочетаемость, характеризующую глагол **жить**:

Жить как? – хорошо, лучше всех, нормально, прекрасно, дружно, весело, скучно, долго, счастливо, припеваючи, интересно, бедно, скромно, мирно, плохо, богато, обеспеченно, не по средствам, отдельно, честно, достойно, легко, (не) напрасно, не

даром, зря, радостно, спокойно; вдвоём, вместе; в любви и согласии, в бедности, в нищете, в разлуке, в своё удовольствие; по совести, не по средствам, по-человечески, по-новому;

Жить где? – в каком-либо городе, в центре, в деревне, в квартире, в комнате, в общежитии, в горах, в Москве, в Крыму, в Испании; на даче, на частной квартире, на Кубе, на пятом этаже; у родителей, у знакомых, у Анны, у меня, у него; за городом, за границей, за рекой; под Москвой; около школы, (не)далеко от университета, рядом с вокзалом, рядом с работой, здесь, там;

Жить когда? – постоянно, всегда, иногда, (не)долго, год, несколько дней (лет, месяцев), два дня, целую неделю;

Жить с кем? с чем? – с женой, с мужем, с детьми, с братом, с ней, с ним, с Анной, с Кириллом, с родителями, с семьёй, с мыслью о семье;

Жить без кого? без чего? – без родителей, без мужа, без семьи; без родителей;

Жить на что? – на зарплату, на пенсию, на стипендию, на доходы от чего; **чем?** (реже) своим трудом

Учитывая типовые ситуации, которые отражаются в актантно-валентностной структуре глагола **жить**, можно выделить наиболее актуальные фреймы. Учебный словообразовательный материал (а именно производные глаголы и другие дериваты), расширенный за счет другой, необходимой для раскрытия темы лексикой, может быть сгруппирован в рамках следующих разговорных тем:

1. **Человек и место его жительства, особенности образа жизни и времяпрепровождения**

жить 2

а) житель (житель города, страны или городской житель), жительница;

жилец (жилец дома, жилец квартиры, комнатный жилец), жилица

б) житьё (поселиться на житьё, переехать куда-л. на житьё)

жилище

жилое помещение, нежилое помещение

+ **Уровень жизни человека, качество жизни**

жить по-людски (фразеологизм); жить по-человечески (фразеологизм)

житьсяшко

2. Жизнь и смерть человека, судьба человека

жить 1

выживать – выжить (выживание); пережить – переживать;
безжизненный – безжизненно; пожизненный – пожизненно;
прижизненный (прижизненная слава);
нежилец (безнадежно больной, близкий к смерти человек);
зажить – заживать о ране.

Функционально-коммуникативный подход к обучению иностранному языку дополняется и уточняется сегодня, как уже говорилось, методами, опирающимися на когнитивный подход к изучению языка. Для обеспечения возможности адекватного и эффективного общения на русском языке иностранных учащихся в рамках обозначенных ситуаций (тем, фреймов) следует использовать результаты в области исследования национально-культурной обусловленности языкового сознания в рамках когнитивных исследований. Своеобразие русского словообразования проявляется как в функционально-коммуникативном, так и в когнитивном планах, что должно учитываться в лингводидактическом аспекте преподавания РКИ.

ЛИТЕРАТУРА

- Амиантова Э.И. К вопросу о функционально и коммуникативно значимом описании словообразования (на материале внутриглагольного префиксального словообразования) // Слово. Грамматика. Речь. Вып.1. – М.: ПАИМС, 1999. – С. 16–22.
- Амиантова Э.И., Битехтина Г.А., Всеволодова М.В., Клобукова Л.П. Функционально-коммуникативная лингводидактическая модель языка как одна из составляющих современной лингвистической парадигмы (становление специальности «Русский язык как иностранный») // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2001., № 6. – С. 215–233.
- Барыкина А.Н., Добровольская В.В. Изучаем глагольные приставки. – СПб.: Златоуст, 2009. – 252 с.
- Васильев Л.М. Семантика русского глагола: Учеб. пособие для слушателей ф-та повышения квалификации. – М.: Высш. шк., 1981. – 184 с.
- Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2000. – 502 с.
- Земская Е.А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.

Лексика русского языка. Сборник упражнений / Под ред. Э.И. Амиантовой. – М., 2003.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. – 2007: Азбуковник.

Словарь сочетаемости слов русского языка (Около 2500 словарных статей), под редакцией П. Н. Денисова, В. В. Морковкина, Издание 2-е, исправленное – М., «Русский язык», 1983.

Соколов О.М. Основы имплицитной морфологии русского языка. – М.: Изд-во РУДН, 1997.

Lidia V. Krasilnikova

doct. of Sci, Lomonosov MSU, Russia. Moscow
likras@mail.ru

WORD-FORMATION BASIS OF TEACHING PREFIXAL VERBS TO FOREIGN STUDENTS

The article is about developing a system of exercises and tasks designed for foreign learners, which are based on the specific features of lexical-semantic variants of verbal lexemes and peculiarities of prefixed verbal derivatives. The verb **жить** and its prefixed derivatives are used as a linguistic didactic material.

Key words: Russian word formation, foreign student, lexical-semantic variant, prefixed verbs, verb **жить**.

Бабалова Люцета Леоновна
кандидат филологических наук, доцент,
Институт русского языка и культуры МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва,
babalova1@ya.ru

КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются средства выражения неопределенности в русском языке, оттенки этого значения при употреблении местоименных слов с частицами *кое-*, *-то*, *-нибудь*, *-либо* преимущественно в диалогической речи, сочетаемость количественно-неопределённого слова *многие* с существительными, а также значение неопределённости, передаваемое средствами сложного предложения.

Ключевые слова: категория неопределенности, количественно-неопределённое слово *многие*, неопределенность в сложном предложении.

Категориальное понятие определенности-неопределенности в разных языках выражается по-разному: в европейских языках (английском, французском и испанском) она представлена артиклями, в других, например, корейском эта категория выражается специальными «классификаторами», присоединяемыми к соответствующим обозначениям лиц или предметов. Русский язык в этом отношении располагает очень богатой системой средств выражения. Это главным образом неопределённые местоименные прилагательные и наречия, которые представлены четырьмя группами: первая группа – с частицей *кое-* (*кое-кто*, *кое-что*, *кое-какой*, *кое-как*, *кое-где*, *кое-куда*, *кое-откуда*), вторая группа с частицей *-то* (*кто-то*, *что-то*, *какой-то*, *чей-то*, *как-то*, *куда-то*, *где-то*, *когда-то*, *откуда-то*), третья группа с частицей *-нибудь* (*кто-нибудь*, *что-нибудь*, *какой-нибудь*, *чей-нибудь*, *где-нибудь*, *куда-нибудь*, *откуда-нибудь*, *когда-нибудь*), четвертая группа с частицей *-либо*, которая по значению совпадает с местоименной группой, представленной частицей *-нибудь*, отличаясь от неё стилистически, данная четвертая группа принадлежит книжному стилю, хотя есть несколько позиций, дифференцирующих *-либо* от *-нибудь*:

1. При выражении отрицания: *Он не привел каких-либо аргументов в защиту своей позиции (никаких аргументов);*

2. В сравнительных конструкциях с союзом *чем*: *Там условия жизни были гораздо лучше, чем где-либо еще; Он получил намного больше, чем кто-либо другой.*

Столь обширный арсенал представленных в русском языке средств выражения значения неопределенности может быть обусловлен несколькими факторами, в числе которых следует учесть условия коммуникации. Наиболее ярко это проявляется в контекстах диалогической речи. Так, если говорящий использует местоимение слова с частицей *кое-*, то неопределенность существует для слушающего, но не для говорящего. В высказываниях *Я хочу тебе показать кое-что* или *Я вам сейчас кое-что расскажу* автор сообщаемого прекрасно осведомлен о том, что он хочет показать или о чём рассказать. Полная неопределенность сохраняется только для того, к кому обращена речь. Неслучайно, что именно местоименные слова с частицей *-кое* выполняют интродуктивную функцию, являясь вступлением в речи говорящего (сообщающего): *Я хотел бы кое-что Вам сообщить (передать, посоветовать); Мне нужно кое-что у тебя выяснить (спросить, узнать).* Степень информированности говорящего, естественно, может быть ограничена, и этим, возможно, объясняется «неполнота» парадигмы местоименных прилагательных и наречий с частицей *кое-*: отсутствуют *кое-когда, кое-откуда, кое-зачем, кое-чей, кое-почему, кое-сколько*, а в остальных группах возможны *зачем-то* и *почему-то, чей-то* и *что-нибудь, сколько-то* и *сколько-нибудь.*

Исследователи отмечают позицию нейтрализации, когда оба собеседника прекрасно осведомлены о предмете разговора. Это ситуация «интриги» языковой игры: *Таня! А тобой кое-кто очень интересовался!* Говорящий и слушающий знают, о ком идет речь. Окружающие (если таковые присутствуют при этом) могут только догадываться. При употреблении местоименных слов с частицей *-то* значение неопределённости сохраняется для всех участников коммуникативной ситуации. Но говорящий указывает на нечто реально существующее, вполне конкретное. Это может быть лицо, предмет, признак, обстоятельства, которые трудно назвать, охарактеризовать, уточнить, вспомнить, например: *Там на окне что-то лежит (лежало вчера); Девушка, Вы что-то уронили; Это старый фильм. Там действие происходит*

где-то на Дальнем Востоке, точно не помню; Эту книгу кто-то принес вчера; Его отец работал в каком-то Министерстве, кажется, сельского хозяйства.

Местоименные прилагательные и наречия с частицей *-то* употребляются преимущественно в контексте настоящего или прошлого, что вполне естественно, учитывая реальность происходящих событий или их участников.

Максимальную степень неопределенности для всех участников коммуникации выражают местоименные прилагательные и наречия с частицей *-нибудь*: *Надо купить что-нибудь к ужину; Пусть кто-нибудь сходит за кофе; Летом съездим куда-нибудь на юг; Ты был когда-нибудь в этом городе?*

Наибольшая степень неопределенности, которая передается с помощью частицы *-нибудь*, поддерживается грамматически: формами будущего времени, императива и вопросительного предложения, что вполне объяснимо. То, что отнесено в план настоящего или прошедшего, может быть конкретизировано, оно более реально, а, следовательно, и более определённо. А план будущего почти всегда непредсказуем, часто предполагает возможность выбора, и поэтому более неопределенен. На шкале неопределённости местоименные слова с рассмотренными частицами могут быть выстроены в следующей последовательности: *кое-*, *-то*, *-нибудь* (стилистический вариант *-либо*), то есть наименьшую неопределенность заключает в себе *кое-*, наибольшую *-нибудь*, среднюю позицию занимает *-то*.

Следует, однако, учесть что данное разграничение местоименных слов не исключает возможности их синонимии и взаимозамены. Так, в вопросительных предложениях местоименные слова с частицей *-то* могут употребляться при включении в вопрос оттенка предположительности, ср.: *Кто-нибудь заходил в мою комнату?* (просто вопрос) – *Кто-то заходил в мою комнату?* (вопрос с оттенком предположения, т.к. говорящий заметил следы пребывания другого лица). Ср.: *Ты что-нибудь заметил там?* – *Ты что-то заметил там?* Часто при употреблении местоименных слов с частицей *-то* в вопросе употребляется вопросительная частица *да* для подтверждения оттенка предположительности, ср: *Она там с кем-нибудь познакомилась?* – *Она*

там с кем-то познакомилась, да? В такие же синонимичные отношения могут вступать неопределённые местоименные слова с частицами *кое- и -то* в ситуации коммуникативной игры: *А тебя кое-кто / кто-то ждёт у выхода, не задерживайся!; Наташа, кто-то / кое- кто хочет с тобой поговорить.*

Категория неопределённости находит свое выражение и в количественных словах: *много, немного, многое, многие, несколько, некоторые.* В этих лексемах неопределённость ощущается не так отчетливо, как в неопределённых местоимениях и наречиях, однако значение количества остается не вполне определенным, а скорее относительным: *Для спринтера марафонская дистанция – это много (километров), а для марафонца обычное, «рабочее» расстояние.*

Наблюдения над языковым материалом выявляют некоторые особенности в сочетаемости количественного слова *многие* с существительными в различных контекстуальных условиях.

Так, вполне нормативны следующие предложения: *Многие люди предпочитают отдыхать летом; Многие журналисты слишком вольно обращаются с фактами; Многие проблемы решаются со временем; Многие картины этого художника выставляются впервые; Многие тигры охотятся парами; Со многими из этих поэтов я встречался.*

В приведённых примерах *многие* свободно сочетается с одушевленными и неодушевленными существительными, обозначающими лиц, животных, предметы, понятия.

На первый взгляд так и есть. Но в отношении наименования предметов не всё так однозначно. Можно ли считать правильными следующие предложения: *Многие тарелки стояли в кухонной раковине; Многие спички не зажигались; От многих яблок покупатели отказались.* Очевидно, что с названиями бытовых предметов повседневного обихода количественное слово *многие* либо не сочетается, либо сочетается с натяжкой. С более значимыми оно образует вполне распространённые словосочетания: *многие вещества, лекарства, механизмы, агрегаты, денежные купюры* и под.

Интересно отметить и другие случаи несочетаемости *многие* в ряде контекстов, ср.: *Многие дети боятся темноты – Многие*

дети сидят в песочнице; Многие люди верили рекламным обещаниям – Многие люди стояли у ворот завода. Слово многие обозначает большую часть целого или какого-либо множества: разряда, класса, сообщества. Представителям таких классов, преимущественно людей, присущи характерные для них признаки, в основном действия: врачи лечат, учителя учат, водители возят пассажиров, студенты сдают экзамены, туристы путешествуют. Между субъектом и характером его обычного действия существует согласованность, а отсутствие такой согласованности, нетипичность действия приводит к высказываниям, которые вряд ли могут быть уместными, ср.: Многие студенты готовятся к экзаменам в читальном зале — Многие студенты ожидают автобус на остановке; Многие школьники прогуливали уроки — многие школьники бежали по улице; Многие хирурги оперируют стоя — Многие хирурги обедают в ресторане.

В контексте значения категории неопределенности следовало бы упомянуть и об употреблении указательных местоимений и наречий при передаче чужой речи в рассказах, изложении событий без упоминания подробностей, не конкретизируя участников события, например: *По его словам, всё произошло так-то и так-то; К этому делу привлекли такого-то и такого-то; Это было тогда-то и тогда-то; Укажите в протоколе: не явились на собрание- тот-то и тот-то; Он объяснял, что ездил туда-то и туда-то, встречался с тем-то и тем-то.*

Значение неопределённости может быть выражено также одной из разновидностей сложного предложения. Имеются в виду сложные предложения с неориентированной анафорической связью, в которых лицо, предмет, событие, время или место действия, характер его протекания конкретно не обозначены, например: *Произошло то, чего никто не ожидал; Собрались те, кого успели предупредить; Он пришел туда, куда ему указали; Я приду тогда, когда смогу.*

Связь в рассматриваемых предложениях имеет целую систему коррегирующих местоимений, которые составляют соотносительные пары. Неопределенность в предложениях данного типа связана с тем, что говорящий не может или не хочет конкретно назвать лицо, предмет, ситуацию. Иногда это связано с нежеланием перечислить необходимые предметы, с незнанием

наименования предмета, места, имени или фамилии лица: *Принеси мне то, что лежит на шкафу; Дай мне то, чем стирать фломастер с доски; Он передал журнал тому, кто будет дежурить завтра; Я не видел тех, кто уже сдал экзамены; Они поехали туда, где отдыхали в прошлом году.*

Анализ средств выражения категории неопределённости в русском языке свидетельствует о широком диапазоне этих средств и о значительном количестве нюансов, заслуживающих дальнейших исследований.

Luceta L. Babalova

PhD, IRLC, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

babaloval@ya.ru

CATEGORY OF INDEFINITENESS IN RUSSIAN LANGUAGE

The article discusses the means of expressing of indefiniteness in the Russian language, the nuances of this meaning when using pronoun words with particles *кое-, -то, -нибудь, -либо* mainly in dialogical speech, the compatibility of a quantitatively indefinite word *многие* with nouns, as well as the meaning of indefiniteness transmitted by means of a complex sentence.

Key words: category of indefiniteness, quantitatively indefinite word *многие*, indefiniteness in complex sentences.

Лазуткина Елена Михайловна
кандидат филологических наук, ведущий
научный сотрудник отдела русской речи,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, Россия, Москва,
lazutkelena@yandex.ru

О ПРИНЦИПАХ КОДИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ

В статье показываются особенности синтаксических норм русского языка в период активных социальных изменений, рассказывается о колебаниях нормы сочетаемости слов со слабым коммуникативным статусом, о принципах кодификации

Ключевые слова: современный русский язык; культура речи; теория нормы; синтаксис.

I. Синтаксические стереотипы в период социальных перемен

При преподавании русского языка как иностранного правомерно ставить вопрос о законах использования языка в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в человеческой памяти, а также о способе описания языка в словарях и грамматиках как упорядоченной системы потенциальных речевых образований.

Речь – линейная синтаксическая последовательность элементов – является зоной образования смысла. В потоке речи лексика в определенных формах и грамматические конструкции представляют собой способ представления мыслительных категорий, показывают действие прагматических механизмов сложившейся языковой системы.

Анализ смысловой организации речи непосредственно связан с определением ее синтаксической правильности, поскольку только правильная речь свидетельствует о владении литературным языком, обеспечивает коммуникативный успех, эффективное общение.

Что значит термин «литературный язык»? Литературный язык – это интерпретативная и коммуникативная система взаимодействия блоков формальных структур разноуровневых единиц, – взаимодействия, предназначенного для выражения замысла говорящего. Интерпретативной система называется потому, что ее эпистемическую основу составляют логические структуры, коммуникативной – потому, что язык имеет социальную, диалогическую природу и когнитивные процессы неразрывно связаны с актами речи, с ориентированными на восприятие адресата исторически сложившимися – в соответствии с этическими принципами общества – формами выражения.

Проблема культуры речи и изменений в синтаксической системе особенно остро встает в XXI веке. В период социальных перемен в сфере употребления языка происходят активные процессы, которые показывают возможности системы, показывают зоны влияния на нормы литературного языка диалектной речи и просторечия. Появление социальных групп, незнакомых с нормированной речью, использующих в своей жизни язык только на бытовом уровне, сказывается на чувстве стиля носителей языка и на грамотности, а также отражается на состоянии языка.

«Так называемая поливалентность национального литературного языка, т.е. степень охвата им разных областей общественно-речевой практики, во многом зависит от специфики социально-исторических условий его развития» - писал В.В.Виноградов в 1967 г. [Виноградов 1978: 191]. Ср. близкое высказывание М. Холквиста: «Нормативные представления, которые в определенное время и в определенном месте имеют видимость вневременных и универсальных, на самом деле определяются конкретным историческим периодом, обусловлены той или иной системой культурных ценностей» [Холквист 2002: 270].

Литературный язык – это такое культурное языковое пространство, которое делает участниками общения во всех сферах жизни максимально большое количество носителей национального языка. Это удобный и понятный для всех «стандарт», который используется и в разговорной речи, в СМИ, и в официально-деловом общении, в межкультурной коммуникации, в практике международных отношений, в работе переводчиков и в общенаучном языке.

Национальный язык, как считал Бодуэн де Куртенэ, сохраняется только благодаря практике использования нормированной речи: «Продолжение языковой традиции, а также возможность понимания предков и передачи их мыслей потомкам осуществляется только при помощи национального литературного языка, а поддержание сохранности и безупречности литературного языка требует, конечно, знания одной из важнейших частей языкознания, т.е. грамматики» [Бодуэн де Куртенэ 1963, Т. I: 220].

Норма не представляет собой единого целого, а расчленяется на норму реализованную, которая закреплена в словарях, «кодифицирована, подсознательно осознается всеми носителями языка» («она в себя включает актуализованную часть, активный запас, и неактуализованную: уходящие архаизмы, редко встречающиеся варианты»), и норму реализуемую, которая также подразделяется на две части: 1) становящиеся нормой неологизмы и новообразования на разных уровнях языка и 2) принципиально некодифицируемая область речевой деятельности (окказионализмы или создаваемые к случаю необходимые в процессе общения образования) [Скворцов 1980].

Исследование грамматических норм и норм словоупотребления, определение причин их колебания – это постоянный процесс объяснения существующих в настоящее время речевых явлений и прогнозирования изменений системных образцов. Постепенность изменения грамматической нормы литературного языка, особенно в области ее кодификации, – самая отличительная и самая характерная ее черта [Граудина, Ицкович, Катлинская 2001: 3-16; Лазуткина 2011]. Кодификация норм происходит на основе изучения специалистами закономерностей языковых изменений и применения объективных критериев нормативных оценок. Эта деятельность лингвиста во многом определяется современным уровнем развития науки о языке и разработанной методологией исследований.

Таким образом, нюансы когнитивных процессов и коммуникативных ситуаций, в том числе разные ракурсы, планы, аспекты, мыслительные конструкты реальных и воображаемых событий и отношений накапливают в системе языка огромный репертуар разноуровневых средств. Вполне оправданно лингвисты говорят о творческой потенции языка, о том, что «язык не воспроизводит,

не копирует, не “озвучивает”, не “оплотняет” мысль, а **вырабатывает ее** и вводит в сознание человека» [Кручинина 2015: 4].

Вполне оправданно А.Е. Кибрик рассматривает понятие нормы как эпистемическую организацию языка; он считает, что существует когнитивный оператор нормы / отклонения от нормы: немаркированное языковое значение соответствует когнитивно нормальному (естественному, ожидаемому) положению вещей, маркированное языковое значение соответствует когнитивно отклоняющемуся от нормального (неестественному, неожиданному) положению вещей» [Кибрик 2008: 62-63].

Синтаксические правила организации речи составляют суть коммуникативной компетенции, которая формируется в постоянной речи и проявляется в умении говорящими выбрать ситуативно *уместную форму выражения*, которая представляет собой стилистически оправданный выбор одной формы из нескольких вариантов. Поэтому, например, вызывает неприятие уродливое, бессмысленное название кинофильма *«Как я провёл этим летом». Здесь в приглагольной синтаксической позиции должно быть неодушевленное существительное пропозитивной семантики в вин.п. со значением временного промежутка (ср.: *провел зиму, лето, день, месяц*), в то время как словоформа в тв. п. *летом* имеет значение указания времени года.

Узус, жизнь языка в социуме, мы понимаем как представление в речи структурных закономерностей языковой системы. Узус – это и показ новых возможностей языка, которые со временем могут стать нормативными элементами системы, и демонстрация нарушений в процессе функционирования языка. О речевых ошибках Л.В. Щерба писал: «Все ошибки социально обоснованы; их возможности заложены в данной языковой системе» [Щерба 1974]. Повторяющиеся ошибки говорят об активном процессе в данном фрагменте языковой системы. К этому можно добавить, что некоторые нарушения сигнализируют о «сбоях» в процессе речепорождения, напоминают о том, что речевая деятельность, мгновенная и симультанная, биологична по своей сути.

Речевое общение формирует мир знаний и культурных ценностей, а также закрепляет в памяти типизированные формы выражения мыслей и чувств – коммуникативные стереотипы. Для

хорошего владения языком необходима активная речевая практика в разных коммуникативных сферах.

В модели предложения, устойчивом речевом образце, отражается типизированный в данном социуме способ обозначения того или иного события, процесса, явления, факта. Необходимые понятия, являющиеся инструментом анализа, - «модель предложения», «категориальное значение слова», «семантическая категория предложения», «грамматическая категория», «синтаксическая позиция» и «синтаксический ряд».

Каждое предложение своим сигнификативным значением показывает одну возможность представления реальности. Поэтому синтаксическую модель следует рассматривать как *способ* обозначения говорящими на данном языке ментального конструкта реальной ситуации, а не как «ярлык» самой реальной ситуации. Естественно, что слово в модели предложения проходит опосредствование своей денотативной отнесенности через свою структурную «значимость» в речевом образце. В каждый исторический период общество, в соответствии со своей картиной мира, показывает свои предпочтения в выборе тех или иных способов выражения. Рассмотрим современные синтаксические модели.

II. Структурные изменения в моделях глагольного предложения.

1. Человек в фокусе интереса говорящих.

Характерной чертой современных двусоставных моделей предложений, обозначающих какие-то процессы, в которых участвует человек или связанных с описанием человека, является такая структурная организация, которая свидетельствует о том, что именно человек находится в фокусе интереса говорящих. Так, например, в XIX веке считалась естественной следующая фраза: **Усы и борода обросли нижнюю часть лица Пьера* (Л. Н. Толстой). Семантика этой модели такова: «Неконтролируемое действие (движение) стихийного субъекта-каузатора, имеющее своим следствием полноту охвата объекта». Казалось бы, сильная синтаксическая связь глагола с объектом в вин. пад. обеспечит долгое существование модели. Однако *Усы и борода* - предметные существительные, поэтому им вполне оправданно

было отказано языком в роли каузатора в синтаксической позиции субъекта действия. Понижение коммуникативного статуса субъекта влечет перевод предметного существительного из ядра предложения на периферию, в позицию каузатора низшего ранга, в позицию, в наименьшей степени зависимую от предиката. Это изменение структуры предложения выявляет предпочтения современных носителей языка; например: *Пьер оброс усами и бородой. Мужчина оброс.*

Таким образом, носители современного русского языка отдают приоритет обозначению процесса, происходящего с человеком, и имя определенного человека становится темой высказывания, ему предоставляется позиция субъекта в начале предложения. Лексемы *усы, борода*, как слабые каузаторы, в форме твор. пад. со значением итоговой смежности, имеют более низкий коммуникативный статус, чем словоформы в имен. пад., и становятся менее обязательными. Их значение аккумулировало глагольное слово, поэтому они могут отсутствовать: *Он оброс.* Возникновение такой синтаксической модели следует объяснить действием механизмов лингвистической прагматики. Язык использовал межмодельную синтаксическую деривацию, взяв за основу модель предложения, организованного глаголом *обрасти*, – глаголом локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту покрытия объекта, и закрепил в синтаксической системе диатезу, в которой действие сосредоточено на субъекте (теме высказывания). Процесс (и результиративное состояние) вызван слабым каузатором, выраженным словоформой в твор. пад. и направлен на субъект (место). Ср. другие речевые образцы этой модели: *Пруд зарос ряской; Трава покрылась изморозью.* Каузатор может быть включен в состав глагола-предиката: *Хлеб заплесневел; Труба заржавела.*

2. Замена безличной конструкции на модель двусоставного предложения

В XIX веке употреблялись конструкции, в которых подчеркивалась стихийность, бесконтрольность каких-то состояний человека, процессов в его внутреннем мире, вызванных влиянием внешних сил. Ср.: *Стало быть, вам бы невозможно было с ним*

расстаться (И.С. Тургенев, Т. 4, с. 361). В качестве коммуникативного синонима в современном русском языке, как правило, употребляется двусоставное глагольное предложение: личная форма модального глагола обеспечивает такую характеристику предложения, как высокая степень активности субъекта (позиция предназначена для одушевленного существительного) и ослабление интенсивности лексического значения предиката: *Стало быть, Вы не смогли бы с ним расстаться.*

3. Повышение ранга субъекта

В XIX веке композиционная семантика предложения с глаголом *сопровождать* свидетельствовала о том, что в этом глаголе нет семы преднамеренности действия и что этот глагол синонимичен глаголу *сопутствовать*; ср.: ...образ Верочки не выходил у него из головы и тайно *сопровождал* его мечтания (И.С. Тургенев).

В современном русском языке этой модели предписывается высокая степень активности субъекта. Субъектная позиция предназначена для одушевленного существительного: *Брат сопровождал его.* Изменение категориальной семантики субъекта согласуется с семой преднамеренности действия глагола-предиката.

4. Изменение синтагматических свойств глаголов

Сильные синтаксические связи глагола имеют место в том случае, если его категориальными свойствами и словообразовательной структурой предопределено появление в речи зависимого компонента, выявляющего номинативные свойства глагола-предиката. При этом между глагольным словом и распространителем возникают отношения объектные или восполняющие (комплетивные) [Русская грамматика 1980 -II].

Синтаксическую позицию объекта –обобщенное (категориальное) значение и морфологические характеристики - обуславливает семантико-синтаксическая организация предложения и, прежде всего, семантика предиката. Выводом из тезиса о тесной логической связи между предикатом и объектом априори должно стать положение о прикрепленности рядов именной лексики в роли объекта к определенной семантической группе предикатов в определенный исторический промежуток времени.

а) В XIX веке глагол *заступить* имел сильное управление, предопределял прямое дополнение; ср.: *Загорецкий заступил («занял») место Скалозуба* (А.С. Грибоедов). Этот глагол перешел из синтагматического класса глаголов локально направленного действия в синтагматический класс глаголов движения: ср. современное употребление: *Заступить за черту, заступить на дежурство*.

Изменение сочетаемости глагола может быть связано с изменением его лексического значения, в котором немаловажную роль играет словообразовательная структура. В глаголе *заступить* произошла потеря синтаксически важной семы «полнота покрытия» и семантический акцент пришёлся на значениях префикса *за-*, который и обусловил предложное управление, появление предлога «за»: *заступить место --- заступить за черту*

б) Сложнее интерпретировать потерю сильноуправляемого компонента в вин. пад. глаголом *следить*, поскольку это непрефиксальный глагол. Ср. употребление XIX века: **<...> это мышление самого языка должна следить грамматика* (К. С. Аксаков, 1875 г.). В современной синтаксической норме предложное управление, которое, возможно, возникло под влиянием семантически близкого глагола *смотреть* (за кем-чем.): *следить за соблюдением графика эксперимента*.

в) Глагол *начальствовать* в XIX веке имел объектное распространение, употреблялся с именем в твор. пад.: *В 1734 – 1735 годах начальствовали ими [судами «Экспедицион» и «Обь»] лейтенанты Муравьев и Павлов* (К. Случевский). Этот малоупотребительный глагол в настоящее время используется для обозначения рода занятий, деятельности без зависимых словоформ; ср.: *Он начальствует (концертирует, гастролирует)*.

5. Нестабильность синтаксических связей у слов со слабым коммуникативным статусом

Новые слова и слова с низкой частотностью употребления показывают разную в синтаксическом распространении. Если слово не усвоено в социуме, то оно используется в ограниченном количестве синтаксических моделей. Особенно часто нарушение нормы и неправильная интерпретация текста возникают из-за

ошибок в соединении слов в предложениях, организующим центром которых являются новые заимствованные слова. Периферийное положение слов в системе находит отражение и в лексикографических изданиях: грамматические пометы к таким словам в толковых словарях современного русского языка, как правило, отсутствуют. Нарушения правил синтаксического распространения некоторых слов отвлеченной семантики свидетельствуют об их слабом коммуникативном статусе.

Так, слово **приоритет** в значении «первенствующее положение, первенство» недавно появилось в языке и входит в немногие словосочетания. После этого слова следует употреблять именную словоформу в родительном падеже: *Приоритет этой российской фирмы признан всеми*. Допускается появление этого слова в речи без зависимого компонента: *Комиссия установила приоритеты*. Употребление слова *приоритет* в значении «первенство во времени в открытии, изобретении чего-л.» со слабоуправляемой словоформой в предл. пад. с предлогом «в» более частотно; например: *У нашей страны приоритет в открытии Антарктиды*. Ошибочным считается следующее употребление: **Приоритет этих вопросов перед предложенными*.

У существительного **претензия** в значении «жалоба» возможно вариативное управление: *к кому-чему* или *без зависимого компонента*; например: *Претензии к родителям мужа порттили их отношения; Претензии к качеству трикотажных изделий не были ими высказаны*. Под влиянием синтаксических свойств синонимичного слова *жалоба* существительное *претензия* иногда ошибочно употребляется с предлогом «на»; например: **Поступила претензия на работу продавца*.

Слово **преференция** менее частотно, чем слово *претензия*, и почти не употребляется в разговорной речи. Тем не менее, в письменной речи это слово показывает вариативность синтаксических связей: *Мне не нужны никакие преференции; В этой сфере для многодетных семей существуют некоторые преференции*. Возможно, тематически близкое слово *преимущество* оказывает влияние на синтагматику существительного *преференция*, и нам встретилось немотивированное появление двойного управления - *кого-н. перед кем-н.*: **Преференции ветеранов перед молодыми спортсменами*.

Слово **акцент** в значении «усиление» в роли зависимого компонента при глаголе *сделать* предопределяет появление словоформы в предл. пад. с предлогом «на»; например: *Необходимо сделать акцент на явке избирателей*. Ошибочное употребление – с формой вин. пад. с предлогом «на»: **Необходимо сделать акцент на явку избирателей*. Возможно, имеет место влияние синонимичного словосочетания *обратить внимание (на что-н.)*.

Существительное **аналог** в русском языке имеет обычное распространение объектной словоформой в род. пад.: *аналог этого*. Распространенные ошибки - немотивированное употребление со словоформами в дат. пад. с предлогом «к» или без предлога: **Аналог к тому - данный прецедент; *Аналог предыдущему случаю*. Это показывает экспансию словоформы в дат. пад. с объектным значением в современной синтагматике.

Существительное **иск** является специальным словом, элементом юридической терминосферы, поэтому оно должно иметь облигаторное синтаксическое распространение: *иск кого-чего к кому-чему*. Тем не менее, это слово встречается в неправильном синтаксическом окружении, например: **Иск моего клиента против вашего сотрудника. Следует: иск моего клиента к вашему сотруднику*.

Существительное **солидарность** в значении «деятельное сочувствие каким-н. мнениям или действиям, общность интересов, единомыслие» требует распространения словоформой в твор. пад. с предлогом «с»; например: *После выступления остался в зале в знак солидарности с товарищами по команде*. В значении этого существительного есть компонент «совместность», что позволяет употребить это слово со словоформой в твор. пад. с предлогом «между». Ср.: *Нужна солидарность между разными группами населения*.

Слово **стимул** имеет вариативное распространение: *стимул к чему / стимул для чего*; например: *Необходим стимул для развития / стимул к развитию*. Ошибочное употребление – со словоформой в вин. пад. с предлогом «на»: **Необходим стимул на занятия спортом*.

Отвлеченное существительное **тенденция** в значении «направление развития» в системе управляет отвлеченным суще-

ствительным в род. пад. или в дат. пад. с предлогом «к»; например: *Намечается тенденция к росту; Прогрессивные тенденции развития.* Но низкая частотность этого слова и специфика дискурса, в котором оно появляется, обусловили нестабильность его синтаксических связей. См. ошибочное употребление: **В текстах прослеживается тенденция на доступность, понятность* (А. Н. Кожин). Следует: *В текстах прослеживается тенденция к доступности, понятности.*

Глагол **гармонировать** в значении «соответствовать чему-н., находиться в гармонии с чем-н.» управляет словоформой в твор. пад. с предлогом «с»; например: *Этот шарф гармонизирует с вашим жакетом.* Ошибочное употребление - с формой в дат. пад. вызвано ассоциацией этого слова с синонимичным глаголом *соответствовать*: **Этот шарф гармонизирует вашему жакету* (ТВ).

Малоупотребительный глагол **позиционировать** в значении «представлять кого-что-н. в качестве кого-что-н.» в современном узусе имеет двойное вариативное распространение: со словоформой в вин. пад. и со словоформой в вин. пад. с союзом «как» или со словоформой в вин. пад. и со словоформой в род. пад. с предлогом «в качестве»; например: *Она позиционировала себя как инженерю; Они позиционировали свою фирму в качестве единственного разработчика.*

10. Смешение синтаксических связей при обозначении конверсных отношений.

Конструкции, обозначающие действие с несколькими участниками требуют четкого соблюдения правил синтаксического распространения глагола. Так, глаголы **занимать / занять** имеют значение «брать (взять) взаймы» *что у кого* - с неодушевл. существительным в вин. пад. и с одушевл. существительным в род. пад. с предлогом «у» (объектом; необязательным членом предложения): *Придется занимать эту сумму у родственников.* Ошибочное употребление – с одушевл. сущ. в дат. пад.: **Ему не занимай: долго не отдаёт* - при смешении синтаксических свойств глаголов *занимать / занять* и *одалживать / одолжить*): *Ему не одалживай.*

Глагол *одалживать* / *одолжить* может использоваться и как синоним глагола *дать*, и как синоним глагола *взять*:

1. *что кому*. «Дать займы или дать что-н. на время». *Одолжить кому-н. деньги до зарплаты. Одолжить соседке формочки для печенья.*

2. *что у кого*. «Взять в долг, займы или взять ненадолго» (разг.). *Одолжить у друга немного денег. Одолжить у подруги ноутбук.*

При ошибочном употреблении глагола *ревновать* синтаксическую позицию предмета ревности – словоформы в вин. пад. – занимает то существительное, которое должно было бы употребляться в дательном падеже с предлогом «к».

Глагол *ревновать* в знач. «испытывать чувство ревности, досадовать по поводу того, что любят не тебя, расположены к другому» *кого к кому* - с одушевл. существительным в вин. пад. (объектом; названием определенного лица) и одушевл. существительным в дательном падеже с предлогом «к» (объектом; названием лица): *Она ревновала мужа к сестре*. Ошибочное употребление – с сущ. в дательном падеже с предлогом «к», называющим предмет ревности: **Она ревновала сестру к мужу*.

Глаголы *оплачивать* / *оплатить* в значении «внести плату за что-н.» распространяются следующим образом: *что чем* - с отвлеченным существительным в вин. пад. (объектом) и существительным в твор. пад. (объектом; необязательным указанием на средство): *Оплачивайте проезд; Оплатили покупку кредитной картой (наличными деньгами)*. Ошибочное употребление: а) замена на просторечный глагол **проплатить* / **проплачивать*: **Юбку не проплатили еще*; б) с сущ. *зарплата*: **Мы (наше предприятие) должны оплачивать зарплату* – при смешении глаголов *оплачивать* и *выдавать*: *Зарплату выдают вовремя*.

Вывод. Характеристики синтаксических образцов, моделей предложений рисуют картину современных употреблений, показывают синтаксические стереотипы, выявляют черты языкового сознания носителей русского языка.

Условия повышения уровня владения языком во многом обусловлены нелингвистическими причинами. Залог успешного развития синтаксической системы – востребованность в социуме

разных сфер коммуникации, расширение диапазона речевого общения каждого члена общества.

ЛИТЕРАТУРА

- Бодуэн де Куртене И. А. О задачах языкознания // Бодуэн де Куртене И.А. Избранные работы по общему языкознанию. Т. I. - М.: 1963. – С. 203–220.
- Виноградов В. В. Вопросы образования русского национального литературного языка // Виноградов В.В. Избранные труды. История русского литературного языка. - М.: «Наука», 1978. – С. 178–201.
- Граудина Л. К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи. Стилистический словарь вариантов. 2-е изд., испр. и доп. - М.: «Наука», 2001. – С. 3–16.
- Кибрик А. Е. Лингвистическая реконструкция когнитивной структуры // Вопросы языкознания. - М.: 2008, № 4. – С. 51–77.
- Кручинина И. Н. Формирование научного представления о грамматических свойствах слова // Русский язык в национальной школе. М.: 2015. № 2. — С. 3–16.
- Лазуткина Е. М. Развитие критериев нормативности // Вопросы культуры речи. - М.: 2011. - С. 16–26.
- Русская грамматика. Т. II. М.: «Наука», 1980.
- Скворцов Л. И. Теоретические основы культуры речи. - М.: «Наука», 1980.
- Холквист М. Диалог истории и поэтики // Михаил Бахтин. Pro et contra. Антология. Том II. - СПб.: 2002. - С. 229 – 276.
- Щерба Л. В. О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании // Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. – Л., 1974. - С. 24–39.

Elena M. Lazutkina

PhD, The Vinogradov Institute of Russian language RAS, Russia, Moscow

lazutkelena@yandex.ru

The article shows the peculiarities of the syntactic norms of the Russian language in the period of active social changes, describes the fluctuations of the rules of compatibility of words with a weak communicative status, the principles of codification.

Keywords: modern Russian language; culture of speech; theory of language rules; syntax.

Гаврилова Валентина Ивановна
*кандидат филологических наук, старший научный
сотрудник ВИНТИ РАН, Москва, Россия*
VIGavrilova123364@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ЗАЛОГОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕКАУЗАТИВНЫХ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ

Рассматриваются два морфологических способа оформления предикативных форм страдательного залога — предикативные формы глаголов на –ся и предикативные формы страдательных причастий. В совершенном виде пациентивные конструкции с глаголами-сказуемыми на –ся имеют декаузативное значение, а пациентивные конструкции с краткими страдательными причастиями в функции сказуемых имеют страдательное значение.

Ключевые слова: декаузативная конструкция, страдательная конструкция, производящая переходность, иницирующая переходность, агенс-производитель, агенс-инициатор, возвратные сказуемые, краткие страдательные причастия.

Введение

В рамках данного исследования условимся именовать:

1. **прототипическими переходными конструкциями** такие переходные конструкции, которые описывают процессы изменения свойств неодушевленных субстанций (включая их создание и уничтожение) под воздействием человека;

2. **пациентивными конструкциями** такие непереходные конструкции, подлежащие которых кореферентны прямым дополнениям прототипических переходных конструкций, а сказуемые являются предикативными формами либо страдательных причастий, либо глаголов на -ся, образованных от основы сказуемое прототипической переходной конструкции, при условии, что пациентивная и прототипическая переходная конструкция обозначают одну и ту же онтологическую ситуацию.

В наших исследованиях [Гаврилова 2015; 2016] сопоставительный анализ сказуемых прототипических переходных конструкций и параллельных пациентивных конструкций проводился под углом зрения особенностей энергетического обеспечения процессов, описываемых в этих конструкциях.

При этом энергетическое обеспечение рассматриваемых процессов характеризовалось как совокупность двух бинарных оппозиций

1. оппозиция, определяющая сам факт участия или неучастия в процессе изменения неодушевленной субстанции сознательно действующего человека, иными словами, противопоставлялись «обязательность энергетического участия человека» и «факультативность энергетического участия человека» в осуществлении процесса изменения неодушевленной субстанции.

2. оппозиция, дающая оценку характера участия человека в процессе изменения неодушевленной субстанции, а именно противопоставляются «непосредственное участие в осуществлении изменений в качестве агенса ситуации на всем протяжении ее развития» и «инициация процесса изменений человеком неодушевленной субстанции с последующим самоотстранением человека-инициатора от дальнейшего участия в развитии этого процесса».

Результатом классифицирования, проведенного по этим основаниям, является выделение следующих трех классов глаголов-сказуемых возвратных пациентивных конструкций:

- глаголы типа *разрушиться*;
- глаголы типа *построиться*;
- глаголы типа *свариться*.

В настоящем исследовании глаголы типа *свариться* не будут выступать в качестве предмета исследования. Сведения о глаголах этого типа будет привлекаться рассмотрению лишь в том случае, когда эти сведения оказываются полезными для характеристики глаголов двух анализируемых типов.

Процессы изменения неодушевленной субстанции, которые могут осуществляться как при целеполагающем энергетическом участии человека, так и без такого энергетического участия		Процессы изменения неодушевленной субстанции, которые требуют обязательного сознательного участия человека
Осуществление процесса без энергетического участия человека Глаголы типа <i>разрушиться</i> ₁	Человек в роли агенса-производителя осуществляемого процесса Глаголы типа <i>разрушиться</i> ₂	Человек в роли агенса-производителя осуществляемого процесса Глаголы типа <i>строиться</i>

----- -----	Дом разрушают ₂ Дом разрушили ₂	Дом строят Дом построили
Дом разрушается ₁ Дом разрушился ₁ -----	Дом разрушается ₂ ----- Дом был разрушен ₂	Дом строится Дом построился Дом был построен

В таблице приведены только предикативные формы глаголов, поскольку в настоящем исследовании залоговые характеристики атрибутивных глагольных форм останутся вне поля рассмотрения.

Глаголы типа *разрушиться* способны описывать процессы, осуществляющиеся как с целеполагающим участием человека, так и без такого участия. Условимся обозначать глаголы типа *разрушиться* как *разрушиться₁* или *разрушиться₂*, в зависимости от того используются ли словоформы глагола *разрушиться*, соответственно, для обозначения процессов, происходящих вне целеполагающей деятельности человека, или процессов, происходящих благодаря целенаправленной деятельности человека.

Глаголы *разрушиться₁* и *разрушиться₂* имеют разные наборы морфологических. А именно, с глаголами типа *разрушиться₁* возможна реализация только возвратных пациентивных конструкций $N_{им}V\text{-ся}^{CB}$ и не возможна реализация как неопределенно-личных предложений, так и причастных пациентивных конструкций, построенных в соответствии со структурной формулой $N_{им}CопPart\text{-н/-м}(V^{CB})$.

С глаголами типа *разрушиться₂* возможны все конструкции за исключением возвратной пациентивной конструкции $N_{им}V\text{-ся}^{CB}$, которая всегда воспринимается, как содержащая словоформу, глагола *разрушиться₁*.

Однако, использование обозначений *разрушиться₁* и *разрушиться₂* не означает, что мы усматриваем в данном случае существование двух омонимичных глаголов. Вопрос о том, сталкиваемся ли мы в этом случае с омонимией или же с наличием двух разных значений внутри одного глагола, требует специального изучения и будет затронут в Заключение.

В настоящем исследовании на примере глаголов типа *разрушиться* и *построиться* исследуется зависимость морфологических и синтаксических особенностей глаголов от типа энергетического обеспечения процессов, описываемых этими глаголами.

Знаменательно то, что, значение, присущее предикативным формам причастий на *-н/-т*, выступающим в составе причастных пациентивных конструкций $N_{им}CопPart-н/-т(V^{CB})$, всегда независимо от типа энергетического обеспечения процесса интерпретируется как страдательное значение.

Напротив, залоговое значение возвратных глаголов-сказуемых пациентивных конструкций $N_{им}V-ся^{CB}$ напрямую зависит от способа энергетического обеспечения процесса изменения подлежащего-пациенса, описываемого с помощью возвратного глагола. Иными словами страдательный или декаузативный характер значения возвратной конструкции предопределяется способом энергетического обеспечения сказуемого описываемой ситуации.

Так, страдательная конструкция «*Дом был разрушен*₂» принципиально отличается от декаузативной конструкции «*Дом разрушился*₁» по типу энергообеспечения процесса изменения подлежащего с ролью пациенса, описываемого в этих двух конструкциях. А именно:

- Причастная пациентивная конструкция *Дом был разрушен*₂ интерпретируется как страдательная конструкция, поскольку с ее помощью описывается процесс изменения состояния дома, сознательно осуществляемый человеком.

- Возвратная пациентивная конструкция *Дом разрушился*₁ интерпретируется как декаузативная конструкция, поскольку с ее помощью описывается процесс изменения, протекающего без какого-либо участия человека.

Напротив, конструкции *Дом был построен* и *Дом построен* обозначают одну и ту же онтологическую ситуацию, описывающую сознательно осуществляемое человеком строительство дома, поскольку процесс строительства домов в видимом трехмерном пространстве не может носить самопроизвольного осуществления.

Трактовка залоговых оппозиций в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)

Словоформы глаголов из текстов, подвергающихся грамматической разметке в рамках Национального корпуса русского языка (НКРЯ), предлагается трактовать как формы действительного (act), страдательного (pass) или медиального (med) залогов.

Эти три залога характеризуемых в НКРЯ следующим образом:

act – действительный залог (*разрушает*, **РАЗРУШИЛ**, *разрушающий* **РАЗРУШИВШИЙ**);

pass – страдательный залог (только у причастий: **РАЗРУШАЕМЫЙ**, **РАЗРУШЕННЫЙ**, *разрушен*);

med – медиальный, или средний залог (глагольные формы на -ся: *разрушается*, **РАЗРУШИЛСЯ**, *разрушающийся*, *разрушившийся*).

Как мы видели, название каждого из трех предлагаемых в НКРЯ залогов сопровождается заключенной в круглые скобки справочной грамматической информацией. Эта информация включает в свой состав:

1) краткий грамматический комментарий (который в случае действительного залога отсутствует);

2) перечень тех атрибутивных и предикативных словоформ глаголов *разрушать,-ся* и *разрушить,-ся*, которые способны обеспечить морфологическое оформление характеризуемого залогового значения. При этом необходимо отметить, что приводимые в НКРЯ перечни словоформ глаголов *разрушать,-ся* и *разрушить,-ся*, способных передавать соответствующее залоговое значение, не являются исчерпывающими. Перечни, приведенные нами выше, являются расширенным вариантом перечней, представленных в НКРЯ. В этих расширенных перечнях словоформы, входящие в состав исходных перечней из НКРЯ, записаны при помощи выделенных жирным шрифтом заглавных букв. Словоформы, не имеющие такого выделения, добавлены нами.

Опираясь на помещенные в круглые скобки грамматические сведения, можно сделать вывод, что согласно залоговой концепции НКРЯ:

- формами «страдательного залога» считаются только словоформы морфологически оформленным с помощью страдательных причастий, например, причастное сказуемое конструкции (1);

- глагольные формы на –ся считаются формами медиального, или среднего залога, в частности, возвратное сказуемое конструкции.

Иными словами, в НКРЯ объявлено, что сказуемые конструкций (1) и (2) противопоставлены друг другу как формы страдательного и медиального залогов.

(1) *Дом был разрушен* (страдательный залог)

(2) *Дом разрушился* (медиальный залог)

В список словоформ, способных выражать медиальное залоговое значение, нами была добавлена словоформа «разрушается». Эта добавленная словоформа отличается от словоформы «разрушился», присутствующей в исходном перечне, не только видовой характеристикой, но еще и своими денотативными возможностями. Так словоформа «разрушился», выступая в качестве сказуемого двучленной пациентивной конструкции, например (2), способна обозначать только **одну онтологическую ситуацию**, а именно ситуацию неподконтрольного человеку самопроизвольно возникающего разрушения. Напротив, пациентивная конструкция, в которой в качестве сказуемого выступает словоформа «разрушается», способна обозначать **две разные онтологические ситуации** как это имеет место, например в случае конструкций (3а) и (3б). Эти две конструкции обозначают, соответственно, ситуацию самопроизвольно возникающего разрушения и ситуации такого разрушения, которое сознательно производится человеком.

(3а) *Дом разрушается₁ (сам собой).*

(3б) *Дом разрушается₂ (кем-то).*

Итак, по своему денотативному потенциалу пациентивные конструкции, сказуемыми которых является словоформа СВ «разрушился», коренным образом отличаются от тех пациентивных конструкций, сказуемыми которых является словоформа НСВ «разрушается».

Остается непонятным одна и та же или разные залоговые характеристики из набора залогов признаваемых в НКРЯ, предполагается присваивать сказуемым конструкций (3а) и (3б) при грамматической разметке текстов в НКРЯ. На этом основании полноту и адекватность излагаемой в НКРЯ залоговой концепции можно поставить под сомнение,

При установлении залогового статуса словоформ типа *разрушается* необходимо учитывать факт существования еще и таких пациентивных конструкций, в составе которых глаголам-сказуемым типа *разрушается* обеспечена возможность обозначать две разные ситуации **одновременно**. Такого рода одновременное обозначение сразу двух разных ситуаций обнаруживается, например, у предикативной словоформы *разрушается* в составе примеров (4нсв), (5) и (6):

(4нсв) *Когда мозг общества **разрушается** извне и изнутри; когда Александр Зиновьев прорывается к Михаилу Суслову, предлагает сделать человеческой идеологию и получает от ворот поворот.*

Употребление словоформы *разрушается* в этом примере можно трактовать двояко:

- как осуществляемое кем-то целенаправленное разрушение, если рассматривать обсуждаемую словоформу как опорное слово в словосочетании *разрушается извне*
- как спонтанное разрушение, к которому ни в коей мере не причастны люди, если рассматривать обсуждаемую словоформу как опорное слово в словосочетании *разрушается изнутри*.

Знаменательно, что при рассмотрении той же ситуации в перспективе СВ синтаксис исходного предложения с глаголами НСВ должен быть перестроен, поскольку для обозначения разрушения целенаправленного и разрушения спонтанного в перспективе СВ требуется употребить две разные словоформы *был разрушен* и *разрушился*, соответственно:

(4св) *Когда мозг общества **был разрушен** извне и **разрушился** изнутри; когда Александр Зиновьев прорвался к Михаилу Суслову, предложил сделать человеческой идеологию, и получил от ворот поворот.*

В предложении (5) высказывается сомнения в возможности персонификации процесса разрушения языка. Описываемый в (5) процесс разрушения родного языка должен трактоваться как сознательно или самопроизвольно осуществляемый, соответственно, в зависимости от положительного или отрицательного разрешения этого сомнения.

(5) *Но где и кто враг, когда разрушается родной русский язык?*

В предложении (бнсв), где после двоеточия описываются причины возникновения разрушений. Первая из двух называемых причин заставляет нас интерпретировать пациентивную конструкцию *Все разрушается* как страдательную, а вторая причина — как декаузативную. Поэтому для того, чтобы выразить противопоставление декаузативного и страдательного значений в перспективе СВ, в (бсв) синтаксическая организация исходного текста в НСВ претерпевает изменения:

(бнсв) *Все разрушается: дома, отнятые у прежних хозяев, никем не реставрируемые, разваливаются, заборы разбираются на топливо, одним словом, идет общий развал (В.Г.Короленко).*

(бсв) *Все разрушилось или было разрушено: дома, отнятые у прежних хозяев, никем не реставрируемые, развалились, заборы были разобраны на топливо, одним словом, произошел общий развал (В.Г.Короленко).*

Как мы уже говорили, факт существования различий, собственных словоформам носителям этих двух разных значений, выражается в присвоении соответствующим словоформам подстрочных индексов 1 и 2. В случае глагола *разрушаться*₂ энергетическое обеспечение описываемого процесса носит антропогенный характер, а в случае *разрушаться*₁ — природно-физический характер.

Залоговые значения НКРЯ, иллюстрируемые словоформами глаголов типа строить/построить (о доме)

Ранее в состав иллюстративных примеров, приводимых в традиционных залоговых концепциях, было принято включать лишь только примеры конструкций с такими глаголами-сказуемыми, которые обозначают процессы, которые не могут

происходить вне целеполагающей деятельности человека. Такого рода глаголами являются, в частности глаголы *строить,-ся (о доме)* и *построить,-ся (о доме)*. Продемонстрируем, как выглядел бы список вводимых в НКРЯ залогов, если в качестве иллюстративных словоформ, демонстрирующих словоформы какого типа допустимы для морфологического оформления соответствующих залогов, выступали бы словоформы обсуждаемых глаголов.

act – действительный залог (*строит, построил, строящий, построивший*);

pass – страдательный залог (только у причастий: *построенный, построен*);

med – медиальный, или средний залог (глагольные формы на *-ся*: *строится, построился, строящийся, построившийся*).

Глаголы *строиться / построиться* описывают процессы, немислимые вне целеполагающей деятельности человека. Поэтому к возможности трактовки словоформ *строится* и *построился* в качестве форм медиального залога, по нашему мнению, следует отнестись осторожно и с долей скептицизма. Ведь, как было продемонстрировано нашей работе [Гаврилова 2014] формулирование ответа на вопрос о том, в чем состоит разница значений передаваемых с помощью конструкций (7) и (8), вызывает большие трудности. А этот вопрос по данным из интернета справедливо волнует вдумчивых японских студентов, изучающих русский язык как иностранный.

(7) Дом **был построен** (страд).

(8) Дом **построился** (?мед или страд).

Трудности формулирования ответа на вопрос японских студентов обусловлены следующим:

- с одной стороны, конструкция (7) описывает ту же онтологическую ситуацию, что и страдательная конструкция (8);
- с другой стороны, конструкция (8) сближается с декаузативными конструкциями по своему трансформационному синтаксическому поведению. А именно, конструкция (8) не может быть распространена распространения ни с помощью

агентивного дополнения в творительном падеже, ни с помощью придаточного предложения цели, вводимого союзом *чтобы*.

Иными словами, можно сказать, что значение, выражаемое сказуемым конструкции *Дом построился*, балансирует между страдательностью и декаузативностью.

(7а) *Дом был построен финскими рабочими*

(7б) *Дом был построен, чтобы обеспечить жильем персонал госпиталя.*

(8а) **Дом построился финскими рабочими.*

(8б) **Дом построился, чтобы обеспечить жильем персонал госпиталя.*

Характерные для значения сказуемого (8) колебания между **страдательностью** и **декаузативностью**, которые мы обсуждаем, по нашему мнению, располагаются **в зоне залоговых характеристик**. И трудности в формулировании сути различия значений конструкций (7) и (8) являются следствием недостаточной объяснительной силой существующих грамматических концепций залога русского глагола.

Напомним, теоретические залоговые модели любой из отечественных теоретических залоговых концепций иллюстрируются на материале очень небольшого количества единообразных по лексическому составу примеров. Иными словами верификация выдвигаемых гипотез об устройстве залоговой системе русского на достаточно представительной лексической базе не проводится. При этом бесосновательно считается, что предлагаемые в этой концепции правила функционирования залоговых форм могут быть реализованы на всем спектре русской глагольной лексики.

Рассмотрим бессоюзные сложносочиненные предложения (3)–(8), соответствующие одному и тому же синтаксическому шаблону и отличающиеся друг от друга лишь видовременной характеристикой сказуемых. Эти сложносочиненные предложения состоят из трех простых предложений, которые далее при разборе примеров согласно порядку их следования в обсуждаемых сложносочиненных предложениях мы будем называть клаузами типа 1, типа 2, и типа 3.

- (9) *Дом строится не сам собой, он строится рабочими, иными словами, дом строят рабочие.*
- (10) *Дом строился не сам собой, он строился рабочими, иными словами, дом строили рабочие.*
- (11) *Дом будет строиться не сам собой, дом будет строиться рабочими, иными словами, дом будут строить рабочие.*
- (12) *Дом построятся не сам собой, дом будет построен рабочими, иными словами, дом построят рабочие.*
- (13) *Дом построился не сам собой, дом построен рабочими, иными словами, дом построили рабочие.*
- (14) *Дом построился не сам собой, дом был построен рабочими, иными словами, дом построили рабочие.*

В каждом из примеров (9)–(14) одна и та же онтологическая ситуация по-разному преломляется в клаузах типа 1, 2 и 3.

Клаузы типа 2 в русистике принято трактовать как страдательные и конструкции, а клаузы типа 3 как действительные конструкции. Клаузы типа 1 в русистике при обсуждении залоговой проблематика к рассмотрению не привлекаются.

С помощью клауз *дом строится (строился, будет строиться, построятся, построился) сам собой* обозначаются такие онтологические ситуации, в которых изменение неодушевленной субстанции предстает как с неизбежностью осуществляющееся при определенных внешних условиях без участия человека.

Клауз типа 1 совпадают с вышперечисленными клаузами с точностью до отрицания перед местоименной группой *сам собой*. Присутствие группы *не сам собой*, т.е. обсуждаемой местоименной группы с отрицанием, обеспечивает клаузам типа 1 значение невозможности осуществления изменения неодушевленной субстанции без участия человека. Благодаря этому открывается возможность приравнять по значению клаузу типа 1, с одной стороны, и клаузы типа 2 и типа 3, с другой стороны.

С точки зрения синтаксического устройства клаузы типа 1 похожи на страдательные клаузы типа 2. Ведь, в клаузе типа 1, как и в страдательной клаузе 2 в качестве подлежащего выступает внутренний объект глагола-сказуемого, который действительной клаузе 3 функционирует как прямой объект. Иными словами, и клаузы типа 2, являющиеся страдательными конструкциями, и

клаузы типа 1 с пока невыясненным залоговым статусом являются конструкциями с подлежащим с ролью пациента, т. е. **пациентивными конструкциями**.

Признать клаузы типа 1 страдательным конструкциями мешает то, что в перспективе СВ сказуемые этих клауз оформляются с помощью предикативных форм возвратных глаголов СВ на регулярной основе. Между тем в случае страдательных конструкций такой способ оформления сказуемого считается редким исключением [АГ 1980: 616].

Объем и содержания термина «декаузативные конструкции» в русистике еще окончательно не определен. Однако он уже обрел в русистике право гражданства. Термин квазипассивная конструкция и термин декаузативная конструкция являются синонимами [Падучева 2001: 52-53]. Проблеме взаимоотношения этих терминов посвящена работа [Гаврилова 2008]. В данном исследовании для описания феномена декаузативности используются либо термины, содержащие одиночное прилагательное «декаузативный», либо термины, содержащие это прилагательное в сопровождении заключенного в скобки прилагательного-синонима, т.е. обозначения «декаузативный (квазипассивный)». В частности, и клаузы типа 1 мы будем характеризовать как один из видов реализации декаузативного (квазипассивного) значения.

Е.В. Падучева справедливо замечает, что «русские декаузативы практически игнорируются в традиционных описаниях русского языка» и объясняет это «пристрастием русских грамматистов к НСВ, где специфика декаузатива гораздо хуже видна» [Падучева 2001: 53]. Справедливость этого замечания подтверждается тем, что только в примерах (6)–(8) только в перспективе СВ, имеет место несовпадение морфологической формы оформления сказуемых страдательных (клауза 2) и декаузативных (клауза 1) конструкций.

Напротив, в примерах (3)–(5) со сказуемыми в НСВ это противопоставление нейтрализовано и сказуемые как страдательных, так и декаузативных клауз оформляются с помощью личных форм возвратных глаголов НСВ.

Итак, сравнительное рассмотрение клауз типа 1 и типа 2 в

составе примеров (3)–(8) демонстрирует то, что только в СВ проявляется несовпадение морфологического способа оформления сказуемых страдательных и декаузативных конструкций. В НСВ это несовпадение отсутствует, поскольку и сказуемые страдательных, и сказуемые декаузативных конструкций выражены одинаково с помощью личных форм возвратных глаголов НСВ.

Более того, как было при рассмотрении примеров (4нсв), (5) и (бнсв), в перспективе НСВ сказуемые пассивных конструкций могут совмещать страдательное и декаузативное значения.

В результате проведенных исследований удалось установить следующее, что противопоставления *разрушился* в составе (2) и *был разрушен* в составе (1) можно однозначно проинтерпретировать как противопоставление медиального и страдательного залогов как залогов по НКРЯ. Напротив, трактовка словоформы *построился* в (8) в качестве формы медиального залога (в понимании НКРЯ) вызывает сомнение.

Сравнение состава номенклатуры залоговых оппозиций русского глагола в академических грамматиках русского языка и в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ)

Аксиомой, которая лежит в основании залоговых концепций академических грамматик [АГ 1952; АГ 1970; АГ 1980] является признание существования двух следующих типов предикативных форм глаголов на *–ся*:

- глаголы на *–ся* со страдательным значением;
- глаголы на *–ся* со значениями, отличными от страдательного значения.

При этом ни в одной из этих грамматик не определены идентификационные критерии, на которые следует опираться при решении вопроса о наличии или отсутствии страдательного значения у того или иного конкретного текстового употребления предикативной формы на *–ся*.

Между тем отсутствия подобных критериев делает невозможным использование номенклатуры грамматических залогов академических грамматик в качестве базы, на основе которой предикативным формам глагола будет приписываться залоговая характеристика при проведении автоматической грамматической

разметки текстов в рамках Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

Как мы уже говорили, в НКРЯ не было предпринято попыток разработать идентификационные критерии самостоятельно. Вместо этого была предложена новая концепция залоговых противопоставлений, призванная стать основой присвоения залоговой характеристики предикативные формы глагола при грамматической разметке текстовых фондов НКРЯ.

При этом в НКРЯ формами страдательного залога признаются только формы страдательных причастий, т.е. краткие страдательные причастия на *-м* и *-н/-т* в случае предикативных форм. В то время как все без исключения употребления предикативных форм глаголов на *-ся* (как при агентивном, так и при пациентивном подлежащем) трактуются как формы медиального залога.

Напомним, что в концепции [АГ 1952], также как в концепции НКРЯ кроме действительного и страдательного залога выделяется еще и третий залог, называемый возвратно-средним. Однако вводимый в НКРЯ **медиальный залог** принципиально отличается от **возвратно-среднего залога** тем, что в НКРЯ и к медиальному залогоу отнесены, в том числе, и те предикативные словоформы на *-ся*, которые имеют страдательное значение. Как мы уже говорили, традиционно предикативные словоформы на *-ся* со страдательным значением признаются формами формирующими парадигму спряжения в страдательном залого парного переходного глагола. Поэтому осуществляемая в рамках корпуса грамматическая разметка будет нарушать привычные представления об устройстве залоговой парадигмы русского глагола. Примером нарушений сложившихся традиционных представлений может служить причисление к медиальному залого сказуемого ***строится*** в примере (15), которое с традиционной точки зрения имеет страдательное значение.

(15) *Пока же в Средиземном море близ острова Форментера, **строится** подводная ферма, на которой будут разводить асцидий. (С аквалангом в аптеку! // «Знание – сила», 2003)*

Следует принимать во внимание и то, что провозглашаемый в НКРЯ отказ от включения предикативных форм глаголов на *-ся* со страдательным значением в парадигму спряжения переходных

глаголов обуславливает признание дефектности парадигм спряжения в страдательном залоге для подавляющего большинства переходных глаголов НСВ. Ведь модель образования кратких страдательных причастий от переходных глаголов НСВ является непродуктивной. В традиционных описаниях залога не избежать такой лакуны удавалось за счет признания возвратных глаголов НСВ со страдательным значением морфологическим средством формирующим парадигму спряжения переходных глаголов НСВ.

Итак, различия залоговых концепций НКРЯ и академических грамматик состоят в следующем:

1. Термин «страдательный залог» в НКРЯ употребляется только по отношению к словоформам, морфологически оформленным с помощью страдательных причастий. В то время как в академических грамматиках термин «страдательный залог» употребляется по отношению к предикативным глагольным словоформам, оформленным морфологически как с помощью страдательных причастий, так и с помощью словоформ с частицей *-ся* в своем составе.

2. В академических грамматиках [АГ 1970; АГ 1980] излагаются бинарные залоговые концепции, признающие грамматическим только залоговое противопоставление «действительный залог — страдательный залог». Напротив, в [АГ 1952] описывается тернарное залоговое противопоставление, включающее помимо действительного еще и возвратно-средний залог, который принципиально отличается от медиального залога НКРЯ по своему составу и содержанию. А именно, хотя как в НКРЯ, так и в [АГ 1952] помимо действительного и страдательного залогов вводится еще и медиальный, или средний залог, но в этот медиальный залог предлагается включить абсолютно все глагольные формы на *-ся*.

3. Таким образом, в НКРЯ отнесенными к третьему медиальному залогу оказываются все без исключения предикативные словоформы на *-ся*, т.е. в том числе и предикативные словоформы на *-ся* со страдательным значением. Напротив, в [АГ 1952] к третьему возвратно-среднему залогу причисляются только личные формы глаголов на *-ся* с отличным от страдательного значе-

нием. В то время глаголы на *-ся* со страдательным значением признаются основой парадигмы спряжения в страдательном залоге переходных глаголов НСВ.

При этом на вопрос о залоговой идентификации сказуемого конструкции *Дом построился* не дают аргументированного ответа ни залоговая концепция академических грамматик, ни залоговая концепция НКРЯ. Поэтому встает вопрос в достаточной объяснительной силе, как обсуждаемых традиционных грамматических описаний категории залога, так и залоговой концепции НКРЯ. Как нам представляется, плодотворным обещает стать адаптация этих двух подходов друг к другу в рамках объединяющей их теоретической концепции.

Знаменательно, что новый медиальный залог, входящий в систему залоговых противопоставлений НКРЯ, принципиально отличающегося от признаваемых ранее залогов, осуществляется на фоне качественного отличия иллюстративной базы залоговых противопоставлений, от иллюстративной базы академических грамматик. Как мы уже говорили, ранее в русских грамматиках в залоговых разделах никогда не находилось места глаголам этого типа, поскольку в качестве иллюстративных примеров приводились исключительно глаголы, описывающие процессы, которые немислимы без участия в них человека. В частности, поистине хрестоматийный характер носило использование в иллюстративном материале грамматик самого разного уровня такого примера противопоставления «действительный залог — страдательный залог» как *Рабочие строят дом vs Дом строится рабочими*. А в рамках НКРЯ впервые в истории русистики в иллюстративную базу залоговых противопоставлений оказываются включенными глаголы *разрушаться / разрушиться*, которые способны описывать спонтанные изменения неодушевленных подлежащих, т.е. изменения, происходящие вне целенаправленной деятельности человека.

Заключение

Глаголы типа *построиться* способны обозначать только преднамеренные действия. Поэтому глаголам такого типа не присуще **декаузативное значение** как значение **лексическое**. Однако в составе пациентивных конструкций за счет внедрения элемента спонтанности значение личных форм возвратных глаголов СВ типа *построиться* часто приобретает диффузный

страдательно-декаузативный характер, иными словами, фактивный характер.

Если с помощью прилагательного «страдательно-декаузативный» с подчеркивается, что **значение** предикативная форма имеет сложный смешанный характер, то прилагательное «фактивный» подчеркивает то, что **функцией** предикативной формы является обозначение факта внесения изменений в подлежащее этой словоформы.

Такое смешанное значение возникает, например, тогда, когда описывается строительство крупного масштаба или когда подлежащее при глаголах этого типа является агенсом-инициатором. Личные формы глаголов типа *построиться* с таким диффузным фактивным (страдательно-декаузативным) значением и причастные сказуемые с элементом *построен* имеют очень близкое, практически синонимичное значение, как например в (16) и (17), (18) и (19).

(16) Москва **построилась** не сразу.

(17) Москва **была построена** не сразу.

(18) У моего соседа за год **построилась** новая дача.

(19) У моего соседа за год **была построена** новая дача.

Кроме того, поскольку в случае глаголов типа *построиться* конструкции $N^{NM}COPPart-n/-m(V^{с6})$ и N^{NM} не сам собой $Vся^{с6}$ описывают одну и ту же онтологическую ситуацию, приравненными друг к другу по значению оказываются, с одной стороны, предикативная причастная форма *COPPart-n/-m* и, с другой стороны, возвратная предикативная форма $Vся^{с6}$ в сопровождении местоименной группы *сам собой* с отрицанием.

(20) Дом не сам собой построился, он был построен рабочими.

Напротив, когда перед местоименной группой *сам собой* отрицание отсутствует, конструкции $N^{NM}COPPart-n/-m(V^{св})$ и N^{NM} сам собой $V-ся^{св}$ с причастным и возвратным сказуемым противостоят друг другу по значению:

(21) Однако, тот факт, что ты не знаешь строителя, не мешает тебе признать, что он **был построен разумным человеком**. Сделать вывод, что дом **построился сам собой**, было бы глупо.

Чтобы концепция залоговых оппозиций русского глагола обладала достаточной объяснительной силой, следует учитывать, что залоговый статус глаголов зависит от лексико-семантических особенностей глагола, принимающего залоговую характеристику, и в случае залога релевантным оказывается такая лексико-семантическая классификация глаголов, которая опирается на различия энергетического обеспечения описываемых глаголами процессов.

Существуют два противоположных мнения, согласно одному из которых предикативные формы возвратных глаголов СВ не способны выражать страдательное значение. Это высказанное В.В. Виноградовым мнение поддерживается многими другими серьезными исследователями. В частности, А.А. Зализняк утверждает, что «в совершенном виде формы на *-ся* в современном языке страдательного значения не допускают» [Зализняк 2003: 7, 85].

При этом никогда не ставится вопрос о залоговом статусе тех возвратных глаголов-сказуемых СВ, которым в страдательном статусе отказано.

Однако в [АГ 1980: 616] высказывается противоположное мнение, согласно которому краткие страдательные причастия на *-н/-т* не являются единственной морфологической формой выражения страдательного значения в совершенном виде, что существует альтернативная форма морфологическая форма, а именно такой альтернативной формой являются личные формы возвратных глаголов СВ.

В наших работах [Гаврилова 2015; 2016а; 2016б] обосновывается возможность трактовки сказуемых типа *построился* в качестве такой формы страдательного залога глагола, которая конкурирует с причастной формой страдательного залога *был построен*. Заметим, что в примечании, сформулированном в [АГ 1980: 616] идет речь о возможности использования именно двух названных морфологических форм в качестве конкурирующих способов для выражения страдательного значения. По существу мы присоединяемся к высказанному в этом примечании мнению. Но если в примечании говорится о сравнительно редкой встречаемости предикативных возвратных форм СВ в функции форм со статусом страдательного залога, то мы говорим о лексической

обусловленности возможности такого употребления, опирающейся на энергетические характеристики соответствующего возвратного глагола.

Существование различий в составе пациентивных конструкций, сказуемыми которых служат, с одной стороны, глаголы типа *строиться* (о домах) и, с другой стороны, глаголы типа *разрушаться*, в академических грамматиках осталось незамеченным, примеры с глаголами типа *разрушаться* в этих грамматиках к рассмотрению не привлекаются. И в результате ни в одной из трех академических грамматик не ставится вопрос о залоговом статусе сказуемых возвратных пациентивных конструкций, выражаемых с помощью предикативных форм глаголов на *-ся* СВ типа *разрушиться*.

Е.В. Падучева приписывает статус декаузативных конструкций конструкции, подобной конструкции *Дом разрушился*. Однако при этом она не задается вопросом о залоговом статусе сказуемых декаузативных конструкций.¹

Для построения залоговой концепции, обладающей достаточной объяснительной силой, необходимо, чтобы лексическая база, на которую опираются эта залоговая концепция, должна включать в свой состав как возвратные глаголы типа *построиться*, так и возвратные глаголы типа *разрушиться*. При этом в такой концепции должно быть признано, что глаголы типа *построиться* представляют собой лексическую базу для формирования пациентивных страдательных конструкций, а глаголы типа *разрушиться* используются для формирования для формирования пациентивных декаузативных конструкций

ЛИТЕРАТУРА

АГ 1952: Грамматика русского языка, т.1. М., 1952.

АГ 1970: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970.

АГ 1980: Русская грамматика, т. 1, М., 1980

Гаврилова В.И. Термины “декаузатив” и “квазипассив” как конкурирующие термины // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сборник научных трудов в честь Е.В. Падучевой. М., 2008, «Языки славянской культуры», С. 190-212.

Гаврилова В.И. К вопросу об объеме понятия «декаузативный глагол» Возвратные глаголы-сказуемые страдательного залога в русском языке

//Р. Бенаккьо (ред.) Die Welt der Slaven.. Band 56. Глагольный вид: грамматическое значение и контекст 2014. München-Berlin-Washington. С.231-249.

Гаврилова В.И. Два морфологических способа оформления в русском языке сказуемых пациентивных конструкций в совершенном виде. // Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сборник статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов. Киото 2015. С. 34-41.

Гаврилова В.И. Антропоцентрические аспекты грамматической категории залога в русском языке // Проблемы общей и востоковедной лингвистики 2015. Язык. Общество. История науки. К 70-летию члена-корреспондента РАН В.М.Алпатов. Труды научной конференции. Институт востоковедения РАН 22-23 апреля 2015 г. В двух томах. – Том 2. – М.: Институт востоковедения РАН, 2016. С.105-135

Гаврилова В.И. Совершенный вид страдательного залога на фоне энергетических особенностей онтологической ситуации // Слово. Грамматика. Речь. Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. М., 2016. С.19-46.

Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 880.

Падучева 2001: Падучева Е.В. Каузативный глагол и декаузатив в русском языке. // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 52-79.

Valentina I. Gavrilova

PhD, VINITI RAS, Russia, Moscow

VIGavrilova123364@yandex.ru

TO THE QUESTION OF THE CHARACTERIZATION OF DECAUSATIVE RUSSIAN VERBS

The paper demonstrates that in perfect aspect of the passive voice there are two morphological types of predicate — predicate forms of reflexive perfect verb and predicative forms of passive perfect participle. Patiens type constructions with predicate form of reflexive perfect verbs are of decausative type, and patiens type constructions with predicative forms of passive perfect participle are of passive type. The paper demonstrates that difference between such decausative and passive constructions depends upon to which of three lexical verb groups their predicates belong: verbs of build type, verbs of boil type and verbs of destroy type.

Key words: decausative construction, passive construction, executive transitivity, initiative transitivity, agent-executor, agent-initiator, reflexive predicates, short passive predicates.

Кузьмина Елена Александровна
доктор филологических наук, профессор ка-
федры русского языка для иностранных уча-
щихся филологического факультета МГУ
имени М.В.Ломоносова Россия, Москва
elenk2002@mail.ru

ЦИКЛ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Статья посвящена проблемам преподавания дисциплин историко-лингвистического цикла в иностранной аудитории. Рассматриваются критерии отбора и формы подачи историко-лингвистического материала, способы адаптации и минимизации метаязыкового комментария, описывается система работы с аутентичными текстами, отражающими разные этапы развития русского языка.

Ключевые слова: лингводидактика; русский язык как иностранный; историко-лингвистические дисциплины.

1. Освоение тривиума историко-лингвистических дисциплин «Старославянский язык», «Историческая грамматика русского языка», «История русского литературного языка» следует рассматривать как необходимое и обязательное условие осмысленного овладения русским языком, в процессе которого для иностранных учащихся современный русский язык превращается из коллекции алогизмов, многочисленных отступлений от столь многочисленных правил, в красивую и стройную систему. Студенты постепенно приходят к пониманию того, что сложнейшее русское словоизменение и словообразование возникло в результате вполне закономерного и логичного развития фонетической и грамматической системы праславянского, старославянского, церковнославянского и древнерусского языков. Иными словами, диахрония помогает учащимся увидеть логику там, где в синхронии она, казалось бы, теряется. Почему, например, форма род. п. мн.ч. слова *отец* будет *отцов*, а слова *муж* – *мужей*, почему в формах будущего времени глагола *взять* (*возьму, возьмешь...*) после *в* появляется *о*, а вместо *я* возникает *м*, куда же пропал звук [л] в форме мужского рода прошедшего времени *нес*?

2. Преподавание предметов историко-лингвистического цикла иностранным студентам и магистрантам-филологам, предъявляя особые требования к организации материала и методикам его представления, сопряжено с рядом объективных трудностей. Некоторые из этих проблем носят универсальный, общий характер и актуальны для преподавателей всех учебных дисциплин, работающих в иностранной аудитории, другие же определяются спецификой данных курсов.

На сегодняшний день подавляющее большинство иностранных студентов и магистрантов филологического факультета имеют крайне низкий уровень языковой подготовки, не соответствующий порой даже 1-му сертификационному уровню и явно недостаточным для усвоения столь сложных лингвистических курсов.

При этом основной контингент учащихся (из Китая, Тайваня, Республики Корея, Японии, Ирана, Турции) не владеет многими важными составляющими системы страноведческой и культуроведческой информации, которыми владеют носители когнитивной базы, а) *русской* культуры и б) *общеевропейской христианской* культуры. В силу соотнесенности истории языка с историей культуры, а, следовательно, и с историей общества без соответствующей социокультурной компетенции недостижимы ни корректная интерпретация и анализ языковых фактов и языковой эволюции, ни адекватное понимание старославянских, церковнославянских и древнерусских текстов. Так, без представления о библейских и богослужебных книгах, с одной стороны, и летописях, с другой, без знания о существовании строгой жанровой иерархии этих текстов на аксиологической шкале человека средневековья окажется абсолютно непонятным и непонятым, почему в одном случае реализована строгая норма книжно-литературного языка, а в другом – сниженная.

Существенно осложняет учебный процесс отсутствие специальных программ и учебных пособий, рассчитанных на инофонов и способных стимулировать их познавательную активность.

В то же время сам языковой материал курса историко-лингвистических дисциплин не может быть подвергнут значительному сокращению. (Такой путь – минимизация программы – в ряде случаев избирается преподавателями других специальных

дисциплин, работающими с иностранными учащимися, что позволяет им обойти существующие проблемы, но отнюдь не решить их). Последовательное восстановление процесса исторических изменений звуков и форм, относящихся к праславянскому периоду, исключает выделение среди фонетических процессов ядерных и периферийных, соответственно, необязательных для изучения, поскольку все системные языковые изменения взаимосвязаны и взаимообусловлены. Так, если, рассматривая историю гласных, изучить качественную дифференциацию долгих и кратких гласных и обойти вниманием монофтонгизацию дифтонгов, окажутся непонятны условия второй и третьей палатализации заднебных согласных, происхождение звука [u]. Не будет усвоена и история фонемы <ѣ> в курсе исторической фонетики русского языка, если до этого не были изучены фонологизация признака твердости-мягкости согласных, процесс перехода звука [e] в звук [o], история фонем <e> и <o>. В свою очередь без знания всех фонетических процессов праславянского периода учащийся не освоит и грамматику старославянского и древнерусского языка. С точки зрения синхронии необъяснимо, почему в формах сигматического нетематического аориста разные окончания (рѣши – рѣхъ... рѣша, но вѣсти – вѣсъ... вѣса), почему в старославянском языке форма 1 л. ед.ч. настоящего времени от глагола водити – вождж, от возити – вожж, а в древнерусском (и современном русском) языке формы соответствующих глаголов омонимичны – вожд/вожу и т.п.

Не подлежат адаптации и тексты, которые должны быть прочитаны и проанализированы учащимися. Знание языковых единиц, правил их образования и функционирования, умение реконструировать исходный праславянский вид словоформ и т.п. является лишь подготовительным этапом на пути решения главной задачи историко-лингвистических курсов – овладеть техникой и искусством *филологического прочтения и истолкования древнего текста, его экзегезы*. На практических занятиях по старославянскому языку, исторической грамматике русского языка и истории русского литературного языка не используются тексты, специально написанные в учебных целях. Студенты сразу же приступают к чтению фрагментов из древних рукописей.

3. Названные обстоятельства стимулируют поиски преподавателем новых методических решений, направленных на оптимизацию процесса обучения. Как организовать работу в иностранной аудитории, чтобы материал сложных лингвистических курсов был усвоен в полном объеме, как сформировать навыки самостоятельного истолкования и анализа аутентичных текстов?

3.1. Адаптации курсов историко-лингвистического цикла для иностранных учащихся должна осуществляться за счет *адаптации метаязыка*.

Следует отказаться от обращения к имеющимся учебным пособиям (либо использовать их крайне избирательно), поскольку все они предназначены для носителей русского языка и едва ли могут быть адекватным средством при обучении инофонов. В противном случае силы и время учащихся, не владеющих языком специальности, с несформированной в должной мере коммуникативной компетенцией в чтении учебной литературы, будут затрачены на постижение сложного в синтаксическом и лексическом отношении текста учебника¹, а не на требующий усвоения языковой материал.

В условиях отсутствия специальных учебных пособий, адресованных иностранцам, всю необходимую учебную информацию учащиеся получают на лекциях и практических занятиях. И здесь перед преподавателем стоит задача упростить метаязыковой комментарий и, по возможности, свести его к оптимальному минимуму (не впадая при этом в упрощенчество самого языкового материала).

Задача «минимум метаязыка – максимум языка» решается во многом благодаря использованию разного рода *видеограмм* (таблиц, схем, учебных рисунков и т.п.), которые представляют информацию в компактной, наглядной и доступной для представителей любого языкового сознания форме и позволяют значительно интенсифицировать учебный процесс. В этом случае от учащихся

¹Автор ни в коей мере не ставит под сомнение необходимость овладения иностранными учащимися-филологами языка специальности, «респектабельного научного дискурса», но не считает это первоочередной задачей историко-лингвистических курсов.

требуется не извлечение необходимой учебно-значимой информации из текста, а активизация мнемонических усилий, то есть реализация тех способностей, которые у огромной части изучающих русский язык как иностранный, безусловно, имеются.

Так, при изучении типов склонения на *ā и *ō требуется обратить особое внимание на чередование заднеязычных согласных, которые с диахронической точки зрения являются результатами первой и второй палатализаций. В существующих учебных пособиях часто этот материал излагается примерно следующим образом:

«В основах на заднеязычные -к, -г, -х перед **ѣ** в силу его происхождения из дифтонга *ai (ср. лит. *žtonai*) наблюдается второе смягчение: **ржцѣ, носѣ, моуѣ** при именительном падеже **ржка, нога, моуха...** В основах на заднеязычные звуки -к, -г, -х в ряде форм наблюдаются чередования согласных. Перед **и** и **ѣ** в силу их дифтонгического происхождения (*oi) наблюдалось второе смягчение: **враси, врасѣ, оученици, оученицѣ, доуси, доусѣ** при именительном падеже **врагѣ, оученикѣ, доухѣ**. В звательной форме перед гласным **е** имелось первое смягчение: **боже, наставниче, доуше** при именительном падеже **богѣ, наставникѣ, доухѣ**» [Иванова 2001: 118–119].

Конечно, в такого рода формулировках возможны варианты, но везде методический акцент делается на описательности, поэтому правила достаточно громоздки и трудны не только для запоминания, но и для понимания. Между тем, чередования заднеязычных согласных и их позиции могут быть представлены в виде легко обозримой и удобной для запоминания правила таблицы, универсально «работающей» не только при изучении данной темы, но и на протяжении всего курса – при изучении склонения прилагательных и местоимений, спряжения глаголов в индикативе, аористе, имперфекте и императиве:

	<i>перед</i> ѣ, и	<i>перед</i> е
К	ц	ч
Г	с	ж
Х	с	ш

3.2. Материал наиболее сложных тем историко-лингвистических курсов целесообразно представлять в виде *алгоритмов, правил-инструкций*, содержащих указания на действия, которые нужно выполнить. Например:

Алгоритм определения типа склонения существительных с флексией -ь в им.п. ед.ч.

Чтобы установить тип склонения существительного с окончанием **-ь** в им.п. ед.ч.,

1. определите *род*:

◇ если род *женский* **кость, дверь, ношь**

склонение на *ĭ.

◇ если род *мужской* **гость, врачь**

2. определите *мягкий* или *полумягкий* согласный в основе

◇ если согласный *мягкий* **врачь** [čʹ]

склонение на *jǔ

◇ если согласный *полумягкий* **гость** [t]

склонение на *ĭ.

Алгоритм определения типа аориста

Чтобы определить тип аориста,

1. установите *окончание*.

◇ если в окончании есть **с, х, ш**

2. определите, есть ли перед **с, х, ш** гласный **о**.

◇ если есть **о** (**несо^ххъ, влеко^ссте, пек^ош^а**)

аорист сигматический тематический

◇ если нет **о** (**хвали^ххъ, нач^асте, р^ѣш^а**)

аорист сигматический нетематический

◇ если в окончании нет **с, х, ш**

2. определите, на *гласный* или *согласный* заканчивается основа инфинитива

◇ если основа на *гласный* (аор. **моли**, инф. **мо^ллити**, основа инф. **мо^ли**)

аорист сигматический нетематический

◇ если основа на *согласный* (аор. **вед^е**, инф. **ве^сти**, основа инф. **ве^д**)

аорист асигматический (простой)

3.3. Организуя работу в иностранной аудитории, важно учитывать и то, что студенты и магистранты еще не подготовлены к аудированию лекций, которые в нашем случае являются основным источником знаний о предмете. Во избежание информационных потерь при аудировании методически целесообразно в начале лекции представить каждому учащемуся ее *печатный текст* (с включенными в него видеограммами, алгоритмами и т.п.), который как источник информации дает учащимся значительно бóльшие возможности при получении необходимых знаний по сравнению с источником аудитивным. (Практика показала, что максимальный объем этого текста не должен превышать двух-трех страниц, набранных 12 кеглем через 1,5 интервала). Согласованное протекание во времени коммуникативной информации, предъявленной преподавателем по разным каналам: устным и письменным, т.е. когерентность и сцепление устного и письменного текстов, интенсифицирует процесс обучения и дает возможность студентам и магистрантам с наименьшими затруднениями освоить учебный материал любой степени сложности.

3.4. Особой *формы* представления требует и *лингвистический материал заданий*, предлагаемых учащимся на практических занятиях. В ряде случаев для того чтобы выполнить задание – установить происхождение того или звука, восстановить исходный праславянский вид словоформы, сделать транскрипцию и др., необходимо использовать сопоставление с русским языком, и, безусловно, носители русского языка такие сопоставления обязаны проводить самостоятельно. Так, только сравнение с русскими корнями позволяет определить, был ли в старославянском языке плавный звук [r] или [l] слоговым. Привлечение данных современного русского языка дает возможность установить происхождение мягких согласных, которые могли быть образованы в праславянском языке разными способами (например, звук [š'] – тремя, а звук [š't'] – шестью). Для иностранных учащихся самостоятельный поиск русских параллелей оказывается задачей крайне сложной, требующей неоправданно больших затрат времени и очень часто не решаемой. Поэтому такие «подсказывающие», опорные сопоставления с русским языком следует предъявлять иностранным учащимся в самом тексте задания. Ср., например, возможные варианты заданий:

◇ *Затранскрибируйте данные слова, укажите, в каких словах плавные **г** и **л** являются слоговыми.*

кръмѣти (*кормить*), **млѣва** (*молва*), **плѣтъ** (*плоть*), **врѣхъ** (*верх*), **слѣза** (*слеза*) и т.п.

◇ *Как отразилось в данных написаниях слов из памятников XI в. падение редуцированных? Затранскрибируйте, как произносились эти слова в IX в.*

старѣць (*старец, старца*), **зълѣва** (*зло, зол*), **вѣсь** (*весь, все*)

◇ *Объясните происхождение мягких согласных в словах.*

ножь (*заноза, пронзить*), **плачь** (*плакать*), **пища** (*питание*), **мьщѣние** (*месть*), **ищѣж** (*искать*), **ноша** (*носить*) и т.п.

4. Традиционной формой работы на практических занятиях по историко-лингвистическим дисциплинам является анализ и интерпретация текстов, к чтению которых иностранные студенты и магистранты, по нашему глубокому убеждению, так же как и русскоязычные студенты, должны приступать уже с самых первых занятий, когда кроме знания алфавита, у изучающих язык еще нет твердых представлений о старославянской грамматике и лексике. Чем раньше снимается страх перед древним текстом, филологическое истолкование которого является не только *средством*, но и *целью* изучения языка, тем более возрастает интерес учащихся и повышается эффективность занятий.

На этом начальном этапе носители русского (и любого другого славянского языка) осваивают старославянский текст с помощью ресурсов своего родного языка, соотнося в своем языковом сознании элементы старославянского языка с элементами русского. Поскольку у иностранных учащихся такие языковые ресурсы отсутствуют, а присутствует только страх перед непривычным обликом кириллических графем и их непонятными соче-

таниями, задача преподавателя состоит в том, чтобы в кратчайшие сроки сформировать и активизировать у них механизм переключения «старославянский язык → русский язык».

На наш взгляд, для реализации этого требуется: 1) сопровождение предлагаемого для чтения и анализа фрагмента переводом на русский язык; 2) особая форма презентации соположенных старославянского и русского текстов.

4.1. Традиционное и методически оправданное в русскоязычной аудитории задание, предваряющее анализ старославянского текста, перевести текст на русский язык, в аудитории иностранных учащихся, как показывает практика, не является продуктивным.

При переводе со старославянского языка русскоязычный студент сталкивается главным образом с трудностями, обусловленными несоответствием грамматических систем старославянского языка и русского, преодоление которых во многом способствует постижению старославянской грамматики, тогда как проблем, связанных с лексикой, у него, как правило, не возникает. Носителю русского языка несложно установить корреляцию между старославянским **дѣлѣжникомъ** и русским *должником*, **грѣшникомъ** и *грешником*, еще не зная глагольного словоизменения, можно догадаться, что форма **спѣлаше** соотносится с русским глаголом *спать*, а **посѣла** – *послать*.

Между тем иностранному учащему из-за отсутствия у него необходимых ресурсов русского языка требуется семантизировать большинство слов старославянского текста. Старославянско-русский словарь этой проблемы не решает. Для обращения к словарю в первую очередь надо восстановить форму заглавного слова словарной статьи, т.е. форму именительного падежа ед.ч. для существительных, инфинитива для глаголов и т.д. На начальном этапе изучения старославянского языка это, безусловно, не под силу иностранным учащимся. В самом деле, не изучив системы прошедших времен, сложно соотнести форму аориста **рѣшиа** с формой соответствующего инфинитива **рѣшити**. Но даже если заглавное слово установлено или очевидно, словарь не снимает лексических затруднений. Если слово **грѣшникъ** семантизируется как *'грешник'*, **дѣлѣжникъ** – *'должник'*, **рабъ** – *'раб'*

[Старославянский словарь 1994: 179, 189, 564] и если ни одна (!) из этих русских лексем не известна иностранному первокурснику и магистранту 1 года обучения¹, самостоятельный перевод со старославянского языка на русский становится не самым целесообразным занятием.

В силу этого, на наш взгляд, преподавателю на начальном этапе следует избавить учащихся от необходимости проделывать двойную словарную работу «старославянский → русский → родной язык» и, сосредоточив их силы на приобретении базовых знаний, сопровождать старославянские тексты переводом на русский язык.

4.2. Важную роль при этом играет не только само наличие текста перевода, но и его расположение на странице по отношению к тексту оригинала. Из эдичионной практики известно множество способов расположения текста оригинала и перевода. Так, тексты могут быть напечатаны по системе разворота: на одной странице (четной) – оригинал, на другой (нечетной) – перевод. Если тексты печатаются на одной странице, возможны различные комбинации деления страницы пополам: сверху оригинал, снизу перевод или наоборот, а также оригинал и перевод могут располагаться параллельно, в две колонки (что аналогично системе разворота).

Ниже следует образец традиционного (в данном случае – в две колонки) расположения старославянского текста (фрагмента Ассеманиева евангелия) и русского перевода:

**Всѣкъ ѿже слышитъ словеса
моѣ си ѿ творитъ ѣ.
оуподобляѣ и мѣжю мѣдроу.
ниже създа храмнѣ своѣ на
камene. и съниде дѣждь и
придѣ рѣкы. и възвѣаше**

*Всякого, кто слушает эти
Мои слова и исполняет их,
сравню с человеком разум-
ным, который построил
дом свой на камне. И по-
шел дождь, и разлились
реки, и подули ветры, и
устремилась на дом тот,*

¹ Все без исключения иностранные студенты и магистранты, изучавшие старославянский язык на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова за последние два года (более 60 человек), впервые встретились с этими словами именно на занятиях по старославянскому языку.

вѣтри. и нападж на храмнѣж и он не упал, потому что
тѣж. и не паде сѣ. основана во основан был на камне.
вѣ на камени [Мф. 7: 24–25].

Однако при презентации текстов всеми традиционными способами соотносимые, респондентные старославянские и русские элементы для учащегося неочевидны, их требуется установить самостоятельно, с чем в большинстве случаев он справиться не в состоянии. Иными словами, учащийся не видит (в прямом смысле этого слова) в русском тексте опоры для освоения старославянского. В результате в реальной практике старославянский и русский тексты воспринимаются независимо друга от друга (ср.: характерная жалоба: «Русский текст я понимаю, а старославянский нет!»), и весь языковой потенциал, заложенный в тексте перевода, оказывается невостребованным при анализе текста оригинала.

Для того чтобы подключить иностранного учащегося к языковому опыту носителя русского языка, необходимому для продуктивного освоения старославянского текста, наиболее приемлемым представляется *билинейно-спатический* [от лат. *bi* + *linea* ‘двустрочный’, *spatium* ‘пространство’] (сокр. *биспа*) способ соположения текстов оригинала и перевода, введенный в научный оборот Е.М. Верещагиным [Верещагин 2001: 15–77]. Данный способ был специально разработан для публикации переводных источников. Практика же доказала эффективность его использования и в лингводидактических целях. Обладая высоким эвристическим потенциалом, он позволяет в кратчайшие сроки активизировать осмысленное восприятие языковых фактов и овладеть техникой филологического прочтения древнего текста.

Биспа-способ предполагает, что под старославянским текстом подписывается его русский перевод. Однако в отличие от интерлинейного способа (так называемого «подстрочника») билинейность (двустрочность) сопровождается продуманной организацией пространства (лат. *spatium* ‘пространство’) как внутри обеих строк, так и между ними. Старославянским словам точно по вертикали вниз приданы русские респонденты, и каждая пара респондентов имеет четкие границы в виде пробелов справа и

слева. Однако респонденты устанавливаются не всегда. Отсутствие соответствия может быть показано, например, тремя звездочками (***) . Если респонденты синтаксически разнесены и их нельзя подписать друг под другом, то для их отождествления используются стрелки с нумерацией ($2 \Rightarrow \Leftarrow 2$). Поэтому читателю не нужно самому заново отыскивать разнесенные соответствия; чтобы их выявить, достаточно объединить разнонаправленные стрелки. Параллельные старославянская и русская строки располагаются графически компактно (интервал между ними значительно меньше, чем интервал между парами строк), таким образом, чтобы получалось единое, цельное, хотя и билинейное, текстовое пространство.

Представим цитируемый выше фрагмент Ассеманиева евангелия и его перевод на русский язык билинейно-спатическим способом:

всѣкъ	їже	слъншгѣ
<i>Всякого,</i>	<i>кто</i>	<i>слушает</i>

		Словеса	$\Leftarrow 1$	моѣ	$\Leftarrow 2$	си
<i>эти</i>	$2 \Rightarrow$	<i>Мои</i>	$1 \Rightarrow$	<i>Слова</i>		

ї	творитѣ	ѣ.	оуподоблѣ	И
<i>И</i>	<i>исполняет</i>	<i>их,</i>	<i>Сравню</i>	<i>его</i>

***	мѣжю	мѣдроу.	Иже
<i>С</i>	<i>человеком</i>	<i>разумным,</i>	<i>Который</i>

Създа	храминѣ	своѣ	На	камене.
<i>Построил</i>	<i>Дом</i>	<i>свой</i>	<i>На</i>	<i>камне.</i>

И	сѣнде	дѣждь	и	придѣ	рѣкы.
<i>И</i>	<i>пошел</i>	<i>дождь,</i>	<i>и</i>	<i>разлились</i>	<i>реки,</i>

И	възвѣаше	вѣтри.	и	нападѣ
<i>И</i>	<i>Подули</i>	<i>ветры,</i>	<i>и</i>	<i>Устремились</i>

На	храминѣ	тѣ.	и	***	не	паде сѣ.
<i>на</i>	<i>Дом</i>	<i>тот,</i>	<i>и</i>	<i>Он</i>	<i>не</i>	<i>упал,</i>

	основана	←1	бо	бѣ	на каменѣ
<i>потому что</i> 1 ⇒	<i>основан</i>			<i>был</i>	<i>на камне.</i>

В чем же преимущества подобного биспа-текста по сравнению с другими способами расположения оригинала и перевода в практике преподавания старославянского языка иностранным учащимся?

При билинейно-спатическом соположении оригинала и перевода респондентные, соотносимые элементы (слово старославянского оригинала и его русское соответствие) оказываются не просто недалеко друг от друга (на разных половинах страницы), а в непосредственной близости. Поэтому учащийся, воспринимая респонденты «at one look», охватывая одним взглядом, легко их отождествляет.

Поскольку эквиваленты очевидны, спонтанное чтение и понимание текста значительно облегчается. А priori отсутствует необходимость в первом этапе словарной работы «старославянский → русский», в случае лексических затруднений учащийся сразу же переходит ко второму этапу «русский → родной язык».

Благодаря биспа-тексту решается не только проблема понимания. Учащийся получает в руки готовый материал для сопоставительного анализа, позволяющий корректно выполнить грамматический и фонетический разбор фрагмента, избежав при этом досадных ошибок. Зачастую ошибочные интерпретации того или иного языкового явления возникают не из-за того, что студент или магистрант не усвоил теоретический материал, а из-за того, что он не может применить его на практике без опоры на русский язык, без знания русских соответствий старославянских форм.

Так, при фонетическом анализе и транскрибировании текста только наличие русских эквивалентов позволяет установить, был ли плавный [г] или [л] слоговым. Без русских респондентов в подавляющем большинстве случаев нельзя восстановить и фонетический облик слова до падения редуцированных.

Сопоставление с русским языком является также важным средством грамматического анализа. При традиционном дистантном расположении старославянского и русского текстов, когда учащийся не видит респонденты и не может выявить их самостоятельно, грамматический разбор превращается в процедуру установления формальных аналогий. Иными словами, анализ сводится к поиску окончаний, аналогичных представленным в образцовых парадигмах склонения и спряжения. Такой формальный подход особенно на начальном этапе, т.е. как раз в тот период, когда создание максимально благоприятной психологической обстановки особенно важно, провоцирует многочисленные ошибки, которые не способствуют повышению субъективной мотивации учащегося. Например, как формы род.п. ед.ч. существительных склонения на *ā могут быть идентифицированы формы аориста типа **идоша** (ср. **ноша**), или формы им.п. ед.ч. действительных причастий настоящего времени мужского рода типа **молл** (ср. **землл**) – как формы вин.п. ед.ч. существительных этого же типа склонения – формы асимметричного аориста **нападѣ** (ср. **храминѣ**) и т.п. Очевидно, что при наличии русских соответствий (**идоша** ⇔ [они] *шли*; **нападѣ** ⇔ [они] *устремилась*) ошибки такого рода исключены. Биспа-текст помогает учащимся не только обрести уверенность в процессе изучения сложного для них предмета, но и с самого начала дает возможность привить им стремление к осмысленному и серьезному анализу языковых фактов.

Переход от биспа-способа к традиционной дистантной презентации оригинала и перевода становится возможным, когда учащиеся приобрели навыки освоения старославянского текста, осознали, что русский язык выступает в качестве инструмента для овладения старославянским, и научились этот инструмент использовать. Как правило, механизм соотнесения, пересчета «старославянский язык → русский язык» бывает сформирован ко второму семестру.

5. Адекватное понимание старославянских, церковнославянских и древнерусских текстов не достигается только путем их перевода на современный русский язык, но и предполагает *знание*

временного и социокультурного контекста их создания и бытования. Вместе с тем сами тексты столь широкого хронологического и жанрового диапазона (X–XVII вв., от богослужебных книг до бытовой переписки) содержат ценный и интересный культурологический материал, в высшей степени информативный для знакомства с историей культуры и общества и являющийся дополнительным стимулом к изучению историко-лингвистических дисциплин.

На формирование у иностранных учащихся необходимой социокультурной компетенции направлены лекции-беседы (на предтекстовом этапе) и *страноведческий* комментарий (на предтекстовом этапе). Помимо собственно *исторической* тематики и проблематики (предполагающей освещение не только событий, персоналий и реалий, но и духовных доминант эпохи), особого внимания требует круг вопросов, относящихся к сфере *религиоведения* (христианство, православие, богослужение, Библия, Евангелие, типология библейских книг, духовенство как носитель церковнославянской традиции и т.д.) и *географии* (географическое положение славянских княжеств в IX в., Византийской империи, Московской и Юго-Западной Руси, Киева, Новгорода, Смоленска и т.д.).

Таким образом, продуманная организация работы позволяет иностранным студентам и магистрантам в сжатые сроки высокоэффективно и успешно овладеть даже такими сложными дисциплинами, как дисциплины историко-лингвистического цикла, и получить полноценное фундаментальное гуманитарное образование на неродном для них языке.

ЛИТЕРАТУРА

Верещагин Е.М. Церковнославянская книжность на Руси. Лингвотекстологические разыскания. М.: Индрик, 2001.

Иванова Т.А. Старославянский язык: Учебник. 3-е изд. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2001.

Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков) / Под ред. Р.М. Цейтлин, Р. Вечерки и Э. Благовой. М.: Русский язык, 1994.

Elena A. Kuzminova
Doct. of Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow
elenk2002@mail.ru

**CYCLE OF HISTORICAL AND LINGUISTIC DISCIPLINES IN THE
GENERAL SYSTEM OF TRAINING OF FOREIGN SPECIALISTS IN
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE**

The article is devoted to the problems of teaching the subjects of historical and linguistic cycle in a foreign audience. The criteria of selection and forms of presentation of historical and linguistic material, ways of adaptation and minimization of meta-linguistic commentary are considered, the system of work with authentic texts reflecting different stages of development of the Russian language is described.

Key words: linguodidactics; Russian as a foreign language; historical and linguistic disciplines.

*Грекова Ольга Константиновна,
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка для иностранных уча-
щихся филологического факультета МГУ
имени М.В.Ломоносова, Россия, Москва*
olggre@list.ru

*Линь Цзинь,
студентка 1курса магистратуры, универси-
тет МГУ-ППИ, Китай, Шэньчжэнь*
olggre@list.ru

ПАРАДИГМАТИКА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ РУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КУРСЕ РКИ И ЕЕ ЛАКУНЫ

В статье анализируются формы будущего времени простого предло-
жения, представленные в учебных пособиях РКИ и тестах ТРКИ разных
уровней. Выявляются дискурсивно актуальные формы будущего разных
по типу предиката и структуре простых предложений, не эксплицирован-
ные в грамматических курсах РКИ. Характеризуются системные лакуны
парадигмы будущего и причины этого явления. Предлагаются коммента-
рии к синтаксическому курсу РКИ в части парадигмы будущего времени
простого предложения.

Ключевые слова: РКИ, простое предложение, типы сказуемого, типы
структурной схемы, парадигматика будущего времени, лакуны.

Представление об изменяемости простого предложения по
временам существовало в истории русского языкознания испокон веков, однако сам термин грамматическая парадигма предло-
жения (ГПП) был введен Н.Ю. Шведовой [Шведова1966:11].
Списки ГПП были представлены в «Грамматике современного
русского литературного языка» 1970 г. и «Русской грамматике»
1980 г. По Н.Ю. Шведовой, ГПП – система, соотносимая со сло-
воизменятельной парадигмой, т.е. рядом форм слова, которые
различаются своими грамматическими значениями. Соответ-
ственно, ГПП – это ряд простых предложений, которые различа-
ются своими грамматическими значениями, а именно значени-
ями модальности и времени.

1. Временная парадигма простого предложения и формы будущего

Временная парадигма русского простого предложения неизменно представлена не только в фундаментальном курсе, но также и в функциональных курсах русского языка, в курсах РКИ. Однако, это представление, как правило, отличается лаконичностью и единообразием независимо от целей обучения.

Стандартом до сегодняшнего дня является заданное еще И.М. Пулькиной в ее учебниках и «Кратком справочнике русской грамматики» [Pulkiina 1988: 262–266] представление о временной парадигме главным образом двухкомпонентного, двусоставного предложения номинативного блока. В меньшей степени представлены двухкомпонентные инфинитивные предложения типа *Нужно уехать. Поступить так было необходимо*. При этом в учебных пособиях РКИ почти не отрабатываются структуры однокомпонентных предложений типа *Нам весело. Ему были рады. На кафедре им довольны. Отказом будут обижены*.

В «Книге о грамматике» [Артёмова, Величко, Грекова 2004, Т. 1] временная парадигма простого предложения не упоминается. Если временные формы предложения все же даются в курсах РКИ как иллюстрация, то менее всего информации предоставляется учащимся относительно форм будущего времени. В основополагающих университетских пособиях по употреблению вида русского глагола формы будущего либо не даются вовсе [Лобанова, Степанова 1980], либо даются в виде раздела «Переносное употребление времени» [напр.: Гуревич 1994: 40–46]. Не умаляя ценности работы над переносными значениями, хотелось бы выразить сожаление, что не даются системные, основные временные значения.

В речи иностранных учащихся разных уровней владения языком, включая даже В2 и С1, встречаются типичные ошибки построения однокомпонентных и двухкомпонентных инфинитивных предложений, а также ошибки обозначения плана будущего: **Нужно ли мы быть выйти из общежития через (сектор) Б?* вместо *Нужно ли нам будет выйти ...* На наш взгляд,

на этот случай следует обратить особое внимание, поскольку модальные значения простого предложения с дативным субъекта занимают первое место (согласно базе данных ЛОКЛЛ филологического факультета МГУ) по частотности употребления среди предложений подобного лексико-грамматического типа, к которому относятся предложения с такими модальными предикатами, как *приходиться, остаться* и под.: **Мне придется оставить теплые вещи в Москве. Нам останется только сдать рефераты.** Структуры предложения с модальными глаголами и дативным субъекта должны быть отдельной темой в курсе РКИ.

Типична также ошибка субъектного и предикатного оформления простого предложения, сообщающего о двух ситуациях, то есть полипропозитивного: **Мы смотрели фильм скучно* вместо: *Мы смотрели фильм, и нам было скучно* или *Мы смотрели фильм со скукой*. Или **Мы работали трудно* вместо *Нам было трудно работать; а также *Она шла трудно* вместо *Она шла с трудом* или *Ей было трудно идти*.

В наше время, когда расширяется политико-экономическое и культурное сотрудничество разных стран, возникла необходимость расширить представление иностранных учащихся:

- 1) о временной парадигме простого предложения разных типов, с разными предикатами и разных структурных схем;
- 2) об образовании и употреблении форм будущего времени в типологически разных предложениях, закрепив таким образом статус форм будущего времени как полноправного члена ГПП в функциональном курсе РКИ.

II. Формы будущего времени и типы сказуемого

Что касается первой линии расширения учебного материала, то необходимо представить составное глагольное и составное именное сказуемое

Составное глагольное сказуемое следует дать в его фазовой и модальной реализациях. В списке фазовых глаголов должны быть лексемы *начать, стать, приняться, пуститься, броситься, кинуться, продолжать, кончить, перестать, прекратиться, бросить*), а список модальных глаголов в наши дни стоит значительно пополнить в сравнении со списком «Книги о

грамматике» 2004 г., где даны 3 типа модальных значений личной формы глагола (1. способность, возможность, предрасположенность; 2. волеизъявление; 3. процессы мысли и внутренние переживания) [Книга о грамматике 2004: 35-39].

Модальные значения простого предложения в разных трудах классифицируются на разных основаниях; можно взять за основу

1) возможность/невозможность: *Никто не мог спорить с ним;*

2) долженствование: *Все в кино, а нам приходится готовиться к зачету;*

3) волеизъявления:

классификацию П.А. Леканта [Лекант 2017: 371]:

А. желательности: *Мы просто не хотели беспокоить Вас;*

Б. готовности, решимости: *Я уже готовился сдать реферат;*

В. *отмены действия: *Ребята раздумали лезть через ограду;*

Г. *попытки, стремления: *Он стремился поступить именно в этот университет;*

Д. согласия: *Меня взялся подготовить к экзамену мой дядя;*

4) субъективно-эмоциональной оценки: *Мы рады будем послушать записи лекций профессора А.А. Зализняка;*

5) оценки степени обычности действия: *Он привыкнет со временем относиться к лести безо всякого внимания;*

6) *оценки неожиданности, непривычности действия: *Не ожидала увидеть вас здесь.*

(Значения, отмеченные звёздочками, добавлены в список и проиллюстрированы примерами нами – О.Г, Л.Ц.).

Составное именованное сказуемое должно занять своё место в теме «Выражение смыслов простым предложением»; его следует представить с разного рода связками (*Ручей на всю зиму **останется** безжизненным. Мороз **станет** крепче. Статья **получится** отличная. Из него **не выйдет** ученого. Они, возможно, **будут казаться** неудачниками. Советы **окажутся** полезными. В таком окружении он еще долго **будет считаться** молодым. Он **прослывет** пустым фантазером.* Но на них мы не будем останавливаться подробнее в силу ограниченности объема статьи.

Разумеется, приведенные выше данные следует представлять в учебном курсе дозированно, в зависимости от специфики контингента учащихся и уровня владения русским языком. На начальном этапе достаточно лишь общего представления о структурно-семантических типах простого предложения.

III. Формы будущего времени и структурная схема простого предложения

Взяв за основу список минимальных структурных схем простого предложения В.А. Белошапковой, мы провели процедуру образования форм будущего времени для предложений разных типов структурных схем. Оказалось, что будущее время возможно не во всех случаях.

Поскольку формы будущего времени простого предложения представлены лишь контурно и в учебных материалах РККИ, изданных в других странах, то для облегчения изучения этих форм китайскими учащимися мы предлагаем также переводной путь представления иллюстраций. Это объясняется принадлежностью русского и китайского языка к разным языковым группам и, в частности, значительными различиями в порядке слов двух языков. По этой причине мы снабдили в таблице формы русского будущего времени китайскими эквивалентами.

I блок. Двухкомпонентный номинативный

Структурная схема	Пример В.А. Белошапковой	Формы будущего времени	Китайский эквивалент
1) N _i V _f	Грачи прилетели. Зеленеют деревья.	1) Грачи будут прилетать/ прилетят. 2) Здесь будут зеленеть/ззеленеют деревья.	1) 白嘴鸦们要飞来了。 2) 这里的树木要变绿了。
2)N _i Сop Adj #1/5	Ночь была тиха (тихая, тихой). Он ранен. Через час был объ-	3) Ночь будет тихой. 4) Возможно, он будет ранен. 5) Через час будет объявлен перерыв.	3) 夜要静下来了。 4) 他可能受伤了。 5) 一个小时后他就要宣布休息了。

	явлен привал. Машины готовы к испытаниям.	6) Машины будут готовы к испытаниям.	6) 车辆将要准备好接受试验。
3)N ₁ Cop N _{1/5}	Он был студент (студентом). Это наше общежитие.	7) В сентябре он уже будет студентом. 8) Это будет наше общежитие.	7) 到九月时他已经是个大学生了。 8) 这将是我們新的宿舍。
4)N ₁ Cop N _{2..} /Adv	Этот дом будет без лифта. Платье было в горошек. Чай – с сахаром. Она замужем.	9) Этот дом будет без лифта. 10) Платье будет в горошек. 11) Чай будет с сахаром. 12) Года через два она уже будет замужем.	9) 这个房子将是沒有电梯的。10) 这件连衣裙将是有圆点的。11) 茶是要有糖的。12) 过两年之后她已经结婚了。

II блок. Двухкомпонентный инфинитивный

1)Inf V _f	Рекомендуется больше ходить пешком. Курить воспрещалось.	1) + – *Вам будет рекомендоваться больше ходить пешком. 2) Вам будут рекомендовать/порекомендуют больше ходить пешком. 3) *Курить здесь будет запрещаться. 4) Курить здесь *будут запрещать/запретят.	1) 建议您多步行。 2) 将会有人建议您多点步行。 3) 这里禁止吸烟。 4) 在这里吸烟将会被禁止。
2)InfCop Adj #1/5	Промолчать было разумно. Уговаривать его было излишне (излишним). Нужно уехать. Грустно нам слушать	5) Промолчать будет разумно. 6) Уговаривать его будет излишне. 7) Нужно будет уехать. 8) Грустно нам будет слушать осеннюю вьюгу.	5) 沉默将是最明智的。 6) 说服他将是多余的。 7) 应该要走了。 8) 当我们听到秋天的暴风雪时会悲伤。

	осеннюю вьюгу.		
3)InfCop N _{1/5}	Дозвониться – проблема (было проблемой). Молчать об этом – позор. Главной его целью было (главная его цель была) увидеть всё своими глазами. Строить – это радость. Застать его дома – удача.	9) Дозвониться будет проблема/проблемой. 10) Молчать об этом будет общим позором. 11) Главной его целью будет видеть/увидеть всё своими глазами. 12) Строить /построить – это будет радость. 13) Заставать/ застать его дома будет удачей.	9)接通电话将是个问题。10)对这个问题沉默将是可耻的。11)他的主要目的将是用自己的双眼去看/看到。12)对职业人来说建造是一种快乐。13)将会顺利地将他放满整个家。
4)InfCop N _{2.../Adv}	Промолчать было не в его правилах. Купить машину нам не по средствам. Молчать некстати. Идти дальше было нелегко.	14) Молчать/про-молчать будет не в его правилах. 15) Купить машину нам будет не по средствам. 16) Молчать/ промолчать будет некстати. 17) Идти/пойти дальше будет нелегко.	14)沉默将不是他的准则。15)我们将不够钱买车。16)沉默将是不合时宜的。17)无法忍受继续走路。
5)InfCopI nf	Отказаться было обидеть.	18) Отказы-ваться/отказаться будет обидеть.	18)拒绝的话会生气。

III блок. Однокомпонентный

1)V _{s3/ n}	Смеркается. Ему нездоровится. Дохнуло свежестью. Крышу охватило пламенем. Пароход покачивало. У него напечело на сердце. Об этом уже писалось.	1) (После шести) будет смеркаться/смеркнется. 2) (После прививки) ребенку будет нездоровиться. 3) (Когда повернём), от реки дохнёт (но не * будет	1) 六点后天就要黑了。2) 接种完疫苗后孩子们就会康复。3) 转弯后从河里传来清新的气味(不能用 дышать)。4) 屋顶被火焰吞噬了。5) 轮船要摇晃了。6) 他的心里在沸腾。7) +关于这个描述得简单。
----------------------	--	--	---

		дышать) све- жестью. 4) Крышу охватит пламе- нем. 5) Пароход бу- дет покачи- вать. 6) (Так) у него накипит на сердце. 7) *Об этом напишется (легко).	
2) V P13	За столом зашумели. Его обидели. Здесь о молодых специалистах заботятся, им доверяют.	8) За столом зашумят/будут шуметь. 9) Его (здесь) будут обижать/обидают. 10) Здесь о молодых специалистах будут заботиться/позаботятся, им будут доверять (ср.: *доверяют что?)	8) 桌子旁边喧闹。桌子旁边即将很喧闹。 9) 他将会被人欺负的。10) 在这里年轻的专家们将会被关怀, 会被信任。(ср. Доверяют что?)
3) Inf	Не догнать тебе бешеной тройки. Сломать ему свои рога (<i>Пушкин</i>).	11) Тройки (тебе) будет не догнать 12) 0	11) 你赶不上三号车了。 12) 0
4) Cop s3/n Adj fsn	Было темно. Морозно. Душно без счастья и воли (<i>Некрасов</i>).	13) Будет темно и морозно. 14) Душно будет без счастья и воли.	13) 天就要黑了, 要变冷了。14) 没有幸福和权力将会变得无聊。
5) Cop P13 Adj f P1	Ему были рады. Им довольны. Отказом были обижены.	15) Ему будут рады. 16) Им будут довольны. 17) Отказом будут обижены.	15) 托他的福将会很开心。16) 托他们的福将会很满意。17) 他们会因为拒绝而生气。
6) Cop P13 N2/ Adv	Дома были в слезах. От него были в восторге.	18) Дома будут в слезах. 19) От него будут в восторге.	18) 在家里的话就要流泪。19) 因他而很

	С ним были за- просто.	20) С ним бу- дут запросто.	高兴。20) 跟他可以不 拘礼节。
7) Cop N ₁	Шепот. Робкое дыханье. Трели соловья (<i>Фет</i>). Тишина. Была зима.	21) (Знаю), бу- дет шепот, роб- кое дыханье, трели соловья. 22) Будет ти- шина. 23) Бу- дет зима.	21) (我知道), 会 有低语声, 低低的呼 吸声, 还有夜莺在啼 唱。22) 寂静即将来 临。23) 冬天要来 了。

IV. Лакуны в системе форм будущего времени простого предложения

Рассмотрев полный список из 16 минимальных структурных схем В.А. Белошапковой, мы проанализировали их на предмет образования форм будущего времени и обнаружили три структуры предложения, имеющие лакуны во временном плане будущего. Мы имеем дело с авторскими примерами В.А. Белошапковой [Белошапкива, Земская, Милославский, Панов 1981: 443-444].

IV.I. Структура Inf V_f

Предложения типа *Рекомендуется больше ходить пешком* были в свое время детально проанализированы О.В. Чагиной [Чагина 2004: 104-106]. Она относит их к сфере акционального пассива, а именно к двучленным пассивным структурам с невыраженным агенсом, и невыраженность агенса объясняется либо неизвестностью производителя действия, либо несущественностью его роли относительно сообщаемого. При этом отмечается, что «именной компонент со значением производителя действия не является структурно необходимым» [Там же:104]. Следует, на наш взгляд, однако, уточнить, что он не только не является необходимым, а во многих случаях невозможен: **Врачом рекомендуется / рекомендовалось больше ходить пешком. Курить запрещалось / запрещается ректором.*

По мнению респондентов-филологов и респондентов-гуманитариев широкого профиля, формы будущего времени этих конструкций (А) **Будет рекомендоваться больше ходить пешком.*

Б) **Кури́ть будет запрещаться*) неупотребительны. Для выражения идеи будущего ими были предложены варианты: для А) *Будут рекомендовать больше ходить пешком / Будет рекомендовано больше ходить пешком*. Для Б), соответственно: *Кури́ть запретят* и *Кури́ть будет запрещено*.

Так содержание грамматической (временной) парадигмы русского простого предложения фундаментального курса русского языка корректируется в функциональном курсе, в курсе РКИ.

Функциональный курс устанавливает соотносительность структурных схем $Inf\ V_f$, с одной стороны, и V_{pl3} , $Inf\ Cop\ Adj_{f/1/3}$ с другой.

Временные планы	$Inf\ V_f$	V_{pl3}	$Inf\ Cop\ Adj_{f/1/3}$
Настоящее	А. Рекомендуются больше ходить пешком Б. Курить запрещается	А. Рекомендуют больше ходить пешком Б. Курить запрещают	А. Рекомендовано больше ходить пешком Б. Курить запрещено
Прошедшее	А. Рекомендовалось больше ходить пешком Б. Курить запрещалось	А. Рекомендовали больше ходить пешком Б. Курить запрещали	А. Было рекомендовано больше ходить пешком Б. Курить было запрещено
Будущее	А. 0 Б. 0	А. Будут рекомендовать больше ходить пешком Б. Курить будут запрещать(*). Кури́ть запретят	А. Будет рекомендовано больше ходить пешком Б. Курить будет запрещено

IV. II. Структура $Vs3/n$

Однокомпонентная структура также имеет лакуну в будущем времени

Временные планы	Vs3/n
Настоящее	Об этом уже пишется
Прошедшее	Об этом уже писалось
Будущее	0

Следует отметить, что при точно выдержанном лексическом составе форма будущего времени предложения оценивается респондентами как невозможная: **Об этом уже будет писаться*. При исключении частицы респонденты оценивают предложение *Об этом будет писаться* как сомнительное и предлагают для выражения идеи использовать предложение структуры V pl3: *Об этом будут писать, Об этом напишут* и *Inf Cop Adj f/1/3 Об этом будет написано*.

Существенной особенностью данной реализации минимальной структурной схемы является принципиальная невыраженность агенса, ср.: **Об этом уже писалось академиком В.В. Виноградовым. *Об этом уже пишется журналистами*.

Методическое сопровождение

Введение в обиход иностранных учащихся структур простого предложения, имеющих лакуны в системе будущего времени, должно сопровождаться аспектологическим комментарием, где будут указаны предпочтительные видовые формы с разъяснением их значения и употребления. Принципы такого комментария были изложены О.К. Грековой [Грекова 2014:52-56]. В нашу таблицу мы сознательно включили все возможные, на наш взгляд, видовые формы для каждой модели.

При замещении формы будущего времени структуры InfVf формой будущего структуры Vpl3 необходимо пояснить разницу в значении предложений *Куриль будут запрещать* (аспектуальное значение повторяемости, предложение акционального типа) и *Куриль запретят* (аспектуальное значение однократности, статив-результатив, то есть статив является результатом некоторого действия).

Структура Vs3/n однокомпонентного блока проиллюстрирована В.А. Белошапковой примерами с обоими видами глагола, но

с преобладанием НСВ. Исходная иллюстрация была дана в прошедшем времени и реализовала аспектуальное значение общего факта, оно же представлено и в плане настоящего, поэтому следует и из форм будущего времени выбрать форму наиболее близкую к исходным с точки зрения аспектуальности. Это *Об этом будут писать*, где также реализуется общефактическое значение НСВ. Аспектуальность как функционально-семантическая категория в целом интерпретационна, и другие варианты расставляют иные акценты: *Об этом напишут* можно понимать как однократность или результативность, а *Об этом будет написано* – как результативность, завершенность.

Интересно, что обе описываемые структуры с лакунами в системе форм будущего времени имеют отношение к одному и тому же аспектуальному значению – общефактическому.

Рекомендуется больше ходить пешком. – Есть рекомендация больше ходить пешком.

Рекомендовалось больше ходить пешком. – Была рекомендация больше ходить пешком.

Куриль запрещается. – Есть запрет на курение.

Куриль запрещалось. – Был запрет на курение.

Как известно, передача идеи, выраженной с помощью глагольной формы НСВ, через предложение с субстантивом, чаще с отглагольным существительным (Напр.: *Вчера хирург принимал?* = *Вчера у хирурга был прием?*) является диагностическим контекстом общефактического значения НСВ.

В описываемых нами подобных случаях мы наблюдаем также нейтрализацию акциональности/статальности.

IV. III. Структура Inf

Предложения этой структуры отличаются, пожалуй, наибольшей семантической разноплановостью в силу способности выражать субъективно-модальные значения широкого спектра.

Среди них есть предложения, выражающие неизбежность ситуации: *Сломать ему свои рога (Пушкин) Быть беде*. Они в целом проспективны и утверждают возникновение некой ситуации в ближайшем или отдаленном будущем. Будучи аналогичными предложениям с формой будущего времени (*Он непременно сломает свои рога. Обязательно будет беда*), они, тем не менее, не

вполне лексико-семантически привязываются к временному плану будущего (**Завтра сломать ему свои рога. Завтра быть беде*) или настоящего (*Сегодня сломать ему свои рога. Сегодня быть беде*). И совсем исключен для них план прошедшего времени: (**Вчера сломать ему свои рога. *Вчера быть беде*). Грамматическое оформление будущего времени для них невозможно.

Есть предложения с субъективно-модальным значением невозможности, имеющие форму будущего времени: *Не догнать тебе одноклассников. – (Занимайся сейчас) Через месяц одноклассников уже **будет не догнать!*** Для предложений данного типа необходим аспектологический комментарий, в первую очередь отмечающий моновидовые (*Через месяц одноклассников уже **будет не догнать!***) но не **Через месяц одноклассников уже **будет не догонять!***) и бивидовые предложения, сохраняющие значение при обеих видовых формах.

Есть предложения должноствующего отсутствия действия, имеющие грамматическую форму прошедшего времени (*Ему ли ворчать! – Ему ли **было** ворчать!*), но не имеющие ни грамматической, ни лексико-семантической формы будущего (**Ему ли **будет** ворчать!*).

V. Структуры простого предложения в тестах ТРКИ

Анализ синтаксических курсов РКИ последнего времени показывает, что безусловным лидером типов структурных схем, предъявляемых иностранным учащимся, является, как мы уже упоминали, схема N1Vf с простым или составным глагольным сказуемым.

В тестах ТРКИ уровня B2 контролируются предложения с составным именным сказуемым типа *Я рад* [Программа по русскому языку как иностранному 2013: предложение 11]; *Общественному транспорту здесь останавливаться запрещено* [Там же: предложение 24]. В ТРКИ уровня C1 контролируются предложения типа *По его лицу всё было видно* [Типовые тесты по русскому языку как иностранному 1999: предложение 2]. Задействованы также инфинитивные предложения, в том числе с независимым инфинитивом, и императивные предложения.

Всё упомянутое выше, на наш взгляд, говорит о необходимости более гармонично представлять в курсе РКИ дискурсивно актуальные типы простого предложения, уделив больше внимания предложениям с именным сказуемым.

Необходимым кажется и методический акцент на предикатах категории состояния типа *Мне жаль. Нам весело. Ему плохо*, дав, по возможности, широкий их список. Тем более, что он в разговорной речи последних лет имеет тенденцию к расширению (*Мне сегодня не стыдно за свою жизнь танцовщика, наоборот, мне гордо*. – Н. Цискаридзе. ВГТРК Культура 08.02.18). *Ваш семинар, правда, очень понравился. Нам было атмосферно* (Из студенческой речи. 2017 г).

Необходимой для синтаксических курсов РКИ кажется практика образования и употребления форм будущего времени предложений всех указанных выше типов структурной схемы:

Я буду рада.

Общественному транспорту останавливаться здесь будет запрещено.

По его лицу всё будет видно.

Мне будет трудно.

Нам будет скучно.

Ему не будет стыдно.

Введение этих тем, как уже говорилось выше, стоит сопровождать аспектологическим комментарием с указанием моновидовых и бивидовых структур (*Общественному транспорту *остановиться здесь будет запрещено но Общественному транспорту останавливаться здесь будет запрещено*).

Таким образом, материал по формам будущего времени простого предложения окажется связанным также с употреблением разных типов сказуемого и видовых форм глагола.

Вместо заключения

Как показывает практика преподавания РКИ разным контингентам учащихся, формы будущего времени в грамматической парадигме простого предложения исследованы недостаточно как

с точки зрения их образования в предложениях разных типов, так и с точки зрения употребления.

Расширение учебного материала по формам будущего времени простого предложения разных структурных схем нужно проводить последовательно (начиная действительно с двусоставного предложения схемы N_1V_f , но и не заканчивая им же), концентрически, предлагая новые типы в определённом объёме, в зависимости от уровня владения учащимися русским языком.

Следует вводить формы будущего времени предложений с составным глагольным и составным именным сказуемым.

Во многих случаях существенной составляющей такого курса должен являться краткий аспектологический комментарий.

Подобная подача материала представляется нам необходимым и естественным путем создания внутренне связанного процесса обучения иностранцев русскому языку как иностранному.

ЛИТЕРАТУРА

Артёмова О.А., Величко А.В., Грекова О.К. и др. Книга о грамматике. В 2-х т. М.: Издательство Московского университета. 2004.

Белошапкина В.А., Земская Е.А., Милославский И.Г., Панов М.В. Современный русский язык. Учебник. М.: Высшая школа, 1981.

Грекова О.К. Принципы создания непротиворечивой объяснительной модели выбора русского глагольного вида в дискурсе // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2014. №1

Гуревич В.В. Глагольный вид в русском языке. М.: Изд-во ВНИИЦ, 1994.

Лекант П.А. Синтаксис // Современный русский язык. Учебник / Под ред. П.А. Леканта. 5-е изд. М.: Юрайт, 2017.

Программа по русскому языку как иностранному. I сертификационный уровень. Общее владение. 6-е изд./ Н.П. Андрюшина, Г.А. Битехтина, Т.В. Владимирова и др. СПб.: Златоуст. 2013.

Типовые тесты по русскому языку как иностранному. III сертификационный уровень. Общее владение. М., СПб.: Златоуст, 1999.

Чагина О.В. Пассивные структуры // Артёмова О.А., Величко А.В., Грекова О.К. и др. Книга о грамматике. В 2-х т. Т 1. М.: Изд-во Московского ун-та, 2004.

Шведова Н.Ю. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966

Pulkina I.M. A Short Russian Reference Grammar M.: Progress publishers. 1988.

Olga K. Grekova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

olggre@list.ru

Lin Jing

Magistrate student, MSU–BIT University, China, Shenzhen

olggre@list.ru

SIMPLE SENTENCE FUTURE FORMS` PARADIGMATICS IN RFF COURSE AND ITS GAPS

The paper contains analysis of Simple Sentence Future Forms, represented in RFF manuals and tests of different levels. The actual Future Forms of Simple Sentences, different in Predicate Types and Structural Schemes, non-explicit in RFF Grammar, are being revealed. The Future Forms System`s gaps as well as the reasons of this phenomenon are qualified. Essential comments for the Syntax RFF course are proposed.

Key words: Russian for foreigners (RFF); simple sentence; predicate types; structural scheme types; future forms` paradigmatics; gap.

Столетова Екатерина Константиновна
кандидат филологических наук, доцент
Института международных образовательных программ
МГЛУ, Россия, Москва

ekstoletova@pushkin.institute

**СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ БЛИЗОСТИ ДВУХ СИТУАЦИЙ
В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЧТИ
ДОСТИГНУТЫХ СОСТОЯНИЙ И ПОЧТИ
СОВЕРШИВШИХСЯ СОБЫТИЙ
(НАБРОСКИ К СЕМАНТИЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ ОТДЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ)**

В данной статье предложен анализ семантики языковых единиц, указывающих на близость двух ситуаций и помогающих нам обозначать состояния, которые могли / могут быть достигнуты, и события, которые могли / могут произойти. Дана интерпретация единиц данной группы. Изложены основные принципы презентации данного материала в иноязычной аудитории.

Ключевые слова: языковая единица, семантическая интерпретация, состояние, событие, фразеологизм, метафорическое осмысление / описание.

Как мы, носители русского языка, обозначаем близость двух ситуаций, говорим о том, что нечто произойдет в ближайшее время или может / могло произойти с высокой вероятностью?

В данной статье мы предприняли попытку объединить в одну группу единицы, указывающие на близость двух ситуаций и помогающие обозначать **почти достигнутые состояния и почти совершившиеся события**, и проанализировать их семантику. Данные единицы помогают нам говорить о тех состояниях, которые могли / могут быть достигнуты, и о тех событиях, которые могли / могут произойти. Все эти состояния и события мы осмысливаем как бывшие вероятными (но, возможно, не реализовавшиеся) либо как вероятные и сейчас.

Во-первых, для обозначения таких состояний и событий мы используем лексические единицы **почти, чуть не / едва не, вот-вот**; во-вторых, описываем их метафорически — в терминах пространства. Во второй группе оказываются такие языковые выра-

жения, как *быть близким к, приблизиться к, вплотную подойти к, быть на пороге, быть в шаге (в двух / трех шагах) от, быть на шаг от, быть на грани, быть на краю, быть на волосок от*. Таким образом, целая система понятий организуется по образцу некоторой другой системы, поскольку мы говорим о ситуациях и событиях в терминах пространственной близости (подробнее об этом см. об этом [Лакофф, Джонсон 1990]).

Изучение синонимов данного ряда интересно как для исследователя русского языка, так и для студента-инофона продвинутого этапа: первому они дадут возможность описать русскую картину мира, способы осмысления различных ситуаций представителями русской культуры, второму будут полезны с практической точки зрения, так как помогут в понимании художественных и публицистических текстов и высказываний разговорной речи. Единицы данной группы частотны в русском языке и заслуживают того, чтобы познакомить с ними учащихся-инофонов.

Единицы *почти, чуть не, едва не* описаны С.А. Григорьевой (Григорьева 2003). Исследовательница предлагает следующее толкование для данного ряда: *Почти* <*чуть не, едва не...*> *P* = 'имеющая место ситуация близка к *P*; если бы элементов или свойств ситуации *P* было немного больше, то было бы *P'*'.

Таким образом, рассматриваемые нами единицы указывают на то, что ситуация, которая имеет место, совсем немного отличается от ситуации *P* или что некоторое событие могло / может произойти и для этого не хватило / не хватает совсем немногого (*Пациент почти здоров; Ребенок почти научился кувыркаться / Он едва не сломал ногу; Он вот-вот упадет; Она на грани нервного срыва*).

ПОЧТИ:

не достигнутый предел

Наречие *почти* указывает на степень и может использоваться в тех случаях, когда ситуация не достигла своего предела. В сфере действия *почти* в интересующем нас значении могут оказываться как глаголы, обозначающие действия, процессы, свойства, состояния, так и существительные. Ср., например:

Пациент почти здоров.

Ну вот, мы почти пришли.

Он *почти* старик.

Предложим семантическую интерпретацию лексемы *почти*:

- имеет место некоторое положение дел / происходит (произошло) некоторое событие;
- оно совсем незначительно отличается от Р;
- если оно продолжится, то будет Р / если бы оно продолжилось, то было бы Р.

Наречие *почти* происходит от формы повелительного наклонения глагола *почесть* (*почитать*), устаревшего синонима глагола *счесть* (*считать*).

В «Этимологическом словаре» М. Фасмера мы находим следующую информацию о происхождении данной лексемы: «**Почти, почти что**, диал. *почитай, почитай что* — то же кашинск. (См.). Из 2 л. ед. ч. повел. накл. *почти*. От *почту, итер., почитать* (Фасмер 1996, том 3, стр.349).

В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля словарная статья *почти* выглядит следующим образом: «**Почти, почитать, почесть, почесь** нар. безъ-малого, едва-не, чуть-не, немного недостаеть. *Онъ почти согласень. Онъ ужъ почитай вызровълъ. Я почесь совсъмъ расплатился*» (Даль, том III, стр. 972-973).

Таким образом, *почти Р* обозначает следующее: '*считай, что Р / ты можешь считать, что Р'*. Есть немало контекстов с лексемой *почитай* (или *почитай что*), синонимичной *почти*. Ср., например:

Есть-то почитай что не ем ничего, а вода— вон она в кружке-то (И. Тургенев).

ЧУТЬ НЕ, ЕДВА НЕ:

не произошедшее событие

С.А. Григорьева обозначает основное различие между *почти* и *чуть не / едва не* следующим образом: *почти* «предполагает наличие развивающегося во времени п р о ц е с с а, то есть представляет ситуацию в д и н а м и к е» [Григорьева 2003: 277], а *чуть не / едва не* указывают на то, что «имела место ситуация, близкая к Р, но сама ситуация Р тем не менее н е н а с т у п и л а» (там же). *Почти заснул* значит, что «процесс засыпания очень

близок к своему естественному пределу» [там же: 277–278], а **чуть не / едва не заснул** — что «было близко к тому, чтобы заснуть, но этого не произошло» [там же: 278].

Итак, **чуть не** и **едва ли**, очень близкие друг к другу по своей семантике, отличаются от **почти**. Мы используем данные единицы, говоря о событиях или действиях, которые с высокой вероятностью могли произойти, но все же не произошли, или (реже) могут произойти, но не происходят (если в сфере действия **чуть не, едва нет** находится глагол в настоящем времени). Ср., например:

*Лиза побледнела и **едва не** упала в обморок* (Н. Карамзин).

*Хочу ее оттолкнуть от себя, она как кошка сцепилась в мою одежду, и вдруг сильный толчок **едва не** сбросил меня в море* (М. Лермонтов).

*Выйдя из купе, Андрей **чуть не** столкнулся с идущим по вагону проводником* (В. Пелевин).

*По деревенской набережной, кое-как замощенной разновеликими плитами в щербинах и выбоинах, проходила публика, **едва не** задевая руками и бедрами деревянный барьер террасы* (Д. Рубина).

В сфере действия **чуть не / едва не** могут находиться как глаголы, обозначающие нечто неприятное, нежелательное (**чуть не / едва не потерял сознание**), так и глаголы, обозначающие нечто приятное, положительное (**чуть не / едва не запрыгал от радости**).

Следует отметить, что в отдельных случаях (эти контексты не очень частотны) — в сочетании с глаголами несовершенного вида — языковые выражения **чуть не, едва не** не указывают на событие, которое не произошло, а имеют другое значение — помогают сравнить две различные ситуации (и в этом случае они сближаются с показателями непрямого номинации (об этой группе единиц см. (Столетова 2005)). Ср., например:

*Иван **чуть не** упал, потому что было очень скользко.*

*Иван **чуть не** падал от усталости.*

В первом случае событие могло произойти с высокой вероятностью, однако не произошло: X мог упасть, но избежал падения. Второй контекст принципиально иной: здесь речь идет о метафорическом осмыслении состояния усталости, реальная ситуация (X устал) отличается от ситуации Р, имя которой избрал говорящий (X падал). В такого рода контекстах некоторая ситуация

называется «чужим» именем, а **чуть не / едва не** могут быть заменены на один из показателей непрямого номинации (например, **буквально, просто, прямо, можно сказать**).

Сравним еще два примера:

*Мальчик **чуть не** заплакал от обиды.*

*Мальчик **чуть не** плакал от обиды.*

Первое высказывание значит примерно следующее: 'мальчику стало обидно, он мог / хотел / собирался/ был готов заплакать, но не сделал этого', второе можно интерпретировать так: 'мальчику было обидно, поэтому он был очень грустен'.

При этом для **чуть не / едва не** значительно более частотны контексты типа *X **чуть не / едва не** упал, столкнулся с кем-либо, заплакал от обиды.*

Предложим семантическую интерпретацию **чуть не / едва не** для большинства употреблений:

- могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
- Р — нечто такое, чего не ожидал Х;
- однако Р не произошло / не происходит.

Кроме этого, в объяснении семантики единицы **чуть не** нам может помочь лексема *чуть-чуть*: 'если бы прошло еще чуть-чуть времени, случилось бы Р'.

Для случаев типа *X **чуть не / едва не** падал от усталости / плакал* можно предложить следующую интерпретацию:

- имеет место некоторая ситуация;
- эта ситуация похожа на Р;
- при этом эта ситуация не является Р;
- говорящий называет эту ситуацию именем «Р»

ВОТ-ВОТ:

ожидание события в ближайшую минуту

Наречие *вот-вот* характерно для разговорной речи и указывает на то, что событие, с точки зрения говорящего, произойдет прямо сейчас, сию минуту. Говорящий как бы стремится привлечь внимание слушающего к какому-либо событию и призывает его обратить внимание на происходящее (он имеет в виду примерно следующее: '*Вот, смотри, вот, сейчас это случится*').

Вот-вот может использоваться в сочетании с глаголами в будущем времени либо в контекстах типа **Р может / могло вот-вот произойти** или **Р должно / должно было вот-вот произойти**. Ср., например:

*Спектакль **вот-вот** начнется. А я еще и одеваться не начал* (С. Юрский).

*А над слоненком порхала пара птичек величиной со стрекоз. Из всех сил они махали крыльями — казалось, **вот-вот** упадут* («Мурзилка»).

*Мне казалось, я повисла в воздухе и **вот-вот** полечу* (А. Куприн).

*Бездомный сиамский котенок, любимец двора, зачем-то забрался на самый высокий ясень, где и дрожал сейчас на тонкой веточке, с которой мог **вот-вот** сорваться* (Н. Горланова).

*Болотце, когда сено убрали и прошло еще с неделю времени, еще лучше позеленело, чем было, и раз, когда я пришел на него в чудесный серенький день, выглядело страшно аппетитно, казалось, **вот-вот** должен вылететь бекас* (М. Пришвин).

*Все небо было обложено пухлыми войлочными тучами. **Вот-вот**, наверно, должен был хлынуть теплый крупный летний дождик* (Ю. Домбровский).

Дадим семантическую интерпретацию наречия **вот-вот**:

- могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
- говорящий считает / считал, что Р может произойти в ближайшую минуту

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ЯЗЫКОВЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

БЫТЬ БЛИЗКИМ К:

близость события

Мы осмысливаем различные жизненные ситуации с помощью пространственных метафор. Например, прилагательное *близкий* помогает нам выразить то, что нечто может произойти с высокой вероятностью (мы представляем себе, что подошли к какой-то ситуации близко, если это что-то неприятное и опасное —

нам надо не попасть в эту ситуацию, если же, напротив, нечто желательное — продолжить свой путь к этой цели).

Итак, прилагательное *близкий* (в интересующем нас употреблении оно обычно стоит в краткой форме: *кто близок к чему*), сочетающееся с существительным пропозитивной семантики, может выступать в различного рода контекстах: чаще в его сфере действия находятся существительные, называющие неприятную ситуацию, но могут быть и существительные, не несущие негативной оценки. Ср., например:

Я больше не настаивал и отправился домой, но я был близок к отчаянию, я был несчастен (А. Герцен).

Объясните мне, что все это значит? Я близок к помешательству (С. Довлатов).

Через три года после американской командировки, когда я уже был близок к созданию своего коммерческого светодиода, я принимал участие в конференции Общества прикладной физики («Эксперт»).

В первых двух контекстах названы негативные, нежелательные ситуации, а в третьем контексте — некоторая приятная, желательная ситуация.

Семантическая интерпретация конструкции *X (был) близок к Р* носит очень общий характер:

- могло / может с высокой вероятностью случиться Р;

ПРИБЛИЗИТЬСЯ К; ПОДОЙТИ ВПЛОТНУЮ К: почти завершённый путь к желанной цели

Мы используем данные единицы по отношению к ситуациям, которые могут произойти с высокой вероятностью и которые в некоторой степени контролируются нами самими: мы представляем себе, что совершаем путь к некоторой желанной цели. См.. например:

Он бросил занятия музыкой, когда хоть и на толику, но самым высшим образом приблизился к пониманию природы музыки («Новый мир»).

*Я, рассмотрев механизм, приводящий в движение волны моря, вдруг своим несмышленным умом **приблизился к** пониманию загадки всего окружающего мира* (А. Рекемчук).

*Лишь историческое сознание Ренессанса **приблизилось вплотную к** догадке о существовании социального времени* (И. Савельева, А. Полетаев).

*Ученые **вплотную подошли к** новому научному открытию.*

Предложим семантическую интерпретацию для **приблизиться к; подойти вплотную к**:

1. могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
2. Р — нечто положительное, желательное;
3. осуществление Р в некоторой степени зависит от действий / усилий Х-а

БЫТЬ НА ПОРОГЕ:

близость значимого события

Данное языковое выражение свидетельствует о том, что мы представляем себе некоторое значимое для нас событие как воображаемое «помещение». Когда мы говорим, что Х стоит на пороге какого-либо события, то хотим подчеркнуть, во-первых, что это событие должно произойти в ближайшее время, во-вторых — что это событие исключительной значимости, глобального характера, именно так представляет, ощущает его говорящий. Он осознает значимость того, что ему предстоит «переступить» через «порог» и «войти» в новую ситуацию, которая повлечет грандиозные перемены. Действительно, мы можем **быть на пороге великих событий, грандиозного научного открытия, новой эры, новой жизни, вечности**. Ср, например:

*Абрам Менделеевич стал ему рассказывать, что «мы **находимся на пороге** открытия новой науки»* (Копелев. Пример из (Лубенская 1995)).

*Итак, Кавалеров, мы **находимся на пороге** великих событий* (Олеша. Пример из (Лубенская 1995)).

Данная метафора неслучайно возникает в русской фразеологии: образ порога значим для русской культуры, входит в категорию образов условного предела, условной границы, присутствующего в фольклоре (сказках, заговорах, ритуалах народной магии), фиксируя определенные представления о мироустройстве. Действительно, как пишет В.Н. Телия, «система образов, закрепленных в фразеологическом составе языка, служит своего рода «нишей» для кумуляции мировидения и так или иначе связана с материальной, социальной или духовной культурой данной языковой общности, а потому может свидетельствовать о ее культурно-национальном опыте и традициях» (Телия 1996, стр. 215).

Предложим семантическую интерпретацию *на пороге Р* :

4. могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
5. X считает, что Р - значимое, глобальное событие;
6. X думает / чувствует, что Р произойдет очень скоро.

БЫТЬ В ШАГЕ (В ДВУХ / ТРЕХ ШАГАХ) ОТ VS БЫТЬ НА ШАГ ОТ:

близость желанной цели VS близость опасной ситуации

Фразеологизмы с лексемой *шаг*, также метафорически осмысляющие идею высокой вероятности наступления некоторой ситуации, - *быть в шаге (в двух / трех шагах) от* и *быть на шаг от* — противоположны по значению.

Фразеологизм *быть в шаге (в двух / трех шагах) от* похож на рассмотренные нами выше выражения указывает нам на существующее в нашем сознании метафорическое представление о пути, который мы совершаем для достижения желанной цели. В сфере действия данного языкового выражения находятся существительные, выражающие положительную оценку и обозначающие нечто приятное, желаемое. Ср., например:

А вот сестры Алена и Катерина Бондаренко с Украины в Пекине остановились в двух шагах от пьедестала, заняв четвертое место («Наука и жизнь»).

Ужасный промах в двух шагах от желанной ничьей («Шахматное обозрение»).

Возможно, мы стоим в двух шагах от научно-технической биомедицинской революции («Знание — сила»).

И тут он прибегает, в двух шагах от премьеры, смотрит на эту Муху безумную <...> и произносит <...>: -Гениально! -Гениально! -Гениально! (Д. Рубина).

Таким образом, мы можем **быть в шаге (в двух / трех шагах) от**, например, *пьедестала, научной революции, победы, премьеры* и т. п.

Выражение **быть на шаг от** используется в тех контекстах, где речь идет о существующей угрозе, о том, что X находится в опасной ситуации. Ср., например:

Михаил так переживал смерть жены, что был на шаг от самоубийства (пример из (Лубенская 1995, стр. 806)).

Абхазия и Грузия снова на шаг от войны.

И Катерина Васильевна мечтала, мечтала, читая скромные, безнадежные письма Соловцова, и через полгода этого чтения была уже на шаг от чахотки (Н. Чернышевский).

Как следует из рассмотренных нами примеров, мы можем **быть на шаг от** некоторой опасной, нежелательной ситуации, такой, как *самоубийство, война, болезнь*.

Семантическая интерпретация для **быть в шаге (в двух / трех шагах) от** будет выглядеть следующим образом:

- 7. могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
- Р — нечто положительное, желательное

Семантическую интерпретация для **быть на шаг от** может быть сформулирована так:

- могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
- Р — нечто опасное, нежелательное

БЫТЬ НА ГРАНИ:

чрезвычайная близость опасной ситуации

Фразеологизм **быть на грани** похож по значению на рассмотренный выше фразеологизм **быть на шаг от** и, наверное, X, находящийся **на грани** опасной ситуации, приблизился к ней даже «сильнее», чем тот, кто находится **на шаг** от нее. Этот фразеологизм показывает нам, что мы представляем себе опасную, нежелательную ситуацию как некую «зону», за пределы которой опасно «заходить». Ср., например:

За последние полгода немало было разговоров о том, что пенсионная система <...> находится **на грани** кризиса («Москва МН»).

Потерпев фиаско в семейной жизни и находясь **на грани** самоубийства, еще молодая и привлекательная женщина случайно на пляже знакомится с молодым человеком (анонс спектакля).

Предложим семантическую интерпретацию для **на грани**:

- могло / может с высокой вероятностью случиться Р;
- Р – нечто опасное, нежелательное;
- говорящий думает / чувствует, что риск наступления Р очень велик

БЫТЬ НА КРАЮ:

близость смертельной опасности

Фразеологизм **быть на краю** используется нами в ситуациях, когда мы говорим о смертельной опасности, о том, что под угрозой находится наша жизнь. Неслучайно столь частотны контексты, в которых в сфере действия данного языкового выражения находится существительное *гибель*. Данный фразеологизм показывает нам, что мы представляем себе некоторую опасность либо как пропасть (обрыв, бездну), в которую можно «упасть», «провалиться».

В «Русско-английском словаре идиом» С. Лубенской мы находим идиому **на краю гибели (пропасти)**, которая толкуется аналогичным образом: «one is very close to serious, mortal danger» (кто-либо находится в серьезной, смертельной опасности) (Лубенская 1995, стр. 313).

Рассмотрим ряд контекстов:

*Будь проклято это чувство надежды **на краю** гибели, этот рудимент пещерного оптимизма* (В. Быков).

*Один художественный и критический журнал, тянувшийся за модернизмом, но плохо руководимый, очутился **на краю** гибели* (В. Ходасевич).

*Когда-то в юности, стоя **на краю** страшной депрессии, похоронив в течение нескольких лет всю семью, Антон спасался чтением* (А. Маринина).

Луиц все рос да рос и уж совсем, видимо, стал считать себя неуязвимым, как вдруг в один миг оказался на краю пропасти (Буковский. Пример из (Лубенская 1995)).

В первых двух примерах Х находится *на краю гибели*, в третьем — *на краю страшной депрессии*, которая, очевидно, воспринимается автором высказывания как чрезвычайно опасная ситуация, в четвертом — *на краю* опасной ситуации, которая названа метафорически *пропастью*.

Предложим семантическую интерпретацию для *на краю*:

– могло / может с высокой вероятностью случиться Р;

– Р — нечто смертельно опасное, представляющее угрозу для жизни Х-а;

– говорящий думает / чувствует, что риск наступления Р очень велик

БЫТЬ НА ВОЛОСОК ОТ:

ненадежность положения и близость смертельной опасности.

Языковое выражение *быть на волосок от* так же, как и *быть на краю*, указывает на некую угрожающую Х-у опасность, скорее всего, смертельную. Ср., например:

И прежде чем удалось восстановить равновесие, западные союзники России были на волосок от гибели («Наука и жизнь»).

Парень с немым удивлением посмотрел вслед уходящему клиенту, не догадываясь о том, что находился всего лишь на волосок от смерти (Е. Сухов).

Этот балет, напоминавший королю и еще кое-кому о конфузе наследника, вообще мог быть запрещен ко всем чертям! Дирижер был на волосок от казни, от виселицы (Г. Полонский).

Мы видим, что в сфере действия данного фразеологизма находится определенная лексика: *смерть, гибель, казнь, виселица*.

Лексема *волосок* передает идею минимального расстояния, отделяющего Х-а от опасной, трагической ситуации.

Семантическая интерпретация фразеологизма *быть на волосок от* может быть сформулирована следующим образом:

– могло / может с высокой вероятностью случиться Р;

– Р — нечто смертельно опасное, представляющее угрозу для жизни Х-а;

- говорящий думает / чувствует, что положение X-а ненадежно и риск наступления Р очень велик

Преподавателю РКИ, знакомящему студентов-инофонов с единицами рассмотренной нами группы, следует прежде всего объяснить значение каждой из них и различия между ними, а также рассказать какая лексика входит в сферу действия каждой из них. Для англоговорящих студентов полезным может оказаться перевод на английский язык.

Все вышеизложенное можно представить в виде таблицы.

Единица	Тип языковых выражений, находящихся в сфере действия единицы	Значение	Перевод на английский язык
<i>почти</i>	глаголы, обозначающие действия, процессы, свойства, состояния, и существительные	не достигнутый предел	<i>almost, nearly</i>
<i>чуть не / едва не</i>	глаголы в прошедшем и настоящем времени	не произошедшее событие	<i>nearly</i>
<i>вот-вот</i>	глаголы в будущем времени и в инфинитиве	ожидание события в ближайшую минуту	<i>just about to, just on the point of</i>
<i>быть близким к</i>	существительные пропозитивной семантики	близость события	<i>to be close to</i>
<i>приблизиться к, вплотную подойти к</i>	существительные пропозитивной семантики, выражающие положительную оценку	почти завершённый путь к желанной цели	<i>to approach</i>
<i>быть на пороге</i>	существительные пропозитивной семантики, обозначающие значимые события	близость значимого события	<i>to be on the threshold / on the verge / on the brink of</i>
<i>быть в шаге (в двух / трех шагах) от</i>	существительные пропозитивной семантики, выражающие положительную оценку	близость желанной цели	<i>To be within a few steps from / within</i>

			<i>a stone's throw of</i>
<i>быть на шаг от</i>	существительные пропозитивной семантики, выражающие негативную оценку	близость опасной ситуации	<i>to be one step away from / on the verge / on the brink of</i>
<i>быть на границе</i>	существительные пропозитивной семантики, выражающие негативную оценку	чрезвычайная близость опасной ситуации	<i>to be on the verge / on the brink of</i>
<i>быть на краю</i>	существительные пропозитивной семантики, выражающие негативную оценку	близость смертельной опасности	<i>to be on the edge of</i>
<i>быть на волосок от</i>	существительные пропозитивной семантики, выражающие негативную оценку	ненадежность положения и близость смертельной опасности	<i>to be within a hair's breadth of / on the verge / on the brink of</i>

Нам представляется, что семантика единиц данной группы в русском и в английском языках является перспективной темой для сопоставительного исследования.

ЛИТЕРАТУРА

- Григорьева С.А. Почти, без малого, чуть не, едва не // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Третий выпуск. М., 2003.
- Даль В.И., Толковый словарь живого великорусского языка. Под ред. проф. И.А. Бодуэна де Куртенэ. В четырех томах. Том III. М., 1998.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем // Теория метафоры. М., 1990.
- Лубенская С. Русско-английский словарь идиом. New-York, 1995.
- Столетова Е.К. Показатели непрямого номинации в современном русском языке. Дисс.... канд. филол. Наук. М., 2005.
- Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты, М., 1996
- Фасмер М. Этимологический словарь русского языка в четырех томах. Том III. С.-Пб., 1996.
- <http://www.ruscorpora.ru/>

Ekaterina K. Stoletova
PhD, Pushkin State Russian Language Institute
ekstoletova@pushkin.institute

**WAYS TO SHOW CLOSENESS OF TWO SITUATIONS IN
MODERN RUSSIAN LANGUAGE: UNDERSTANDING OF
NOT COMPLETELY REACHED STATES AND ACTIONS
WHICH DIDN'T HAPPEN (SKETCHES FOR SEMANTIC
PORTRAITS OF SEVERAL UNITS)**

In the article we analyze semantics of linguistic units showing closeness of two situations and helping us indicate not completely reached states and actions which didn't happen. The interpretation of these units is given. The main principles of their presentation for foreigners are suggested.

Key words: linguistic unit, semantic interpretation, state, event, idiom, metaphoric understanding / description.

Коростёлева Анна Александровна
кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся естественных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
korosteleva.a@gmail.com

О ПОНЯТИИ КИНЕСИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ В КИНОДИАЛОГЕ

Работа посвящена эстетической нагрузке кинесических коммуникативных средств языка (поза, мимика, жест) в кино. Исследование выполнено в рамках направления семантического коммуникативного анализа звучащего языка. Доказывается существование феномена кинесической композиции в художественном кинодиалоге. Жестовая коммуникативная дорожка, составляющая часть коммуникативной композиции, может рассматриваться изолированно. Показаны два возможных подхода к анализу: 1) исследование роли единственного избранного жеста в фильме или эпизоде и 2) полное описание кинесической дорожки с точки зрения семантики кинем и их эстетической функции.

Ключевые слова: коммуникативная семантика, кинесические средства языка, эстетическая нагрузка коммуникативных средств, звучащий кинодиалог.

В последние годы появилось немало исследований, выполненных в русле направления семантического коммуникативного анализа русского языка и посвященных проблемам эстетического в звучащем художественном тексте [Баранова 2011, 2010, 2013; Безяева 2010, 2013, 2014; Коростелева 2007, 2009, 2010, 2013, 2016 *а,б,в,г,д*, 2017; Мазия 2007; Хуринова 2010, 2012 *а,б*; Чалова 2016 и др.].

Метод семантического коммуникативного анализа, разработанный в 1990 – 2010-х годах М.Г. Безяевой [Безяева 2002, 2005, 2014, 2017 и др.], предполагает выделение в любом языке *коммуникативного уровня* как особой системы, противопоставленной *номинативному уровню*. Семантика коммуникативных средств языка связана с соотношением *позиции говорящего, позиции слушающего и квалифицируемой ими ситуации*. Семантика единиц, относящихся к номинативному уровню, связана с *передачей информации о действительности, преломленной в языковом сознании говорящего*.

Коммуникативный уровень русского языка включает в себя чрезвычайно разнородные единицы – от *собственно коммуникативных* (наклонения, частицы, междометия, интонация, другие средства звучания, синтаксические приемы) до *средств, способных выполнять наряду с коммуникативной и номинативную функцию* (словоформы полнозначных лексических единиц, части речи, грамматические категории). Организующими понятиями для коммуникативного уровня являются понятия *целеустановки, вариативного ряда конструкций, ее обслуживающих, и инвариантных параметров средств*, входящих в эти конструкции. Под целеустановкой понимается *языковой тип воздействия говорящего на слушающего, говорящего на говорящего, говорящего на ситуацию, либо фиксация типа воздействия слушающего или ситуации на говорящего*. Коммуникативная конструкция объединяет в себе конкретные реализации инвариантных параметров единиц, подчиняющиеся особому алгоритму развертывания семантических параметров. Почти все инварианты русских коммуникативных единиц способны к антонимическому развёртыванию. Помимо этого, сами параметры и их реализации могут относиться к позиции говорящего, к позиции слушающего или к ситуации, быть распределены между ними и т.д. Возможно также варьирование по отнесенности к различным временным планам и по аспекту реальности-ирреальности¹.

В основе анализа интонационных средств языка в работе лежит описание системы русской интонации, предложенное Е.А. Брызгуновой, и разработанная ею усложненная интонационная транскрипция [Брызгунова 1980, 1982]².

Любая коммуникативная единица, встречаясь в высказывании, задаёт *определённый тип соотношения позиции говорящего, позиции слушающего и ситуации*. Средства коммуникативного

¹ Семантические инвариантные параметры русских вербальных коммуникативных средств содержатся в публикациях [Безьева 2002, 2005, 2014, 2017 и др.], а также в спецкурсах, читавшихся М.Г. Безьевой на филологическом факультете МГУ в 2006-2016 учебных годах («Инвариантные параметры средств коммуникативного уровня русского языка», «Анализ коммуникативной семантики звучащего текста» и др.). Формулировки инвариантных параметров кинесических средств (поза, мимика, жест) принадлежат автору данной работы.

² Кроме того, Е.А. Брызгуновой принадлежат первые образцы коммуникативного анализа звучащих художественных текстов (см. [Брызгунова 1984]).

уровня используются носителем языка неосознаваемо, интуитивно (рядовой носитель языка не в состоянии назвать подлинную семантику этих единиц), но при этом интуитивном использовании коммуникативные средства сами собой стягиваются к тому месту диалога, где есть потребность в смыслах, для выражения которых они предназначены.

Ввиду того, что функция коммуникативных средств – прописывать позицию говорящего, слушающего, соотношение этих позиций между собой и соотношение их с воспринимаемой и оцениваемой собеседниками ситуацией, именно эти средства становятся палитрой актёра при создании образа, при формировании тех или иных взаимоотношений героев в ансамбле, а в конечном счёте – и жанровой принадлежности фильма или пьесы. Принципиальная вариативность коммуникативной системы позволяет создавать бесчисленное количество различных образов одного персонажа, обеспечивает тонкую нюансировку характеров и ситуаций и др. Хороший актёр представляет из себя элитарную языковую личность и способен интуитивно выстраивать и демонстрировать самые разные стратегии коммуникативного поведения, переключаться между ними, создавая множество коммуникативных личностей, соответствующих изображаемому персонажу. При этом актёр постоянно, на каждом этапе делает выбор из арсенала русских коммуникативных единиц, затрагивающий три ступени варьирования: *целеустановка – коммуникативная конструкция – коммуникативное средство, обладающее определёнными семантическими параметрами.*

Неслучайное, обусловленное эстетической задачей появление в звучащем художественном тексте (в том числе в кинодиалоге) коммуникативных средств, образуемый ими определённый «узор» связывается нами с понятием *коммуникативной композиции*. М.Г. Безяева выделяет два вида коммуникативной композиции – статичную и динамическую. Функция коммуникативных единиц, составляющих такую композицию, – *выделение базовых идей произведения* (см.: [Безяева 2010]).

До сих пор идея коммуникативной композиции не рассматривалась в связи с кинесической дорожкой в кинодиалоге¹.

Мы можем показать, как одно-единственное жестовое средство, встречаясь в художественном фильме в различных реализациях, отражает вложенные в картину базовые смыслы, с которыми оно связано в силу своей семантики. Рассмотрим кинему *махнуть рукой* в фильме «Карп замороженный» (Россия, 2017). Инвариантное значение жеста *махнуть рукой* в русском языке – ‘отвлечение от некоторых обстоятельств (в том числе – от чьей-либо позиции) как от несущественных либо непреодолимых, во имя действия либо надеяния’ [Жорстелева 2016]. С помощью этого средства прописываются взаимоотношения людей в городке, выстраивающиеся в систему с главной героиней (М. Неёлова) в центре. Кто из персонажей от чего предпочитает или призывает отвлечься, рассматривая это как несущественное или же непреодолимое, оказывается символичным. Первый раз жест *махнуть рукой* встречается в реплике самой главной героини и относится к её сыну, давно переселившемуся в столицу и там преуспевающему:

Валера: Вы-то как?^{2³}

Елена Михайловна: Я... / (склоняет голову к плечу) [н']... (с улыбкой) хорошо. // [hm]!⁴

Валера: А Олег?⁴

Елена Михайловна: Э-э... Олег [ъ-ъ]... / (жмурится) Ой, / Олег (*махнет рукой*) работает, / работает, / (*махнет рукой*) работает, / работает...// Вот так всё. (Улыбается).^{2 3 2 6 6 6}

¹ Неверно было бы думать, что кинесическая (жестовая) дорожка в звучащем диалоге проходит параллельно вербальной коммуникативной дорожке, просто наслаиваясь на неё. В действительности она находится в тесном взаимодействии с вербальными единицами – как сегментными, так и суперсегментными. Тем не менее любое жестовое средство (как и вербальное) при желании можно рассмотреть изолированно – в частности с целью описания его собственной эстетической нагрузки в звучащем художественном диалоге.

Значение единицы *махнуть рукой* – ‘я отвлекаюсь сама и призываю тебя отвлечься от желания узнать сколько-нибудь значимые новости об Олеге как от неосуществимого’. Здесь важен также повтор (в том числе и повтор кинемы), семантические параметры которого в данном случае раскрываются как ‘говорящий фиксирует процесс воздействия на него ситуации (Олег всё время работает и ему некогда приехать), причем ситуация эта соответствует норме в представлении говорящего, хотя и небенефактивна для него’.

Неодобрение Елены Михайловны в отношении земляков, неосторожно затрагивающих в разговоре тему Олега, будет выражено в фильме неоднократно, от раза к разу всё более жёстко, например:

Людмила: Детей только долго у вас что-то не был[о].
 2³ 1 2³

Елена Михайловна: Да, / детей не было долго. // Но потом! //
 2³

Вдруг! // (С улыбкой поднимает глаза вверх. Всплёскивает руками)
 2³ 2³ 6 4

[ос:поди], / боже мой, / ну вот как... / какое-то прямо чудо, /
 1²

(начинает улыбаться) знаете, - / Олежка, / мг.
 2 1

Людмила: Чудо! // О матке своей раз в пятилетку вспоминает, /
 2

чуд[о].

Елена Михайловна: Люда! // Не трогай его, / ладно?
 2 3 2

Людмила: Ну, а чего я, / неправду сказала, / что ли?
 3 2

Елена Михайловна: Правду или неправду, / а не трогай.

Причины, по которым героиня стремится пресечь любое суждение «Олежки», её собственную неоднозначную роль в судьбе сына мы, зрители, начнём понимать только к самому финалу картины. Но её первая кинесическая реакция на вопрос о сыне в фильме (дважды *отмахнуться*) служит своеобразным анонсом ко всему, что произойдёт далее: именно то, что вечное отсутствие Олега рассматривается как *непреодолимое обстоятельство*, именно то, что от надежды на приезд Олега следует

отвлечься, и подталкивает его мать самостоятельно заняться при жизни собственными похоронами и поминками.

Валера решает вдруг подарить Елене Михайловне пойманного им карпа.

Елена Михайловна: Нет, / я не возьму. // Нет, / нет, нет.

Валера: Елена Михайловна, / ну! // (С лёгким наклоном головы

вбок) Я прошу.

Елена Михайловна (с рукой, прижатой к сердцу): Нет, нет. // Я-а...

ничего с ним делать не буду, / нет.

Валера: Елена Михайловна, / я...

Елена Михайловна: Всё, / всё.

Валера: Я всё равно пропью !

Елена Михайловна (склонив голову набок): А ты не пей. // (Кивает

склонив голову набок) Не пей.

Валера: Елена Михайловна!

Елена Михайловна: Что-о?

Валера (**машет рукой**): Всё!

Елена Михайловна: Зачем? // Ну Валер!

Валера (**машет рукой**): Всё! (Оставляет карпа вместе с ведром и уходит).

Трактовка кинемы *махнуть рукой* в данном случае – ‘я отвлекаюсь от вашей позиции (от вашего нежелания брать карпа) как от несущественных обстоятельств во имя действия (вручения вам карпа)’. Интересно, что единица махнуть рукой типично фигурирует в коммуникативном блоке вручения подарка, однако в совсем другой реализации, а именно ‘говорящий призывает слушающего отвлечься от обстоятельств, мешающих ему принять подарок, как от несущественных’ (может синхронизироваться, допустим, со словами: «Да берите! // Не стесняйтесь! // Ну что вы!

// Да я себе ещё добуду!» и т.п.). Здесь же представлен, пожалуй, самый радикальный из возможных способов настойчивого вручения подарка, с последующим размыканием контакта и уходом.

В таком употреблении жест *махнуть рукой* имеет двойную эстетическую нагрузку. С одной стороны, нас вводят таким образом в мир взаимоотношений в маленьком городке, где чуть ли не каждый случайный встречный – ученик Елены Михайловны и где любящие её ученики всегда готовы сделать ей приятное, не считаясь с трудностями. Когда эти координаты заданы, зрителя уже меньше удивляет то, что другой её ученик, патологоанатом, по её просьбе идёт на преступление, выписывая ей при жизни справку о смерти, и т.д. С другой стороны, вручить человеку огромного и совершенно ненужного карпа в данном случае – наилучшая иллюстрация к шутовому выражению «причинить добро»; смысл ‘я отвлекаюсь от вашей позиции как от несущественной ради задуманного мною действия’, стоящий за жестом, легко дополняется уточнением: ‘...так как я лучше вас знаю, что для вас хорошо’. Заметим, что сама Елена Михайловна сходным образом поступила со своим сыном Олегом, *отвлекаясь от его позиции как от несущественной во имя задуманного ею действия*. Точно так же, как Валера не понимает ненужности своего подарка, не думает о подлинных нуждах Олега и Елена Михайловна. Как карп был вырван из своей стихии, так и Елена Михайловна выпихнула сына из провинциального городка в столицу «для его же блага», не считаясь с его мнением. В конце фильма карп возвращён обратно в озеро, что одновременно является косвенным указанием на то, что и Олег после многих лет отсутствия вернётся в свой родной город навсегда (отпустить в воду карпа, проглотившего ключи от машины, означает символический отказ от пользования этой машиной, каждый раз до сих пор увозившей Олега в столицу). *Идея решимости героев принести человеку благо, игнорируя его собственную позицию*, – ключ к центральным взаимоотношениям фильма – отношениям матери и сына.

/ / 2 6 6 1² 3

Тётя Люда: Я Пашке сказала: // если / что... / не жесть. // Сожжёшь

2 2 2 2 2 2

/ бабку - / узнаю! // Узнаю, / прохвост, / не прошу тебе этого

\ \ \ 2 6 1

никогда. // Да. // Каждый день / из ада буду являться те... те..

(Улыбается).

Елена Михайловна (с улыбкой): А ты (делает иллюстративный жест
2
«направление, направлять (ся)») прямо в ад, значит, направилась,
3
/ да? (Смеётся).

Тётя Люда: Ну, а куда, / а куда ж я тебе, / если сожгут-то на
2 2 1
костре, как ведьмачку? // (Разводит руками) Раньше ведьмов только
3 2
и жгли. // В прежни-то времена.

Елена Михайловна: А-а. // Так это в давние времена, / понимаешь?
2 2 3
// Это инквизиция. // Это время было, когда...
2 6 1²

Тётя Люда: Ой, / учёная / (качает головой) ты моя!
1

Елена Михайловна (отворачивается, машет рукой): Без толку всё!
2 2³

Тётя Люда: Да-а, / ты мне полову-то не морочь. // Раньше (кивает
2 2
с наклоном головы вбок) просто было, / просто.

Вновь встречаясь в фильме, жест *махнуть рукой* выступает в значении ‘я отвлекаюсь от твоей косности и невежества как от обстоятельства непреодолимого и в то же время несущественного, во имя недеяния (не буду тебя перевоспитывать)’ и дублируется номинативными вербальными средствами («Бе з толку всё!»). Ясно, что спор этот Елена Михайловна вела и ведёт всю жизнь. Её учительская натура, натура интеллигента и просветителя, бунтует против того, чтобы оставить такую дремучую отсталость лучшей подруги без внимания. Но теперь, когда она знает, что может умереть «в любой момент», героиня готова отвлечься от этих раздражающих особенностей Людмилы, готова переосмыслить их и взглянуть на них как на *несущественные*. Именно в этот момент закладывается фундамент той кульминационной сцены, в которой Елена Михайловна попросит Людмилу помочь ей отправиться на тот свет. Включённость средства в эстетический контекст позволяет наряду с узким, «локальным» значением жеста воспринять одновременно и его расширительную трактовку: ‘какая бы ни была, а всё равно лучшая подруга, и поздно уже пытаться менять некоторые устойчивые характеристики окружающего мира, сопровождающие нас всю нашу жизнь’.

Затем жест *махнуть рукой* встречается ближе к финалу фильма, когда бывшая пассия Олега, Наташка, прощает тех, кто сломал ей жизнь:

Наташка: Иди-иди, Олежек! // Опять тебя мамка-то уведит. // (С
 2 \ 1
 2 улыбка) Мамка-то плохого / (кивает) не посоветует! // Иди-иди.
 // (**Машет рукой**, подняв вначале для этого руку выше головы, с
 улыбка) Я зла не держу! (Потрясая согнутой в локте рукой, под-
 2
 нятой выше головы, с улыбкой) Всех прощаю!

Инвариантный параметр кинемы *махнуть рукой* реализуется как ‘я отвлекаюсь от оставшихся в прошлом обстоятельств (от зла, которое вы мне причинили) как от несущественных, во имя надеяния (не собираюсь мстить)’; в одну конструкцию с данным жестом входит другая кинесическая единица – *поднять руку выше головы*, в значении *расширения адресата, адресованности сообщения всему миру*. На самом деле это подлинное всепрощение, хотя вроде бы и «сниженное», и замаскированное под малоосмысленные выкрики в отчаянном пьяном кураже. Отвлечься от обстоятельств, сломавших человеку судьбу, от позиций людей, виновных в этом, *как от несущественных* способен не каждый, и из всех героев до этого поднимается лишь вечно пьяная, казалось бы, потерявшая человеческий облик Наташка.

Рассмотрим ещё один случай композиции – контрапункта, на этот раз на примере жеста *развести руками* в одном фрагменте из фильма «Аритмия» (Россия, 2017).

Врач скорой помощи и фельдшер на вызове.
 2 2 \
 Фельдшер: <Вот чего вы в [р:]ёте всё? // Вот зачем вы врётё? //
 \
 (Потрясая **разведёнными руками** – жест редуцирован) Олег, она
 2 \ 6 2
 в [р:]ёт же всё, / у неё кардиограмма / лучше, чем у меня!
 3 2³ 3 6
 Пациентка: Знаете что? // Вы не доктор. // Вот доктор.. / сидит.
 3 3 1²
 Фельдшер: Я бы вас / с такой симптоматикой / сдал бы на опыты.

Пациентка (указывая себе на грудь): У меня приступ / сердечный /
6 1²
каждый / день.

Врач скорой помощи: Так. // Сейчас укол подействовал? // Лучше
3 3
стало?

Пациентка: Да... вроде как и... (**разводит руками**) лучше, / и-и... //
2 6
Н-непонятно.

Фельдшер: Всё. // (**Рубит воздух ребром ладони**) К участковому -
и... 2⁷

Пациентка: У меня-а / в стационар / уже всё собрано.
6 6 1²
1²

Фельдшер: Ну не положат вас, / ну (**склоняя голову набок**) не
1² 3
положат вас... / ну?

Врач: Ну, давайте. // Собирайтесь. // (**Фельдшер, глядя на врача,**
6 6
разводит руками). Только... / для начала... / давайте бумажку сейчас
3 6 6 1
напишем, / что вы ознакомлены / с внедрением / нового регламента.
3 2
// И поедем. (**Фельдшер смотрит раскрыв рот и хлопает глазами**).
4

Пациентка (кивает): Согласна.

Заметим, что эпизод взят из самого начала картины, это своеобразная визитная карточка фильма, он сразу даёт нам представление о типичном рабочем дне и о необычном характере главного героя – врача скорой помощи (А. Яценко). Инвариантное значение жеста *развести руками* – *демонстрация имеющихся ресурсов / обстоятельств или их отсутствия (в том числе – отсутствия инструментов контроля над ситуацией), а также запрос на демонстрацию ресурса*. Эта единица встречается трижды в отрывке, длящемся 50 секунд.

Фельдшер: < Вот чего вы в[р:]ёте всё? // Вот зачем вы врёте? //
2 2 \

(**Потрясая разведёнными руками**) Олег, она в[р:]ёт же всё, / у неё
6 2 \

кардиограмма / лучше, чем у меня!

Значение выделенной кинесической конструкции – ‘я демонстрирую тебе имеющиеся обстоятельства и отсутствие у меня ресурса для нормализации этой ситуации (*развести руками*), призывая тебя учесть следствия из этого, затрагивающие наши интересы и небенефактивные для нас (*потрясать руками*)’. Тяжёлые, мутные обстоятельства, отсутствие ресурса, при помощи которого можно было бы с ними справиться, – это как раз то, с чем рядовой врач скорой помощи сталкивается каждый день.

Далее жест использует пациентка – пожилая скандалистка и симулянтка, жаждущая внимания и собирающаяся со скуки в больницу:

Пациентка: Да... вроде как и... (*разводит руками*) лучше, / и-и... //
2
Н-непонятно.

Смысл кинемы *развести руками*, встретившейся здесь в выражении неуверенности, – ‘я демонстрирую весь имеющийся ресурс (который мне трудно самой оценить)’. В каком-то смысле жест пациентки заключает в себе в свёрнутом виде всю специфику работы с людьми: пациент с готовностью демонстрирует весь ресурс, который он сам не в состоянии оценить либо не может оценить позитивно, он сам не понимает, лучше ему или по-прежнему плохо (это ярко проявится в следующем сюжете с инфарктом, принятым за отравление), и именно врач обязан верно интерпретировать эти вечно приблизительно описываемые, смутные, невнятные жалобы.

В третий раз интересующей нас кинемой пользуется снова фельдшер: она возникает в качестве реакции на реплику врача
6
2
«Ну, давайте. // Собирайтесь». Фельдшер ещё не знает, что доктор придумал, как хитроумно отделаться от настаивающей на госпитализации симулянтки (предложить ей подписать согласие на бритьё головы, якобы необходимое по новым санитарным нормам). Его жест – это *запрос на демонстрацию ресурса* (значение ‘покажи мне тот ресурс, за счёт которого мы можем госпитализировать здорового человека’). Перед нами – вполне объяснимая реакция недоумения: друзья и сотрудники редко понимают, что затеял главный герой (когда трюк с бритьём головы сработает не совсем так, как хотелось бы, он предложит пациентке плацебо –

пульку от детского пистолета в качестве пилюли, которую необходимо рассасывать в течение двух недель).

Если задуматься, в эти три жеста уложена вся жизнь героя: и его ежедневная рабочая рутина, и склонность к изобретательному нарушению правил и неподчинению инструкции, отличающая его от коллег, и талант врача, заставляющий его неустанно всевозможными способами идти пациентам навстречу, постоянно прибегая к ухищрениям и получая за это нагоняи от начальства. Способность данной единицы так эффективно «выстрелить» в этой функции объясняется тем, что её инвариантное значение – *демонстрация наличия / отсутствия ресурса* – прямо интегрируется в любую коллизию фильма о работе врачей и об их личной жизни, фильма, где всё происходящее связано с нехваткой ресурса – людского, денежного, эмоционального, временного.

Таким образом организована работа в художественном кинодиалоге одного жеста, семантические возможности которого удачно входят в резонанс с базовыми темами произведения, отчего данное языковое средство оказывается способно к «отбивке» важнейших вложенных в фильм смыслов.

Обратимся к примеру другого рода. В 79-м выпуске «Ермаша» под названием «Было времечко» (Л. Аринина, Л. Ярмольник) композиционным целям служит вся кинесическая дорожка целиком, эстетически нагруженной и неслучайной оказывается вся последовательность кинем, включая очередность их появления и в отдельных случаях – даже способ исполнения. Более того, благодаря небольшому объёму киноминиатюры мы без труда можем увидеть, что функция развития сюжета фактически возложена здесь на кинесическую составляющую.

Пожилая учительница открывает дверь. На пороге стоит взрослый ученик, пришедший её навестить.

«

2

Учительница: А[h]! // (*Прижимает руку к сердцу*) Кипятков. //

$\frac{6^3}{6}$

(Начинает *улыбаться*) Витя!

2

\

Кипятков (*с улыбкой снимает шляпу*): Я, Марья Иванна.

Учительница (с улыбкой, продолжая прижимать руку к сердцу):

2 6³ « 2
[У]осподи, / Витя! // Ah! // ↑ Ой! // (Прикладывает руку к
6 6
щеке) Какой ты стал!

5 \
Марья Ивановна: Сколько же времени прошло!

2 \ 6
Кипятков (с улыбкой): Ой, // Марь Иванна, вы совсем / не из-
1
менились.

7
Марья Ивановна (смеётся): ↑ Да ну! (Оба смеются. Кипятков целует
2 6
Марье Ивановне руку). Витюш, // а помнишь... / (с улыбкой) четвёр-

1
тый «Б»?

6
Кипятков (мелко кивая): М-м-м!

Флэшбэк: Кипятков при входе в класс взорвал самодельную бом-
бочку. Марья Ивановна стоит вся в пятнах копоти после взрыва.
3 \ \

Марья Ивановна: Кипятков?

2
Кипятков (показывает ей большой палец, потрясая рукой): Во-о!
1 1

Марья Ивановна: ↑ К директору, / немедленно. // (Потрясая обе-
2
ими руками) ↑ За роди... // ↑ За родителями!

2 2
Марья Ивановна (с улыбкой качает головой): Да. // Было (Кипят-
ков, смеясь, интенсивно кивает) времечко.

3 2
Кипятков: А помните, / (с лёгким кивком) в пятом? (Визуальный
контакт, губы разомкнуты).
Оба смеются, Марья Ивановна смеётся, качая головой и прижав руку
к сердцу, Кипятков – зажмурившись и отмахиваясь одной рукой.
Марья Ивановна тоже машет рукой.

(...)

Флэшбэк: в шестом классе под Марьей Ивановной взрывается стул,
когда она садится.

Марья Ивановна (стукнув раскрытой ладонью по столу, кричит): ↑
2 \

Кипятков! /Конец флэшбэка/

Оба смеются, Марья Ивановна прикрывает глаза рукой.

Марья Ивановна (сквозь смех, поднимая указательный палец, на
вдохе): ↑ А в седьмом, Витюш, а? (Отмахивается обеими руками).

(...) При прощании взрослый Кипятков и Марья Ивановна подстраивают друг другу по взрыву.

Марья Ивановна (^{2³} *подбоченившись, с улыбкой вздёргивает подборо-*

док): Ну как, // Кипятков? (Начинает смеяться. Кипятков *стоит расширив глаза*. Затем *начинает улыбаться*).

Кипятков (^{2 \} *с улыбкой показывает большой палец*): Во, Марья Ивановна! (Оба смеются).

Важной «фоновой» единицей, вводящей главную константную характеристику взаимоотношений героев миниатюры, является *улыбка* в значении бенефактивности ситуации для говорящего. Вся отнесённая к настоящему времени ностальгическая встреча маркируется каждым из собеседников как ситуация, крайне благоприятная для него, по контрасту с флэшбэками. Значимы также моменты осознания бенефактивности ситуации или же повторного вступления в область бенефактивного (*появление улыбки*). Для Марьи Ивановны момент осознания бенефактивности ситуации отнесён в начало (он наступает сразу, как только она узнаёт Кипяткова), и чуть позже появление улыбки связано с воспоминанием о четвёртом «Б». Для ученика же повторное осознание бенефактивности происходящего после её обнуления наступает в конце фильма, когда он осмысляет, что сейчас произошло (подстроенный Марьей Ивановной взрыв). Общая идея перманентной бенефактивности окрашивает всю встречу ученика с любимой учительницей, причём после небольшой заминки эта неубиваемая идея восстанавливается в конце, то есть взрывы оказываются для неё не помехой, а укрепляющим фактором. В начале короткометражного фильма взаимоотношения персонажей выстраиваются как переплетение двух встречных идей. Кинесическое поведение Марьи Ивановны транслирует идею радостного умиления. Кинема *прижать руку к сердцу* связана с глубокой эмоциональной затронутостью личной сферы, в данном

случае – позитивной, *приложить руку к щеке* (² † Ой! // (*Прикладывает руку к щеке*)

Какой ты стал!) – Зд.: пассивное переживание позитивного воздействия полученной информации на личную сферу говорящего. «Коньком» второго героя сделана идея куртуазности, высокоэтикетного поведения (*приподнимает шляпу в*

«Б» (*качать головой*) и мощно затронувшей / затрагивающей его личную сферу (*прижать руку к сердцу*)¹

Марья Ивановна и Кипятков смеются, Марья Ивановна **прикрывает глаза рукой**.

‘мы допустили в то время такое отклонение от базовых норм социума, что мне представляется желательным сокрытие всей этой вышедшей из-под контроля ситуации’

Марья Ивановна (*сквозь смех, поднимая указательный палец, на вдохе*): ↑ А в седьмом, Витюш, а? (*Отмахивается обеими руками*).

поднять указательный палец: ‘говорящий привлекает внимание к информации, которая сейчас перекроет по значимости всё остальное (здесь – всю вводившуюся до сих пор информацию)’;

отмахиваться обеими руками: ‘исполнитель жеста безуспешно пытается отвлечься от известных ему обстоятельств, отнести их к несущественным (с тем чтобы перестать смеяться)’. В данном случае имеет значение и способ исполнения жеста *махнуть рукой* – вовлечены обе руки (‘одной рукой от такого не отмахнуться’). В действительности в фильме представлена целая цепочка «отмахиваний» (кратное исполнение того же жеста ранее у Кипяткова, ему «вторит» Марья Ивановна, дублируя этот жест), которая в этот момент просто достигает своего максимума. Реализация инвариантного параметра жеста каждый раз одна – маркируется безуспешная попытка отвлечься от встающих перед мысленным взором уморительных воспоминаний.

Поскольку содержание каждого нового флэшбэка из школьных лет оказывается примерно тем же, что и предыдущих, зритель не видел бы никакого развития ситуации, если бы не кинесическая составляющая в реакции героев, которая создаёт движение по шкале стремительно нарастающего (и почему-то позитивно оцениваемого) отклонения от норм.

При этом контрастное кинесическое поведение Марьи Ивановны наблюдается в перебивающих благостное единение флэшбэках:

1) Марья Ивановна: ↑ К директору, / ¹ немедленно. // (*Потрясая*
²
обеими руками) ↑ За роди... // ↑ За родителями!

2) *Марья Ивановна (стукнув раскрытой ладонью по столу, кричит)* :
2 \

↑ Кипятков !

потрясать руками – ‘учти следствия из вводимой информации, которые будут небенефактивны для тебя, затронут твою личную сферу и твои интересы’;

стукнуть рукой по твёрдой поверхности – ‘маркируется вариант, который должен сейчас реализоваться (Кипятков должен предстать перед учителем и ответить за свои действия)’.

Сопоставляя прошлое с настоящим, зритель всё сильнее убеждается в том, что сами герои и их отношения за прошедшие годы *принципиально изменились*, и это обеспечивает комический эффект концовки.

В финале кинесические средства у учительницы формируют целеустановки гордости и похвалы, а у ученика – удивления:

Марья Ивановна (подбоченившись, с улыбкой вздёргивает подбородок) :
2³ 2

Ну как, // Кипятков? (Начинает смеяться. Кипятков стоит расширив глаза) .

Кинема *подбочениться*, как правило, связана с готовностью отреагировать либо принять реакцию на (не)бенефактивные действия (либо бездействие) со стороны одного из участников ситуации, затрагивающие область интересов другого участника. В данном случае Марья Ивановна выражает готовность к реакции адресата на произведённое ею действие, и, поскольку возникает этот коммуникативный смысл в рамках похвалы, действие, видимо, расценивается ею как бенефактивное.

Наконец, принципиальную роль играет дважды встречающийся в фильме жест *поднять большой палец*. Оба раза он участвует в формировании целеустановки восхищения.

После первого взрыва.

3 \ \

Марья Ивановна: Кипятков?

Кипятков (показывает ей большой палец, потрясая рукой) : Во -о!
2

Кинема *поднять большой палец* относится к группе номинативным средств с коммуникативной составляющей в семантике; здесь она входит в одну конструкцию с пятью собственно коммуникативными средствами:

потрясать рукой – ‘исполнитель жеста учёл следствия из введённой визуальным путём информации (взрыв удался на славу)’;

вот – ‘реализовался вариант, полностью соответствующий целям и интересам говорящего и бенефактивный для него’;

усечённая форма (*во*) – ‘реализованный вариант отмечается как превзошедший личную норму говорящего’;

ИК-2 – ‘говорящий выделяет данный вариант, противопоставляя его всем прочим вариантам’;

удлинение гласного центра – ‘маркируется глубокое впечатление, производимое на говорящего ситуацией’.

Появляясь в финальной реплике, тот же жест формирует уже восхищение не собственной удачей, а поступком Марьи Ивановны (*во* отмечает здесь реализованность варианта, соответствующего целям и интересам обоих собеседников, бенефактивный для обоих и вновь превзошедший личную норму говорящего, улыбка – тотальную бенефактивность всего случившегося):

2 \

Кипятков (с улыбкой **показывает большой палец**): Во, Марья Ивановна! (Оба смеются).

Сам тот факт, что жест *поднять большой палец* отмечает как первый, так и последний успех хулиганских выходов со взрывами, подчёркивает отсутствие подлинной динамики во взаимоотношениях героев. Их реакция друг на друга и на воспоминания, в первую очередь кинесическая, на протяжении всей миниатюры вводит нас в заблуждение, давая понять, что они якобы пересмыслили свой прежний опыт, сделали из него выводы и оставили его в прошлом. В действительности Кипятков по сути не изменился, а Марья Ивановна вовсе не думала оставлять школьные истории в прошлом. Так рождается финальный смысл ‘мы вместе сейчас как следует отклонились от нормы социума, что оценивается нами резко позитивно’.

Итак, прежде всего нами была рассмотрена «изолированная» работа отдельной жестовой единицы (*махнуть рукой* в «Карпе от мороженном» и *развести руками* в «Аритмии») как элемента кинесической композиции в полнометражном фильме. Даже одно средство, обладающее «востребованной» в контексте фильма семантикой, проходя контрапунктом через всё произведение (либо эпизод), оказывается самоценным и демонстрирует отчётливую эстетическую нагруженность. Далее, кинесическая дорожка юмористического короткометражного фильма, проанализированная

целиком, обнаруживает прочные взаимосвязи и «переклички» входящих в неё элементов и подчинение своего устройства сверхзадаче – показу конкретного художественного замысла (в данном случае отнесённого к области комического), то есть фактически являет нам разновидность *динамической кинесической композиции*.

Всякое отделение кинесических средств от вербальных и тем более противопоставление их друг другу было бы искусственным и неоправданным, поскольку коммуникативные кинемы и коммуникативные вербальные единицы представляют собой единый континуум и объединены характером своей семантики. Однако приведённый выше анализ доказывает принципиальную возможность рассуждения об эстетической функции жеста в кино (равно как и в театре) в отрыве от вербальных средств и о коммуникативной композиции исключительно с точки зрения её жестовой составляющей. Это не лишено смысла хотя бы потому, что полный и всесторонний анализ всех «слоёв» коммуникативного текста одновременно, как правило, оказывается слишком громоздким и трудным для восприятия. Кроме того, кинесический трек – это единственный «слой» коммуникативной дорожки, который, например, не подвергается переводу при создании кинодубляжа, то есть может искусственно отсекается от изначально целостного коммуникативного текста.

ЛИТЕРАТУРА

Баранова А.И. Коммуникативная интерпретация в комическом кино-эпизоде // Материалы III Международной студенческой научной конференции «Казахстан в международном образовательном пространстве». Алматы, 2011. С. 125–133.

Баранова А.И. О некоторых способах формирования комического средствами коммуникативного уровня русского языка // Вестник Московского государственного областного университета. Серия Филология. М.: Изд-во МГОУ, 2013. № 4. С. 22–28.

Баранова А.И. О некоторых способах формирования ложного коммуникативного акцента (на примере кинофильма «Кавказская пленница») // Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Выпуск 6: Сборник научных и научно-методических статей. Ред. кол.: Л.П. Клобукова и др. М., 2010. С. 171–177.

- Безяева М.Г.* Коммуникативная семантика звучащего художественного текста// IV Международный конгресс «Русский язык. Исторические судьбы и современность». М., 2010.
- Безяева М.Г.* Коммуникативная семантика как объект филологического исследования// Филология вечная и молодая. М., 2012. С. 63–78.
- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле как единица языка и текста// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XV. М., 2014. С. 101–118.
- Безяева М.Г.* Коммуникативное поле нормы в звучащем тексте// Русский язык за рубежом. № 3, 2017. С. 24–30.
- Безяева М.Г.* Русский повтор как средство коммуникативного уровня языка (*материалы к словарю коммуникативных средств*)// Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 6 (20), 2016. С. 83–115.
- Безяева М.Г.* О специфике коммуникативной интерпретации текста (на материале соотношения письменной основы и звучащего варианта)// Вестник МГУ. Сер. 9. Филология. №2, 2013. С. 19–36.
- Безяева М.Г.* Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. М., 2002. – 752 с.
- Безяева М.Г.* Семантическое устройство коммуникативного уровня языка (теоретические основы и методические следствия)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. VII. М., 2005. С. 105–129.
- Брызгунова Е.А.* Звуки и интонация русской речи. [Для иностранцев, изучающих рус. яз.]. 3-е изд., перераб. М., 1978. 278 с.
- Брызгунова Е.А.* Интонация// Русская грамматика. Т. 1, М., 1980. Т. 2, М., 1982. – 1492 с.
- Брызгунова Е.А.* Основные типы интонационных конструкций и их функционирование в русском языке// Русский язык за рубежом. № 1, 1973. С. 74–84. № 2, с. 44–58.
- Брызгунова Е.А.* Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. М., 1984. – 116 с.
- Коростелева А.А.* Диалогизация монологической речи в процессе создания образа (*К.Ю. Хабенский в «Утиной охоте»*)// Язык, литература, культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания. Сборник научных и научно-методических статей. Вып. 6. М.: МАКС Пресс, 2010. С. 152–170.
- Коростелева А.А.* Идея адекватности – неадекватности как основа коммуникативной композиции фильма// Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 5 (25), 2017. С. 42–64.
- Коростелева А.А.* К проблеме отображения речевых характеристик исторической личности в кино (*Л.И. Лемке в к/ф «Враг народа Бухарин»*)//

Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 6 (20), 2016д. С. 116–139.

Коростелева А.А. Кинема *подать руку* в составе рукопожатия и ее семантика в русском языке// Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 1 (21), 2017. С. 71–109.

Коростелева А.А. О возможностях русских коммуникативных средств при создании принципиально противоположных образов в кино (*коммуникативное противопоставление персонажей в к/с «Небесный суд»*)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XIV. М., 2013. С. 103–121.

Коростелева А.А. О коммуникативной семантике двух диалогов в кино (*к/ф «Судьба человека» и «Мы из будущего»*)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XVII. М.: МАКС Пресс, 2016б. С. 156–170.

Коростелева А.А. О применении метода семантического коммуникативного анализа к описанию невербальных средств языка в преподавании РКИ// Русский язык @ Литература @ Культура: Актуальные проблемы изучения и преподавания в России и за рубежом: III Международная научно-практическая интернет-конференция... Труды и материалы. М., 2011. С. 130–141.

Коростелева А.А. О реализации коммуникативной стратегии актера при создании отдельного образа (*Л. Лемке в к/ф «Обратной дороги нет»*)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. XI. М.: МАКС Пресс, 2009. С. 55–75.

Коростелева А.А. О специфике семантического описания жестов (*на примере русских кинесических средств*)// Русский язык: история, диалекты, современность. Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений конференции. Вып. XVI. М., 2017. С. 167–176.

Коростелева А.А. Об использовании коммуникативных средств при создании двух образов Листницкого в кинофильмах «Тихий Дон» 1957 и 1992 годов (*И. Дмитриев, А. Руденский*)// Слово. Грамматика. Речь. Вып. IX. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 124–139.

Коростелева А.А. Размыwanie границ целеустановок как прием создания образа волшебника в кино// Мир русского слова. № 3, 2016г. С. 64–71.

Коростелева А.А. Семантика жеста *махнуть рукой* в русском языке// Stephanos. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 4 (18), 2016. С. 23–58.

Коростелева А.А. Смена коммуникативных масок как основа стратегии актера при создании образа (*К. Хабенский в «Деле о “мертвых душах”»*)// Структуры и функции: исследования по русистике. Structures and Functions: Studies in Russian Linguistics. Publishing house Pushkin Institute, Tallinn, Estonia. Том II. Вып. 2. 2016в. С. 87–118.

Коростелева А.А. Тема правды и лжи в «Балладе о солдате» (*материалы к киноуроку*)// Stephanos. Сетевое издание. Рецензируемый мультиязычный научный журнал. № 3 (17), 2016а. С. 59–82.

Мазия М.А. Коммуникативный анализ эмоционального звучащего монолога (с параметром длящейся нормы)// Русский язык: исторические судьбы и современность. III Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во МГУ, 2007. С. 352.

Хуринова В.Ю. О возможностях коммуникативной интерпретации текста (на примере рассказа М. Жванецкого)// Язык, литература, культура. Вып. 6. Сборник научных и научно-методических статей. М., 2010. С.192–200.

Хуринова В.Ю. Коммуникативная составляющая феномена «маски» в творчестве А.И. Райкина// Актуальные проблемы филологической науки: взгляд нового поколения. Вып. 4. 2012а. С. 194–198.

Хуринова В.Ю. Возможности антонимической реализации коммуникативных средств как способ создания комического (на примере эстрадного выступления А.И. Райкина)// Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2012б. № 5. С. 183–192.

Чалова О.В. Коммуникативные средства создания актерского ансамбля Табакова – Богатырёва в к/ф «Несколько дней из жизни Ильи Ильича Обломова» (1979)// Мир русского слова. № 3, 2016. С. 72–80.

Anna A. Korosteleva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

korosteleva.a@gmail.com

ON THE CONCEPT OF KINESIC COMPOSITION IN MOVIE DIALOGUE

The article describes the aesthetic charge of kinesic communicative means (pose, facial expression, gesture) in cinema. The research is carried out within the framework of semantic communicative analysis of the spoken language. It proves the existence of the kinesic composition phenomena in movie dialogue. The gestures' communicative track, part of the communicative composition, can be studied separately. The paper shows two possible approaches to its analysis: 1) studying the role of a single elected gesture in a film or episode and 2) a complete description of the kinesic path from the point of view of kinemas semantics and their aesthetic function.

Keywords: communicative semantics, kinesic language means, aesthetic function of communicative means, spoken film dialogue.

Чагина Ольга Всеволодовна
*кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка для иностранных учащихся филологиче-
ского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,*
aichagin@mail.ru

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЕДЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ

В статье анализируются основные языковые трудности, выявленные в ходе работы с иностранцами при изучении темы «Еда». Они касаются разных сторон русской языковой системы – лексики, словообразования, словоизменения, стилистики, акцентологии.

Ключевые слова: еда; питание; лексика; словообразование; словоизменение; стилистика; лингвострановедение; преподавание РКИ.

Тема еды, кулинарного искусства, особенности русской кухни как части национальной культуры — одна из наиболее востребованных среди иностранцев, изучающих русский язык. Нередко они избирают темой своих работ описание еды и застолья в произведениях русских писателей-классиков. Некоторые студенты прямо связывают свое будущее с организацией у себя на родине ресторанного бизнеса, открытием ресторанов русской кухни.

Сложности, с которыми встречаются иностранные учащиеся при обращении к данной теме, касаются разных сторон русской языковой системы – словообразования, словоизменения, лексики, синтаксиса, стилистики, акцентологии. Каждый из этих уровней заключает в себе обширный лингвострановедческий потенциал [Чагина 2015: 666].

Наиболее ярко национально-культурный компонент выражен в лексике.

Многие «пищевые» слова так или иначе связаны с миром человека и имеют антропоцентрическое измерение. Открыв, например, книгу В. Похлебкина «О кулинарии от А до Я», уже на первых страницах находим слово «баба»: «Сдобное кондитерское изделие, высокое и рыхлое» [Похлебкин 1989: 20], названное так,

вероятно, по ассоциации с женской привлекательностью». Знаменитая Елена Молоховец в своей книге «Подарок молодым хозяйкам», рассказывая о приготовлении куличей, тоже называет их «бабами»: «... Когда будет готова, с той же самой осторожностью вынуть ее из печи, /.../ тотчас же положить ее боком на самую мягкую, пуховую подушку, /.../ переворачивая слегка бабу с бока на бок, пока не остынет, иначе может отлежать какой-нибудь бок и сделаться кривою». И, видимо, неслучайно столь любимая в России *ромовая баба* вошла в сознание русского человека именно под этим названием, хотя первоначально это сладкое, пропитанное ромом кондитерское изделие, подававшееся к столу польского короля Станислава Лещинского, настолько понравилось ему, что он назвал его по имени своего любимого героя «Алибаба́». Рецепт этого блюда, распространяясь, получил наименование «ром-баба́», сохраняя в своем звучании тюркский элемент с ударением на втором слоге. А уже на русской почве название «ром-баба́» преобразовалось в известную всем *ромовую бабу*.

Названия некоторых блюд мотивированы антропонимами и прямо связаны с именами конкретных лиц. Граф Строганов, министр финансов Гурьев, трактирщик Пожарский, французский повар Оливье, Наполеон Бонапарт – все они увековечили свои имена в истории кулинарии в названиях, которые сегодня прочно ассоциируются с русской кухней: *бефстроганов, гурьевская каша, пожарские котлеты, салат оливье, торт наполеон*.

Популярность этих блюд перешагнула пределы России. Писатель Константин Симонов в книге «Сегодня и давно» вспоминает об одной встрече с Чарли Чаплином в Америке на борту советского танкера, где был устроен дружеский прием в честь великого артиста: «Когда капитан спросил меня, как лучше организовать прием, я сказал ему, что нужно просто-напросто приготовить хороший русский обед и на первое обязательно сварить борщ.

– А что приготовить на второе? – спросил капитан. И тут в разговор вмешался Котэн, который, прожив несколько лет в Советском Союзе, всем на свете кушаньям предпочитал бефстроганов.

– Приготовьте бефстроганов, – сказал Котэн. – Самое вкусное, что я ел в Советском Союзе, – это бефстроганов.

На том и порешили».

Некоторые названия продуктов и блюд соотносятся с частями тела (*головка лука, картофельные глазки, ушики* /вид макарон/, *ножка гриба, ноздреватый хлеб*; другие – с одеждой (*шляпка гриба, картошка в мундире, селедка под шубой, расстегай*).

Порой иностранец даже не подозревает, какая история может скрываться за обычным названием продукта или блюда, а между тем эти слова могут раскрыть интересные факты из истории русского быта. Например, что такое «расстегай»? В словаре В.И. Даля приводятся два значения этого слова. Первое из них определяется как «шелковый распашной сарафан», т.е. такой, который распахивается, расстегивается. О сарафане, любимой русской женской одежде, сложено много стихов и песен. Есть песни и о «сарафанчике-расстеганчике» с несколько фривольным подтекстом. М.И. Пыляев, автор книги «Старая Москва», рассказывает об известной певице цыганского хора Стеше, которая исполнила песню «Сарафанчик-расстеганчик», приводя в восторг слушателей. Изобретательному хозяину ресторана пришла в голову мысль подавать посетителям во время исполнения этой песни «расстегай» – пирожки, как бы расстегнутые сверху, имеющие щель, через которую видна была начинка. Это второе значение слова «расстегай» также нашло отражение в словаре Даля: «пирожки с прорешкой сверху, где видна начинка» [Даль 1955: 49]. Характерно, что в Словаре современного русского литературного языка значение слова «расстегай» как тип пирога приводится уже на первом месте, а как вид сарафана – на втором [ССРЛЯ 1955].

Сложным для иностранцев является разграничение русских паронимов *мясной – мясистый* (*на даче нас угощали помидорами – такие вкусные, мясные); *водный – водяной – водянистый* (*клубника в это время еще очень водяная); *костный – костяной – костлявый* (*я боюсь есть рыбу, она очень костная); *сытый – сытный* (*Щи были очень сытые) и др.

Вопросы учащихся вызывают популярные в русском языке случаи метонимии: «Я три тарелки съел» (И. Крылов). Непривычно для иностранного уха употребление соматических глаголов *глотать, разжевывать, жрать, переваривать, усваивать* в

метафорическом значении: «Я проглотил эту книжку за один вечер»; «Он такой тугодум, ему надо десять раз разжевывать одно и то же» (запись разг. речи).

Национально-культурный компонент заключается и в наименьших частях слова – например, в суффиксах.

В области субстантивного словообразования обращает на себя внимание омонимия некоторых суффиксов, затрудняющая понимание значения слова и приводящая к речевым ошибкам. Так обстоит дело, например, с многозначным суффиксом *-ина*. При употреблении «пищевых» слов с этим морфом учащиеся нередко допускают ошибки, связанные с категорией числа. Для их предупреждения следует иметь в виду ряд факторов.

Суффикс *-ина* способен выражать противоположные, антонимичные значения. С одной стороны, это сингулятивы, служащие для обозначения «штучных», «счетных» объектов: *помидорина, картофелина, морковина, рыбаина, виноградина, горошина*. Сингулятивы имеют обе формы числа: *рыбаина* (ед.) и *рыбины* (мн.). С другой стороны, тот же суффикс может употребляться при обозначении неделимого количества чего-либо массовидного, не подлежащего счету (когда речь идет, например, о мелких ягодах – *малина, рябина, смородина, калина*). Такие существительные имеют только форму *Singularia tantum*. Учет этого фактора позволяет предупреждать многочисленные ошибки в речи иностранцев, образующих форму множественного числа, не существующую в нормативном языке: *Для этого пирога нужны яблоки и *черные смородины*; *Какие *сладкие малины*!

Только в форме *Singularia tantum* выступают абстрактные существительные с суффиксом *-ина* для выражения вкусовых и обонятельных ощущений: *вкуснятина, кислятина, тухлятина, преснятина*. Такие существительные имеют отчетливо выраженную эмоционально-экспрессивную окраску: *Пирог такая вкуснятина! Не могу я есть эту кислятину*.

Исключительно в форме *Singularia tantum* выступают конкретные существительные с суффиксом *-ина* при обозначении разных видов мяса. Именно в этом значении учащиеся встречаются с этим суффиксом чаще всего, допуская при этом ошибки: *В этом магазине всегда *свежие говядины*. Учитывая высокую

частотность употребления существительных на *-ина* в этом значении, целесообразно представить картину их функционирования более широко.

В пределах семантического поля 'мясо' можно выделить по меньшей мере три значения суффикса *-ина*:

1. Мясо, получаемое из того или иного вида животного – домашнего (*говядина, свинина, баранина, поросятина, ягнятина, телятина*) или дикого (*медвежатина, зайчатина, оленина*); птицы (*курятина, индюшатина, гусятина, утятина*); рыбы (*осетрина, лососина*): «В то время как на Севере едят оленину, свежую и соленую рыбу, на Дону жарят и тушат степную дичь, готовят пироги с курятиной» (В. Похлебкин).

Суффикс в этом значении очень продуктивен; по мере освоения новых туристических пространств сегодня можно услышать от отдыхающих на Мальдивах о стейках из крокодила-тины, а от путешествующих по Монголии о том, как вкусна верблюжатина. Раньше ряд «рыбных» слов на *-ина* был намного длиннее, и названия *белужина, сомовина, севрюжина, щучина, палтусина, тайменина*, которые мы встречаем в литературе, звучат гораздо вкуснее и аппетитнее: «Скоро и Рождество, шесть недель постились, ели рыбу. Кто побогаче – белугу, *осетрину*, победней – селедку, *сомовину*» (И. Шмелев).

2. Обозначение с помощью *-ина* способа обработки продукта (*солонина, буженина, строганина, свежатина*): «В Западной Сибири ели строганину – мороженую сырую рыбу» (В. Похлебкин); «Прямо из саней торговля /.../. Горой навалят: поросят, свинины, *солонины*, баранины. Богато жили» (И. Шмелев).

3. Обозначение с помощью *-ина* определенной части туши животного (*щекovina, брюшина, пашина*): «Хрустящие остатки перетопленной на сале бараньей брюшины назывались шкварками. Они слыли предметом лакомства» (В. Белов).

Завершая этот фрагмент, вспомним отрывок из выступления М. Задорнова, который народ подхватил, и теперь он гуляет по Москве как анекдот:

У витрины отдела «Мясная гастрономия» покупатель читает названия: Говядина П.К.; Свинина С.К.; Суслятин Г.К.

(Покупатель) – О! Суслятин горячего копчения! Что-то новенькое. Дайте мне полкило.

(Продавщица, возмущенно) – С ума сошел! Какая тебе еще суслятина! Это моя фамилия – Суслятина Галина Кирилловна.

В рамках субстантивного словообразования следует рассматривать и многочисленные деминутивы. Помимо своего основного значения – указания на малый размер (*кусочек* торта, *ломтик* сыра), они могут употребляться в терминологизированном значении:

а) как названия определенной части чего-либо: *шейка*, *лопатка*, *грудка*, *грудинка* (о мясе); *ножка*, *шляпка* (о грибах); *головка* (о луке, чесноке); *зубчик*, *долька* (о чесноке);

б) в торговом наименовании продукта: *булочки* цельнозерновые, *колбаски* баварские, *ребрышки* копченые, *хлебцы* гречневые;

в) для обозначения способов технологической обработки продукта: нарезать овощи *соломкой*, *кубиками*, *брусочками*, *квадратиками*, *ромбиками*, *пластинками* (о форме); *половинками*, *четвертинками*, *осьмушками* (о размере).

Кроме того, деминутивы приобретают ярко выраженные стилистические коннотации в текстах с различными компонентами значения – эмоционального, экспрессивного, оценочного, социального.

Чаще всего стилистические коннотации деминутивов проявляются в определенных ситуациях, где на первый план выходит ласкательный оттенок значения.

1. В сфере торговли, в отношениях «продавец – покупатель». При этом употребление деминутивной формы исходит от заинтересованного лица – продавца (а) или покупателя (б):

а) «Постны *блинки*, с *лучком!*» (И. Шмелев); «*Капустки* возьмите!» (Запись разг. речи).

б) «Мне *колбаски* без жира, полкило!» (Запись разг. речи).

2. В сфере обслуживания, в отношениях «официант – клиент»: «Половой /.../ с особой угодливостью начал скороговоркой: – К блинам что прикажете? Домашнего *травничку*? *Икорки*, *семишки*?» (И. Бунин); «*Нарезик* копченый желаете?» (С. Довлатов).

3. В ситуации угощения, в отношениях «хозяин – гость»: «Попробуйте *тресочки*, запеченной под майонезом. /.../ А что же

никто не попробовал грибной *икорки*? (Г. Семенов); «Иван Федорович, возьмите *крылышко*, вон другое, с пупком!» (Н. Гоголь).

4. В ситуации смакования еды, наслаждения едой:

«Толпы окружают закусочный стол. Пьют «под *селедочку*», «под парную белужью *икорку*», «под *греночки* с мозгами» (В. Гиляровский).

«Но лучше всего, благодетель мой, *борщок* из свеклы на хохлацкий манер, с *ветчинкой* и сосисками. К нему подаются сметана и свежая *петрушечка* с *укропцем*» (А. Чехов).

«Эх-хо-хо... Да, было, было!.. Помнят московские старожилы знаменитого Грибоедова! Что отварные порционные *судачки*! /.../ А *филейчики* из дроздов вам не нравились?» (М. Булгаков).

5. В ситуации особого уважительного, любовного отношения к пище как к источнику существования:

«Ржаной *хлебушко* – калачу дедушка» (русская пословица);

«А вот лесная наша *говядинка*, гриб пошел» (И. Шмелев о грибном ряде на рынке).

6. В ситуациях, связанных с миром детства:

а) В общении с ребенком: Придем домой, сварим *кашку*, попьем *молочка*, почитаем сказку и ляжем спать» (Запись разг. речи).

б) При воспроизведении детской речи:

Утром девочка просыпается, бодрая, свежая, и, как в прежние времена, когда она еще была здорова, кричит на весь дом, громко и нетерпеливо: – *Мо –лоч –ка!*» (А. Куприн).

На употребление деминутивов может влиять гендерный фактор. Деминутивы чаще встречаются в женской речи: «Приготовлю какой-нибудь *супчик* легкий и *салатик*»; «*Мяско* очень вкусное получилось» (Запись разг. речи).

В иностранной аудитории следует учитывать некоторые особенности склонения деминутивов мужского рода единственного числа: *чаек, сахарок, кофеек, медок, лучок, чесночок, квасок, компотик, кефирчик*. Иностранцы нередко допускают ошибки в форме родительного падежа партитивного значения, выбирая для этих слов окончание –а: **Хотите чайка?* (вместо: чайку)? **Вам положить сахарка?* (вместо: сахарку). В современном литературном языке нормативной в этих случаях считается форма на –

у: «К блинам что прикажете? Домашнего *травничку?*» (И. Бунин); «*Кофейку* бы сейчас испить» (М. Салтыков-Щедрин); «Или, может быть, вы съели бы *киселику?*» (Н. Гоголь).

Один из трудных для иностранцев вопросов – определение места ударения в слове. Не обошел он и «гастрономическую» лексику. Один из таких случаев описывает В.Г. Костомаров, поэтапно прослеживая динамику изменения ударения в слове *творог* – от старого нормативного *творог* с ударением на последнем слоге до распространившегося сегодня *твóрог* с ударением на первом слоге. И хотя для автора, поборника правильности русской речи, новоявленная форма *твóрог* совершенно неприемлема, он с большой долей вероятности допускает, что в ближайшем будущем в словарях появятся пометы: «*твóрог* и не реком. устар. *творог*» [Костомаров 2013: 46].

Сходную акцентологическую судьбу переживает и слово *грёнки*. В словарях русского языка еще недавно приводилась единственная нормативная форма этого слова: *грёнкí, -ов, ед. грёндок, -нка*. Однако в речевой практике все более распространяется вариант этого слова с ударением на первом слоге: *грёнки*. Смена ударения повлекла за собой изменение парадигмы склонения и изменение рода: вкусные *грёнки*, несколько *грёнок*, одна *грёнка* (ж.р.), две *грёнки*.

Мы остановились на некоторых особенностях и сложностях восприятия темы «Еда» в иностранной аудитории. Предупредить эти сложности и возможные ошибки – значит помочь студенту понять своеобразие этого сегмента русской языковой системы, усвоить правила употребления языковых форм в речи.

И вместо заключения. Недавно газета «Комсомольская правда» опубликовала серию выпусков «Кулинарной энциклопедии». По случаю выхода в свет первого тома на Первом канале ТВ была организована презентация, на которую был приглашен итальянский повар. Выступая перед телезрителями, итальянец, прижимая книгу к груди, поцеловал ее и произнес: «По этой книге хорошо изучать русский язык».

ЛИТЕРАТУРА

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. IV. М., 1955.

Костомаров В.Г. Причуды русского ударения // Русский язык за рубежом, 2013, № 1.

Похлебкин В.В. О кулинарии от А до Я. Словарь-справочник. Алма-Ата, 1989.

Словарь современного русского литературного языка. М., 1955. Т. 12.

Чагина О.В. Лингвострановедческий потенциал темы «Еда» // Материалы VI Международной научно-практической конференции «Текст: Проблемы и перспективы. Аспекты изучения в целях преподавания русского языка как иностранного». М.: Филологический факультет МГУ, 26–28 ноября 2015.

CULTUROLOGIC ASPECT OF THE DESCRIPTION OF TOPIC “FOOD, MEAL” IN A FOREIGN AUDIENCE

Olga V. Chagina

PhD, Lomonosov MSU, Moscow, Russia

aichagin@mail.ru

The principle linguistic difficulties revealed in studying the topic “Food. Meal” in a foreign audience are being analysed in the article. They are concerned the various sides of Russian linguistic system: vocabulary, wordbuilding, stylistics, accentology.

Keywords: Food; meals; vocabulary; wordbuilding; stylistics; cultural knowledge about Russia; teaching in Russian for foreigners.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК НЕРОДНОГО

Добровольская Валерия Васильевна
доцент кафедры русского языка для иностран-
ных учащихся естественных факультетов
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
rknature@cs.msu.su

САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА УЧАЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОМ КУРСЕ РКИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

В статье рассматривается проблема организации самостоятельной работы учащихся-иностранцев в современных пролонгированных курсах РКИ. Изменения в условиях обучения и сокращение аудиторных учебных часов требует коррекции учебных программ в направлении организации самообучения как существенной и значимой части учебного процесса.

Ключевые слова: изменение условий обучения; отбор и дифференциация языкового материала курса; операционный состав навыков; методический комментарий; повышение заинтересованности, самоконтроля и ответственности в работе учащихся.

Известно, что для эффективного преподавания любой дисциплины необходимо через определённые промежутки времени пересматривать и корректировать методические позиции, положенные в основу преподавания этого предмета.

Существует несколько основных причин для такого пересмотра. Это может быть модернизация содержания самого предмета, которая выражается в расширении объёма изучаемого материала, в разработке новых теоретических позиций, в определении значимости тех или иных языковых факторов, в изменении главного вектора теоретических исследований, в переоценке некоторых приоритетов и т.п.

Это может быть изменение состава и, следовательно, характеристик и особенностей основной массы контингента иностранных учащихся, которым мы преподаём сегодня русский язык, и

вытекающая отсюда необходимость изменения задач формирования их языковой и коммуникативной компетенции.

Это может быть, наконец, изменение условий обучения, которое, в частности, может выражаться в сокращении объёма учебных часов, отводимых на обучение русскому языку как иностранному, и изменение соотношения между аудиторными занятиями под руководством преподавателя и самостоятельной работой учащихся, проходящей, в основном, в режиме самоконтроля и самообучения.

В данной публикации нам хотелось бы обратить внимание преподавателей РКИ именно на эту последнюю сторону проблемы – коррекцию некоторых методических установок в подготовке и проведении курса в связи со значительным сокращением учебных часов, имеющем место во многих современных пролонгированных курсах РКИ.

Дело в том, что в большей части пролонгированных курсов обучения РКИ работа, как правило, организовалась по следующей стандартной схеме: аудиторные практические занятия под руководством преподавателя составляли основную часть учебного процесса и дополнялись внеаудиторной работой учащихся (так называемым домашним заданием), которая выполнялась учащимися по материалам, рекомендуемым преподавателем. Домашние задания были тесно связаны с программой, изучаемой в аудитории, и не имели (или почти не имели) методической специфики в организации по сравнению с ней.

Иными словами, при достаточном количестве аудиторных учебных часов самостоятельная работа учащихся выступает как резерв и дополнение учебного процесса и призвана ослаблять фактор дискретности обучения и поддерживать системность учебного процесса в целом.

В настоящее время, когда количество аудиторных учебных часов резко сократилось, а иногда даже бывает недостаточно для качественного усвоения программы курса, самостоятельная работа учащихся, которая становится на место домашнего задания, должна, на наш взгляд, иметь по сравнению с ним качественно иные характеристики.

Во-первых, подчеркнём, что самостоятельная работа учащихся становится столь же значимой частью курса, как и работа

в аудитории, хотя бы в силу того обстоятельства, что часть материала программы курса РКИ сознательно выносится преподавателем за рамки аудиторного занятия ещё при планировании учебной работы в группе. Причём без регулярного выполнения учащимися этой части работы учебный процесс в значительной степени теряет свою эффективность.

Во-вторых, следует, как нам кажется, учитывать тот факт, что подача и организация языкового материала, которые имеют место в ныне действующих пособиях и учебниках по РКИ, рассчитаны, в основном, на неотсроченный комментарий преподавателя во время аудиторных занятий. Если мы будем работать по имеющимся материалам без такого комментария, мы можем спровоцировать у учащихся ошибки недопонимания при выполнении заданий, чем, естественно, понизим эффективность обучения. В то же время мы не можем просто отослать учащихся к учебнику, поскольку, как уже было сказано выше, объяснительный материал учебников не ориентирован на режим самообучения.

Из сказанного выше следует естественный вывод: для организации и проведения эффективной самостоятельной работы учащихся в современных пролонгированных курсах РКИ требуется коррекция учебных программ и разработка учебных материалов, использование которых в учебном процессе позволило бы обеспечить достаточно высокий уровень языковой подготовки иностранных учащихся в условиях существенного сокращения аудиторных занятий.

Очевидно, что работа по созданию материалов, обеспечивающих современную структуру курса РКИ, требует и сил, и времени. Однако представляется, что уже сейчас можно назвать некоторые конкретные шаги, которые может (и должен) предпринять преподаватель РКИ, если он хочет добиться качественных результатов в существующих условиях обучения.

Так, например, при подготовке пролонгированного курса вузовского этапа (ТРК-2) мы можем:

– отобрать минимум грамматических тем, обеспечивающих в совокупности возможность реализации коммуникативных задач конкретного курса РКИ. Определить, какие из этих тем будут изучаться по-прежнему в полном объёме (например, употребление причастия), а какие будут вынесены на периферию учебного

поля и будут изучаться фрагментарно, в рамках конкретных задач данного курса (например, выражение неопределённости);

– материал каждой отобранной темы мы можем, в свою очередь, разделить на две категории: фрагменты (части) темы, которые мы планируем на усвоение в аудиторном режиме обучения под руководством и при комментировании преподавателя, и фрагменты (части) материала, планируемые на усвоение в ходе самостоятельной работы учащихся. В качестве последних в значительной части могут выступать фрагменты материала, имеющие опору в программе начального этапа обучения или сравнительно лёгкие для усвоения в иностранной аудитории части грамматической темы, имеющие аналогии с ранее изученным материалом (например, склонение причастий – по аналогии со склонением прилагательных; место частицы «не» при отрицании – с опорой на постановку вопроса в курсе фонетики и т.п.);

– мы можем определить последовательность в самостоятельной работе учащихся в рамках каждой темы и составить методический комментарий для учащихся, снабжённый схемами, таблицами, вопросами и дополнительными материалами, которые будут служить учащимся опорами для самостоятельного выполнения заданий вне рамок аудитории. Такой пошаговый комментарий должен быть направлен в сторону прагматического решения в становлении у учащихся навыков понимания или использования в речи того или иного языкового явления. Основная методическая особенность комментария и иллюстрирующих его заданий состоит в том, что они должны объяснить и показать учащемуся **что** и **как** он должен делать для получения желаемого результата, то есть дать ему чёткую поэтапную программу действий с языковым материалом.

Параллельно с организацией собственно языкового материала, о которой шла речь выше, преподаватель на этом этапе обучения обращает особое внимание на развитие и осознание учащимися операционного состава частных методических задач, широко используемых как в аудиторной, так и в самостоятельной работе учащихся продвинутого курса РКИ. К числу таких задач относятся: развитие навыков анализа, комментирования и построения текстов; умение работать со словарём; умение выполнять языковые задания с опорой на графики, таблицы, схемы и

иллюстративный материал; навыки коллективного выполнения задания членами учебной группы; развитие умения оформлять свою речь в рамках выбранных социально-коммуникативных ролей; развитие умения оформлять письменные высказывания заданного жанра и т.п.

Что касается психологической стороны организации учебного процесса, то в настоящее время особое значение приобретает задача всемерного повышения заинтересованности учащихся в усвоении учебного материала и развитии у них навыков самоконтроля и ответственности за проделанную работу. Допустимо, на наш взгляд, даже сказать, что сотрудничество учащегося и преподавателя в рассматриваемой нами ситуации может выступать не только как взаимопонимание и общая работа, но и как процесс самостоятельного познания учащимися изучаемого предмета, направляемый и контролируемый преподавателем.

В заключение подчеркнём ещё раз, что в современных условиях обучения без коррекции учебного процесса в вышеописанном направлении, без распределения работы между аудиторными и самостоятельными занятиями достаточно трудно, на наш взгляд, реализовать стоящие перед нами цели обучения русскому языку как иностранному.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьменкова В.А. Грамматика и прагматика текста // URSS, М., 2016.
- Луценко О.В. Система заданий по формированию и развитию у учащихся речевых навыков и умений использования таблиц и диаграмм // Язык. Литература. Культура. Вып. 11. – М., МАКС Пресс, 2015.
- Мирошникова Т.Л. Самообразование студента как фактор нравственного развития личности в учебном процессе // Вестник РУДН № 1 (05). – М., 2007.
- Подшивалова Е.А. Учебно-методическая разработка по формированию навыков по использованию нормативных словарей в иностранной и русской аудитории // Язык. Литература. Культура. Вып. 11. – М., МАКС Пресс, 2015.
- Румянцева Н.М. «Русский язык в упражнениях» как основной компонент самостоятельной работы учащихся // Вестник РУДН № 1. – М., 2014.

Valeriia V. Dobrovolskaya
Lomonosov MSU, Russia, Moscow
rkina@cs.msu.su

**INDEPENDENT WORK OF STUDENTS IN THE MODERN COURSE OF
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
(FOR THE STATEMENT OF THE QUESTION)**

The article deals with the problem of organizing independent work of foreign students in modern, prolonged courses of Russian as a foreign language. Changes in the conditions of training and the reduction of classroom hours of study require the correction of curricula in the direction of organizing self-study as an essential and significant part of the educational process.

Key words: change in learning conditions; selection and differentiation of language course material; operational skills; methodical commentary; increased interest, self-control and responsibility in the work of students.

Серова Евгения Сергеевна
кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, Россия, Москва, evgenia-serova@mail.ru

СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ)

В настоящей статье анализируется специфика работы преподавателя РКИ в иноязычной среде. Делаются выводы о реализации основных дидактических принципов в обучении РКИ в Республике Корея.

Ключевые слова: дидактические принципы, методика преподавания РКИ, Республика Корея.

Изучение иностранного языка вне языковой среды, безусловно, имеет свою специфику. Преподаватель русского языка как иностранного (РКИ) должен учитывать фактор отсутствия русскоязычной среды общения и корректировать компоненты системы обучения в инокультурном образовательном пространстве. Здесь важно принимать во внимание различие в таких компонентах системы обучения, как цели и задачи обучения РКИ в зарубежном вузе, содержание обучения, принципы обучения в конкретном учебном заведении, средства обучения (учебные пособия, техническое оснащение аудиторий и т.п.) и т.д.. Данная статья рассматривает некоторые особенности преподавания РКИ в зарубежном вузе, выявленные в ходе работы со студентами университета Конкук (Республика Корея, Сеул – Чхунджу), где автор работал в 2015–2016 гг. Общение с коллегами, работающими в Южной Корее, позволяет заключить, что эти особенности характерны и для многих других корейских вузов.

Важно учитывать особенности самой среды обучения, те условия, в которых приходится работать русскоязычному преподавателю. Мы попробуем их проанализировать и сделать выводы

о реализации основных дидактических принципов в обучении РКИ в Республике Корея.

Обучающие параметры. В иноязычной среде, в условиях отсутствия ситуативно-коммуникативных опор, возрастает роль средств обучения (пособий, учебников, аудиовизуальных средств, используемых преподавателем на уроках, различных форм работы с Интернетом). Важно учитывать роль русскоязычного преподавателя в коллективе коллег. Как правило, преподавателю-носителю русского языка предлагают вести занятия по развитию устной речи (в университете Конкук - 4 академических часа в неделю в каждой группе). При этом с учащимися также работают двое или трое корейских коллег, которые ведут занятия по грамматике (4-6 ак. часов в неделю в каждой группе) и семинары по истории и культуре изучаемого языка (2 ак. часа в неделю). Зачастую возникают трудности, связанные с несовпадением методики работы российского преподавателя и корейских коллег, а также их представлений о темпах обучения. Большое количество часов отводится на изучение грамматики, объясняемой на корейском языке, без учёта необходимости использования грамматических знаний в речевой практике учащихся. Корейские учебники по грамматике зачастую имеют описательный характер, в них не хватает упражнений на отработку грамматических навыков. Такие формы текущего и промежуточного контроля, как проверка выполнения учащимися домашнего задания и выполнение контрольных работ, практически отсутствуют. Программа обучения в бакалавриате рассчитана на 4 года, однако учащиеся приступают к изучению русского языка лишь на втором курсе и в общей сложности обучение русскому языку занимает 3 года, что представляется недостаточным сроком для приобретения учащимися всех необходимых навыков. Магистерских программ кафедры русского языка университета Конкук не предлагает.

В целом в преподавании РКИ в Республике Корея господствует грамматико-переводной метод обучения с опорой на принцип сознательности, постулируемый как основной для корейской

системы образования. Задача русскоязычного преподавателя состоит в соединении дидактического принципа сознательности с собственно методическим принципом коммуникативности.

Языковой материал, содержащийся в учебных материалах и предлагаемый учащимся для ознакомления и анализа, не всегда правильно отражает языковую действительность и русскую языковую картину мира. Зачастую нарушается принцип посильной трудности, поскольку учащимся предлагаются для анализа уже на начальном этапе обучения слишком сложные языковые конструкции. В связи с этим русскоязычный преподаватель должен иметь в виду, что те требования, которые он предъявляет к учащимся в российском вузе, сильно отличаются от требований в их родном университете.

Количество и состав студентов в группах ежегодно меняется. В университете Конкук русский язык изучается на факультете регионоведения и международного бизнеса, начиная со второго курса. Студенты имеют возможность выбирать среди таких языков, как английский, французский и русский. Учащиеся выбирают русский язык как основной иностранный язык или как второй иностранный язык. Все студенты, выбравшие русский язык в качестве основного иностранного, работают в одной группе с учащимися, изучающими русский язык в качестве основного предмета. В 2015 – 2016 учебном году в группах бакалавров, изучающих русский язык как иностранный в университете Конкук, было следующее количество учащихся: 2 курс – 23 человека, 3 курс – 14 человек, 4 курс – 6 человек. Учащиеся университета Конкук имеют право самостоятельно определять очередность прохождения курсов, исходя из своих желаний и временных возможностей. Таким образом, учащийся может приступить к изучению русского языка на втором курсе, после этого посещать занятия по программе четвертого курса и затем вернуться в группу русистов третьего курса. Поэтому принцип «от простого к сложному» не всегда возможно реализовать на практике. Такая система обучения создаёт большое количество трудностей для преподавателя и самих учащихся и усложняет реализацию принципа межпредметной координации. Однако взаимодействие с коллегами позволяет улучшить организацию работы.

Мотивация учащихся. Студенты, приезжающие учиться в Россию, как правило, ориентированы на использование русского языка в будущей профессиональной деятельности. Они обладают довольно высокой мотивацией, которая поддерживается постоянной необходимостью использования русского языка в русскоязычной языковой среде. В иноязычной среде учащиеся не могут реализовать свои знания и умения на практике и даже не всегда планируют использовать их в профессиональной деятельности. Как правило, о России и о русской культуре учащиеся знают очень мало.

Нами был проведён опрос среди учащихся второго курса бакалавриата, приступающих к изучению русского языка. Учащимся (23 человека) был задан вопрос: «Почему вы выбрали для изучения русский язык?». Приводим ответы:

Количество ответов	Ответ
--------------------	-------

2	Это перспективный язык для использования в профессиональной деятельности.
---	---

2	Вызывает интерес культура современной России.
---	---

4	Понравились другие курсы преподавателей кафедры во время первого года обучения.
---	---

1	Легче поехать на стажировку в страну изучаемого языка (по сравнению с США и Францией).
---	--

14	Затрудняюсь с ответом.
----	------------------------

На выбор языка зачастую влияют второстепенные факторы (личные симпатии и антипатии к носителям русского языка, к преподавателям). Это характеризует мотивацию на начальном этапе обучения. Выбрав для изучения русский язык, учащиеся могут изменить свое решение по прошествии семестра или года обучения и «переориентироваться» на другой язык.

К последнему году обучения, как правило, в группе русистов остаются лишь те учащиеся, которые прошли учебную стажировку в России (на данный момент у университета Конкук есть программы обмена с университетами-партнёрами в Москве, Иркутске, Хабаровске). На продвинутом этапе обучения (4 курс бакалавриата) мотивация довольно высокая. Всё это лишний раз подчёркивает ту важную роль, которую играет русскоязычная среда обучения в процессе изучения РКИ. Одна из важных задач

русскоязычного преподавателя, работающего вне языковой среды, – способствовать развитию внутренней, субъективной мотивации учащихся.

Организационные формы преподавания РКИ. Корейские учащиеся в процессе обучения нацелены на пассивное восприятие языка: учащиеся недостаточно активно ведут себя на занятиях, они сами, а зачастую и корейские коллеги, считают, что во время занятий необходимо «слушать предмет», а не активно участвовать в процессе обучения. На это влияют различные социальные факторы, такие как, например, жёсткая социальная иерархия в университете и в группе. Перечислим некоторые факторы, влияющие на активность студентов во время занятий, приведённые корейскими коллегами и учащимися:

- возраст и университетский статус преподавателя (чем старше преподаватель и чем выше его учёное звание, тем более его уважают, однако тем более «боятся»);

- отсутствие в традиционной корейской культуре возможности часто задавать вопросы преподавателю;

- разный возраст студентов в группе (старшие учащиеся имеют приоритет в проявлении активности на занятиях, среди тех, кто младше других, не принято активно участвовать в дискуссиях и особенно высказывать несогласие со старшими);

- отсутствие контактов между учащимися вне аудиторных занятий (студенты зачастую не знакомы друг с другом, поскольку проходят обучение на разных факультетах).

В работе в данных условиях русскоязычному преподавателю могут помочь правильно выстроенная система контроля и поощрения, использование в общении с учащимися знаний о межкультурной коммуникации, организация внеаудиторных мероприятий с участием учащихся разного возраста. Подчеркнём, что корейские учащиеся крайне ориентированы на взаимодействие с преподавателем не только во время аудиторных занятий, но и в свободное время.

Система контроля и оценок. На итоговую оценку по всем предметам влияют посещаемость (15 %), активность на уроке (15%), оценка, полученная на экзамене (65%), другие факторы, которые преподаватель посчитал важными (5%). Оценки выстав-

ляются компьютером по сравнительному принципу: преподаватель вносит результаты экзамена и баллы, накопленные за активность на уроке и посещаемость, в компьютерную программу, а потом компьютер выставляет оценки A,B,C,D,E,F. Не более 15 процентов группы может получить оценку A (максимальная оценка), 25 процентов – B, 40 процентов – C, остальные – оценки ниже. Таким образом получается, что знания и умения учащихся оцениваются в сравнении с результатами других студентов в группе, а не в соответствии с общими требованиями к знаниям и умениям. Поэтому «отличники» в сильной группе будут отличаться по уровню владения языком от «отличников» в слабой группе.

Прагматический характер обучения. Очевидно, что общественно-экономические условия жизни страны влияют на систему образования. Современное корейское общество – это высокопрагматичное общество. Это играет роль при выборе иностранного языка для изучения, а также влияет на мотивацию учащихся в процессе обучения. Преподаватель должен уметь заинтересовать учащихся и донести до них информацию о практической значимости знаний и умений, приобретаемых ими на занятиях: зачастую учащиеся не понимают смысл таких учебных заданий, как изложение прочитанного текста, декламация поэзии, написание эссе и др.. С другой стороны, корейцы с удовольствием воспринимают материал с ярко выраженной прагматической направленностью: работа с текстами, содержащими бизнес-лексику, упражнения на создание текстов определенных жанров (резюме, письмо, записка), на отработку изученной лексики в диалогах, моделирующих коммуникативную ситуацию и т.п..

При работе с корейскими учащимися важно помнить о дидактическом принципе межкультурного взаимодействия и учитывать их национально-психологические особенности: прекрасные способности к имитации и работе хором, текстозависимость, высокая толерантность и гибкость мышления, прекрасная кратковременная память, артистизм и коммуникабельность, ориентация на выстраивание отношений с преподавателем вне аудиторных занятий, высоко развитое чувство собственного достоинства при внешней скромности. При учёте национальных особенностей южнокорейской среды обучения необходимо помнить о том, что

русскоязычный преподаватель для учащихся и коллег является в первую очередь носителем русского языка и представителем русской культуры, поэтому он должен стараться донести до учащихся не только языковые знания, но и знания о русской картине мира, о правилах поведения в различных ситуациях и различных сторонах жизни в России. Здесь основополагающими принципами являются принцип наглядности, ведь именно наглядность используемых на занятиях материалов помогает воссоздать русскоязычную среду, которая отсутствует в реальности. Стоит отметить, что техническая база университета Конкук очень хорошо развита, все аудитории оснащены современным оборудованием. Это позволяет использовать различные видео- и фотоматериалы, привлекать Интернет и т.п.. Также студенты готовы работать над презентациями и своими собственными видеопленками.

Таким образом, для русскоязычного преподавателя, работающего в иноязычной среде, важно помнить об основных дидактических принципах и уметь адаптировать свои методические установки к той системе обучения, в которой он работает.

*Evgeniia S. Serova,
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
evgenia-serova@mail.ru*

**SPECIFICS OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE IN A
FOREIGN LANGUAGE ENVIRONMENT
(BASED ON THE EXPERIENCE OF TEACHING RUSSIAN AS A FOREIGN
LANGUAGE IN THE REPUBLIC OF KOREA)**

This paper discusses the specifics of teaching Russian as a foreign language in a foreign language environment. Some conclusions are drawn on the implementation of basic didactic principles in the process of teaching Russian as a foreign language in the Republic of Korea.

Key words: didactic principles, methodology of teaching Russian as a foreign language, Republic of Korea.

Зубова Ольга Владимировна
кандидат филологических наук, специа-
лист по УМР кафедры дидактической
лингвистики и теории преподавания рус-
ского языка как иностранного МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
zubova.olgavlad@yandex.ru

«ПРАВДА БЫВАЕТ И ГОРЬКОЙ»: ПРОЗА В. ШУКШИНА В АСПЕКТЕ ОДНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ

В статье рассматривается проблема анализа киноинтерпретаций художе-
ственной прозы в аспекте обучения русскому языку как иностранному,
обосновывается значимость движения от экранизации к исходным тек-
стам. Проводится исследование отдельных новелл В.М. Шукшина и
фильма С. Никоненко «Охота жить» в свете поставленной проблемы.

Ключевые слова: экранизация; русский язык как иностранный; рас-
сказы В.М. Шукшина; фильм С. Никоненко «Охота жить»; лексика
«правда», «нравственность», «охота», «свобода / воля».

Практическая значимость использования художественных
фильмов на занятиях по русскому языку как иностранному не
подвергается сомнению. Проблеме аудиовизуального метода
обучения посвящены многочисленные работы советских и совре-
менных исследователей. Его основополагающей функцией ста-
новится введение культурологического материала, включающего
страноведческую информацию, лингвистические и экстралинг-
вистические средства общения. В связи с этим Е.М. Верещагин и
В.Г. Костомаров пишут об «аккультурирующей зрительной
наглядности» [Верещагин, Костомаров 1990: 180] киноискусства,
которая способствует усвоению информации и обеспечивает эмо-
циональное включение учащихся в отраженную на экране дей-
ствительность. Сопричастность увиденному порождает не только
интерес к произведению со стороны студентов, но также воспри-
ятие полученной информации в качестве личного опыта, что
немаловажно в практике обучения иностранцев, поскольку
«...чужое знание воспринимается в лучшем случае с доверием, а
собственное – это всегда убеждение; отсюда оно запоминается

надолго и легче применяется в будущем» [Верещагин, Костомаров 1990: 189]. Кинофильмы визуально демонстрируют учащимся реальные ситуации общения с использованием живых диалогов. Ситуативность и динамизм киноискусства признаются А.Н. Щукиным [Щукин 1981] весьма эффективными свойствами при обучении иностранцев диалогической речи. Кроме того, эффективность использования аудиовизуального метода в наше время повышается в связи с широкой распространенностью аналогичного способа передачи информации.

Работа с экранизациями представляется не менее результативной. Эти фильмы «имеют текстовую поддержку в литературном источнике» [Матвеев 2010: 71], что позволяет иностранным учащимся избежать возможного непонимания отдельных эпизодов.

В современном мире произведения киноискусства занимают одну из лидирующих позиций в ряду интерпретаций художественных текстов. Вместе с тем исследование экранизаций зачастую характеризуется однонаправленностью: движение от исходного текста к кинотексту, как правило, предполагает выявление отсутствующих в фильме фрагментов художественного текста с последующим анализом обусловленных данным фактом трансформаций. Несмотря на логичность и результативность метода, он обладает рядом серьезных недостатков, обусловленных выпадением из сферы внимания исследователей многочисленных ограничений, которым подвергаются создатели фильма. В первую очередь речь идет о бюджете, в конечном счете определяющем и место съемок, и качество художественных материалов, и возможность дублирования кадров, и актерский состав. Кроме того, взаимодействие режиссера и актера – процесс сложный и неоднозначный. Одним из наиболее ярких примеров стала работа В. Шукшина и Л. Федосеевой-Шукшиной на съемках «Калины красной», по словам оператора А. Заболоцкого [Заболоцкий 1997], проходившая не столь гладко, хотя роль Любы предназначалась именно этой актрисе. Как известно, сам Шукшин долго и мучительно вживался в роли собственных автобиографических героев.

Другим серьезным ограничением, встающим на пути экранизаторов, становится визуальность киноповествования, значительно усиливающая эмоциональное воздействие на зрителей отдельных заимствованных у литературных произведений эпизодов. Достаточно вспомнить Е. Лебедева в роли Броньки Пупкова (фильм «Странные люди» В. Шукшина), предельно эмоциональную игру которого критики, а вслед за ними и сам Шукшин окрестили «клинической картиной навязчивой идеи» [Шукшин 2009: 112]. Далее, если советские кинематографисты жаловались на цензурные ограничения, то в настоящее время цензура как таковая представляется весьма лояльной. Однако киноискусству приходится выживать в условиях рыночной конкуренции. Необходимость окупаемости затрат на кинопроизводство оборачивается ориентацией кинематографа на запросы массового потребителя.

В связи с вышесказанным представляется небезосновательным применение иного подхода к исследованию интермедальной интерпретации литературных текстов в иностранной аудитории, а именно анализа отдельных, зачастую скрытых мотивов, характеристик, причинно-следственных связей, которые были выдвинуты на первый план экранизацией. Для изучающих русский язык иностранцев существенно важным оказывается неоднократное возвращение к тексту анализируемого произведения, что способствует более глубокому осмыслению его проблематики, усвоению необходимых лексико-грамматических конструкций. Просмотр экранизации усиливает интерес учащихся к сюжету произведения, мотивирует их повторное обращение к тексту. Кроме того, зрительное восприятие способствует более глубокому пониманию ситуаций, моделей поведения (в том числе речевого), семантики отдельных лексических единиц. Поэтому вполне уместно поставить перед иностранными учащимися задачу выявить лингвистические способы отображения в тексте увиденного ими на экране.

В данной статье речь пойдет о фильме С. Никоненко «Охота жить» (2014), в основу которого легли рассказы Шукшина «Осенью», «Билетик на второй сеанс», «Охота жить». Его создатели также столкнулись с одной из главных проблем современного российского кинопроизводства: «Работалось хорошо – денег не

было» [Сергей Никоненко 2015]. По словам С. Никоненко, решение экспертного совета Министерства культуры гласило, что подобная картина сегодня не нужна. В данном случае режиссер, идя по пути Шукшина, также сталкивается со сложностью восприятия его героев общественностью. Но если в 1960-е годы люди апеллировали к нравственности в книге и на экране («Требуют красивого героя. Ругают за грубость героя, за их выпивки и т.п. <...> У него, дьявола, живет за стенкой сосед, который работает, выпивает по выходным (иногда шумно), бывает, ссорится с женой... В него он не верит, отрицает, а поверит, если я навру с три короба; благодарен будет, всплакнет у телевизора, умиленный, и ляжет спать со спокойной душой» [Шукшин 2009: 37]), то современные зрители усмотрели в картине Никоненко отсутствие занимательности, о чем красноречиво говорят оценки типа «дешевый малобюджетный постановочный розыгрыш», «хотелось какой-то интриги и зрелищности» [Фильм «Охота жить»], «скучная жизненная драма» [«Охота жить»].

Тем не менее картина привлекает не только актуализацией шукшинского наследия, но также весьма интересной трактовкой прозы писателя. Тексты В. Шукшина представляются достаточно сложными для восприятия в иностранной аудитории в связи с обилием просторечной и диалектной лексики, нестандартных синтаксических конструкций. Произведения писателя могут быть рекомендованы к работе с учащимися-филологами на продвинутых этапах обучения или с иными контингентами иностранных граждан при условии адаптации текстов. Несмотря на указанные ограничения, рассказы Шукшина используются в учебных пособиях по русскому языку как иностранному. Шукшин является одним из наиболее ярких представителей важного для русской литературы XX века направления – деревенской прозы. Произведения писателя, наряду с классическим наследием, включены в школьные и университетские программы. В рамках изучения русского языка и культуры иностранцами тексты Шукшина в значительной мере способствуют формированию у учащихся страноведческой и социокультурной компетенций.

Возможность использования в процессе создания фильма «Охота жить» мотивного принципа организации киноповествования (предполагающего переплетение сюжетов исходных текстов и

оставляющего пространство для сотворчества) [Зубова 2016] обусловлена единым метатекстом шукшинского творчества, выросшим из специфики художественной позиции писателя. Деятельность Никоненко по актуализации шукшинского наследия (а это уже третий фильм по прозе Шукшина) проходит под девизом писателя «Нравственность есть правда», который дополняется внешне противоположным, однако органично сплетающимся с первым по существу принципом «Правда есть нравственность»: режиссер продолжает борьбу за правду на экране, однако неустанно напоминает, что правда всегда на стороне нравственности.

Помня завет Шукшина «Все удобное мешает искусству» [Шукшин 2009: 35], авторы фильма не поддаются соблазну перевести Филиппа Тюриня в разряд положительных героев. «Естественный человек» Филипп вследствие исчезновения в фильме отсылки к его внебрачному ребенку вполне мог превратиться в человека нравственного, ибо категории нравственности / безнравственности чужды природе как таковой и соотносятся в первую очередь с морально-этическими воззрениями человека. В рамках экранизации «естественный человек» частично растворяется, однако и оппозиция положительный / отрицательный оказывается неприменима к этому герою в первую очередь благодаря введению сюжета новеллы «Осенью». Его скорее можно охарактеризовать как персонажа живого, правдивого: «смолоду был очень активен», «все общественные вопросы принимал близко к сердцу» [Шукшин 2005: Т.4, 387], однако увлечение нововведениями оборачивается несчастьем для четверых, а у самого Филиппа « всю жизнь сердце кровью плакало и болело» [388].

«Правда бывает и горькой» [Шукшин 2009: 38] – это в полной мере подтверждает художественный мир шукшинских текстов. Несмотря на усиление эмоционального эффекта экранной визуализацией, Никоненко не отказывается и от этого принципа. Неприкрашенный быт, негероичные персонажи картины породили зрительские обвинения фильма в его внешней малобюджетности, отсутствии интригующего сюжета. В то же время авторы картины серьезно подошли к оформлению бытовых деталей, которых, отметим, у Шукшина практически нет. Новеллистика писателя при фабульности отдельных эпизодов построена большей

частью на внутреннем мире героев. Читатель оправдывает авторские ожидания, дорисовывая необходимую картину исходя из эмоционального фона произведения. В упомянутых рассказах, в частности, отсутствуют какие бы то ни было описания парома, избы Филиппа («Осенью»), склада, избы Поли, избы Тимофея («Билетик на второй сеанс»). Таежная избушка в рассказе «Охота жить» удостоивается описания в связи с тем, что сама становится персонажем: принимает гостей и диктует им собственный жизненный уклад, встраивая героев в парадигму свой / чужой. Отчужденность пришлого парня заметна сразу, а чувство дискомфорта проявляется в его манере поведения. Наше внимание не раз заостряется на том, что он «подошел к окну», «долго всматривался в темь», «опять потянуло к окну» [Шукшин 2005: Т.3, 369], «встал – не сиделось», «крякнул» [370], «тряхнул головой» [371].

Задача бытового оформления фильма решена стилистически и эмоционально точно, начиная от простоты интерьеров и костюмов и заканчивая такой на первый взгляд незначительной деталью, как отсутствие еды на столе в доме Тимофея после смерти хозяйки, в то время как в других избах наблюдается противоположная картина. Говоря о персонажах, следует отметить их граничащую с негероичностью натуралистичность. В условиях расширения нетипичности (однако исключительной правдивости!) характеров и ситуаций реализм в текстах Шукшина приобретает явные натуралистические черты. Такой характер творчества обусловливает его актуальность в современном мире. Подобно тому как Шукшин боролся с идеалами шестидесятников («Он [герой] – этакий непоседа, ему бы все у костров, да по тропинкам, по тропинкам!.. (Кстати, на какие деньги он так много путешествует?) И что делать тем, кто не может так много “бродить” с гитарой, кто не может “рвануть” в тайгу (а семью куда?), у кого только месяц в году – отпуск, а родных много в разных местах и хочется к ним поехать...» [Шукшин 2009: 38]), Никоненко современному засилью триллеров, фэнтези, мелодрам со счастливым концом противопоставляет реальную жизненную драму. Однако за внешней беспросветностью жизни и грубостью характеров героев фильма скрыта живая, трепетная, хрупкая душа. Видения Филиппа о Марье становятся визуализацией шукшинского взгляда

на собственных героев: «... если бы мои «мужики» не были бы грубыми, они не были бы нежными» [Шукшин 2009: 37].

Вместе с тем для творчества С. Никоненко во многом характерен дидактизм, сопровождающийся акцентированием моральных норм. Зачастую это достигается выявлением и усилением отдельных мотивов художественных текстов, получающих, таким образом, весьма интересную интерпретацию. Не случайно название рассказа «Охота жить» вынесено в заглавие фильма, а его сюжет лидирует по занимаемому временному объему. Новелла повествует о случайной встрече старика-охотника и беглого заключенного в таежной избушке. Сочувствие старика не находит ответного отклика в парне, который из соображений безопасности предпочитает не оставлять свидетелей. Охота в картине позиционируется в качестве ведущего мотива, объединяющего экранизированные рассказы, а сама лексическая единица используется в двух, на первый взгляд, несвязанных значениях. В словаре Ожегова [Ожегов 1992] существительное охота представлено словами-омонимами со значением отлавливать / убивать зверей, в другом случае – желать, стремиться. В то же время глагол охотиться представлен многозначной лексемой, что свидетельствует о наличии общего компонента значения, подтверждаемого и в словаре Даля. В качестве равноправных представлены три значения лексемы охота: «состояние человека, который что-либо хочет», «страсть, слепая любовь к занятию, забаве», «ловля, травля, стрельба диких животных как промысел и как забава» [Даль 1989: 773]. Приведенные ниже примеры употребления лексемы охотиться: 1. в значении «показывать охоту к чему <...>; желать, хотеть чего» («Я на службу не охочусь, а как Бог приведет»); 2. «ходить на охоту, полевать, лесовать» («Заяц трус, и тот охотиться любит (на капустку)») [Даль 1989: 773] – указывают на общий компонент значения хотеть что-то получить.

Тексты Шукшина в значительной мере актуализируют этот аспект. Желание жить оборачивается охотой на жизнь в прямом и переносном смысле. Главный охотник, несомненно, – беглый парень. Новелла «Охота жить» имеет явный философский подтекст: герой – Христос по внешности и идеолог красивой жизни по убеждениям, он олицетворяет борьбу зла и добра на фоне охоты за «настоящей» жизнью. Задачей авторов фильма было

вскрыть глубинную сущность парня-зверя, указать на недостижимость для героя душевного покоя вследствие восприятия им жизни как сплошной охоты. В связи с этим многочисленные указания на положительное начало в герое («красивый парень», «взгляд прямой, смелый», «улыбка... простецкая, сдержанная» [Шукшин 2005: Т.3, 367] и др.) отодвигаются на второй план. Фильм высвечивает те его качества, на которые Никитич у Шукшина не обращает должного внимания – в новелле это четыре характеристики («стылый» взгляд [367], говорил «крепко, зло и напористо» [370], «крепость и злость» голоса, «свирепый голос безнадежно избитого судьбой человека» [373]). Внутреннее, глубоко спрятанное зло героя является миру и превращает парня в человека-охотника и человека-зверя одновременно. Он либо загоняет, либо загоняют его; всего три раза (в рассказе около семи) на лице героя появляется осторожная волчья полуулыбка, он недобро прищуривается, ходит, приседая, мягко ступая по земле, по-воровски подает нож из рукава. Под сходным углом зрения рассматривается и Никитич, в образе которого актуализируются в первую очередь черты «естественного человека»: мотив взаимоотношения отцов и детей отходит на второй план, явная очарованность парнем заменяется доброжелательным отношением ко всем живым существам.

Лейтмотив охоты прослеживается и при работе с сюжетами других новелл. Тимофей Худяков («Билетик на второй сеанс») стремился к материальному достатку, однако моральная неудовлетворенность такой жизнью заставляет его нападать и отражать нападки, стараться «побольней укусить» [Шукшин 2005: Т.4, 194] своих оппонентов. Павел, герой рассказа «Осенью», охотился за красавицей Марьей («Нечего было и хватать тогда. А то приехал – раз, два – увезли!.. Обрадовались» [394]), сама Марья – за замужеством («Тоже хороша: нет, подождать – заусилась в Краюшкино! Прямо уж нетерпеж какой-то» [394]). Филипп Тюрин в молодости гнался за новой жизнью, и это принесло свои плоды. Однако осознание ошибки в выборе объекта погони заставляет героя сменить жизнь-охоту на жизнь-единение и поплыть по ее течению вместе с паромом. Финальная гонка за потерянным счастьем оказывается проигранной.

При экранизации новелл используется прием контраста: «естественная жизнь» вступает в духовное и физическое противоборство с жизнью-охотой. Физическая победа на стороне сильнейшего, однако духовное превосходство существования в согласии с природой и мироустройством не подвергается сомнению. Данный конфликт порождает оппозиции свобода / воля, единение / сила.

Образ носителя «естественной» жизни Никитича в фильме Никоненко объединяется с образом героя другой новеллы Филиппа Тюрина и становится его своеобразным продолжением, что находит подтверждение в текстах Шукшина. Бывший «охотник» Тюрин переходит в разряд «созерцателей», в то время как охота Никитича в тайге представляется скорее данью вековому укладу, нежели жизненным кредо. Оппонентами героя становятся Павел и беглый парень, смотрящие на жизнь глазами охотников. В первой из названных оппозиций их симпатии на стороне воли, не случайно парень в рассказе не раз употребляет именно эту лексему. В словаре Ожегова данное понятие представлено словами-омонимами: в одном случае это «свобода в проявлении чего-нибудь», в другом – «сознательное стремление к осуществлению чего-нибудь», «пожелание, требование» [Ожегов 1992: 95], что напрямую соотносится с одним из вышеназванных значений лексемы охота. Воля для героев – не только и не столько свобода, сколько стремление заполучить желаемое. Воля в данном значении делает персонажей своими заложниками и подавляет в них чувство свободы. Павла (в рассказе – Тимофея Худякова) день за днем иссушает душевная тоска по неудавшейся жизни. Беглый парень – фактически раб собственной воли: «Эту бабу зовут – воля. Ты не знаешь ее, отец. Ты – зверь, тебе здесь хорошо. Ты не знаешь, как горят огни в большом городе. Они манят. Там милые, хорошие люди, у них тепло, мягко, играет музыка. Они вежливые и очень боятся смерти. А я иду по городу, и он весь мой. Почему же они там, а я здесь?» [Шукшин 2005: Т.3, 371]. Никитич, действительно, не знает воли. Обманувшись в молодости, теперь он выбирает свободу. Тайга с ее естественным течением жизни, отстраненностью от жадности наживы, материальных благ, лечит душу. И даже огромную тоску по Марье и семейному счастью он сумел если не побороть, то хотя бы усмирить.

Вторая оппозиция единение / сила органично переплетается с первой. Для участия в настоящей охоте требуются сила и напористость, исход битвы решается физическим превосходством, ловкостью и хитростью одного из противников. Именно так, быстротой и напором, Павел отбивает у Филиппа Марью. Обман и подлость предрешают физическую победу парня. Никитич (в фильме – Филипп) склонен к единению с природой, тайгой, понимает и принимает законы «естественной» жизни. Победу в итоге одерживает беглый парень, однако авторы фильма встают на защиту нравственности. Во избежание такого развития событий, при котором, по словам Шукшина, «пошел бы шагать по экранам еще один недоносок» [Шукшин 2009: 36], финал фильма демонстрирует возобладание природного начала: очевидно, парень погибает в схватке с голодными волками, охота которых оправдывается естественным желанием выжить.

Как было показано, киноинтерпретация шукшинской прозы – дело нелегкое и по большей части неблагодарное. Однако С. Никоненко успешно возрождает на экране его сюжеты и образы, актуализирует значимые для современной аудитории, в том числе для иностранных учащихся, мотивы, а в заключение предлагает напутствие маленькому внуку Филиппа, обобщающее поднятые Шукшиным и заостренные в экранизации проблемы: «Кто бы ты ни был: комбайнер, академик, художник – живи и выкладывайся без остатка. Старайся много знать, не жалуйся и не завидуй. Не ходи против совести. Старайся быть добрым и великодушным. Это будет завидная судьба...».

ЛИТЕРАТУРА

- Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. М., 1990.
- Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М., 1989. Т. 2.
- Заболоцкий А.Д. Шукшин в кадре и за кадром. Б.м.: Альпари, 1997.
- Зубова О.В. Проза В.М. Шукшина: текст и его кинематографическая интерпретация: дис. ... канд. филол. наук. М., 2016.
- Матвеев В.Э. Использование аутентичных видеоматериалов на практических занятиях по русскому языку в иностранной аудитории // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2010. № 2. С. 70-74.

- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Шукшин В.М. Собрание сочинений: В 4 т. / Сост. А.А. Храмов. М., 2005. Т. 3, 4.
- Шукшин В.М. Нравственность есть правда // Шукшин В.М. Собрание сочинений: в 8 т. / Под общ. ред. О.Г. Левашовой. Барнаул, 2009. Т. 8. С. 33-41.
- Щукин А.Н. Методика использования аудиовизуальных средств. М., 1981.
- «Охота жить» (2014) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.fast-torrent.ru/film/ohota-zhit.html>.
- Сергей Никоненко о кино, о Шукшине, о литературе, 2015 [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vesti22.tv/video/sergey-nikonenko-o-kino-o-shukshine-o-literature>.
- Фильм «Охота жить» (2014) – отзывы [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://otzovik.com/reviews/film_ohota_zhit_2014.

Olga V. Zubova
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
zubova.olgavlad@yandex.ru

«TRUTH MAY BE HARD»: THE INTERPRETATION OF SHUKSHIN'S PROSE IN ONE FILM VERSION

The article is devoted to the problem of the film versions analysis in aspect of teaching Russian as a foreign language. The author substantiated the movement from film to texts significance. The particular novels by V.M. Shukshin and the film «Desire for living» by S. Nikonenko are analyzed in the light of the problem appointed.

Key words: a film version; Russian as a foreign language; novels by V.M. Shukshin; the film «Desire for living» by S. Nikonenko; the words «truth», «morality», «hunt (and desire)», «freedom / will».

Савосина Людмила Михайловна
кандидат филологических наук, доцент
Московского государственного лингвистического университета, Россия, Москва
Lsavosina1@yandex.ru

**ПАРЕМИКА КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО
ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ
(ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ)**

В статье приводится фрагмент тематического занятия, проведенного с иностранными учащимися с целью формирования у них представления о богатстве духовной культуры русского народа, о разнообразии устного народного творчества, о национальной специфике русского языка.

Ключевые слова: русская культура; русский менталитет; русская картина мира; русский мир; фразеологические единицы; паремии.

Тема занятия:

«Из истории происхождения русских слов и словосочетаний» (фразеологизмы, пословицы, поговорки)

(основные курсы)

Дидактические задачи:

Образовательная: расширить знания обучающихся о фразеологизмах, пословицах и поговорках как устойчивых единиц русского языка; познакомить с тематическим многообразием и историей происхождения фразеологизмов и паремий; сформировать у обучающихся эстетический вкус; повысить речевую культуру; раскрыть красоту и ценность русских фразеологизмов и паремий.

Развивающая: активизировать и совершенствовать навыки и умения, необходимые для адекватной интерпретации русских фразеологизмов и паремий, а также для их правильного и уместного использования в речи.

Воспитательная: вызвать интерес к культуре России; воспитать уважение к русскому народу - творцу языка; сформировать культурно-языковую личность.

Методический комментарий

Формируемые компетенции

1. Языковая: лексическая, грамматическая: овладение языковыми средствами, присущими русскому фольклору. 2. Лингвистическая: овладение понятийно-категориальным аппаратом (понятиями лингвистика, фразеологические единицы, паремии). 3. Речевая: взаимосвязанное формирование навыков и умений аудирования, говорения, чтения, письма. 4. Лексикографическая: развитие умения пользоваться словарями (в частности, фразеологическим) и справочниками по русскому языку, культуре речи. 5. Компенсаторная: восполнение пробелов в навыках употребления русских фразеологизмов и паремий в речи. 6. Лингвопрагматическая: формирование умения использовать полученные знания о фразеологизмах и паремиях в разговорной речи в соответствии с коммуникативным намерением при ориентации на коммуникативную ситуацию. 7. Лингвокультурологическая: передача духовных и культурных ценностей через язык, в процессе общения; владение социокультурными знаниями, языковой картиной страны.

Методический комментарий

В целях достижения цели данного тематического занятия в первую очередь необходимо выяснить у обучающихся, как они понимают такие термины, как: «русский менталитет», «русская картина мира», «русский мир». В случае неточного понимания иностранными учащимися данных терминов преподаватель может провести с ними краткую беседу.

Наш язык – это наша судьба...

В.Г. Костомаров

Ход занятия

Методический комментарий

С вопросами обучающиеся ознакомлены заранее (ответы должны подготовить дома); здесь и далее приводятся краткие комментарии преподавателя как один из вариантов ответа (каждый преподаватель вправе подготовить «свои» замечания).

Коммуникативные задачи

1. Как вы думаете, актуальна ли тема нашего занятия сегодня?

[Фразеологизмы, пословицы и поговорки, словно барометр, способны отразить культурную (и не только) атмосферу своего времени.

При изучении русских фразеологизмов и паремий происходит познание языка на углубленном уровне, когда осуществляется не только изучение языка, но и познание русской культуры, русского менталитета, русской картины мира, реализуется межкультурная коммуникация...

У каждого народа своя культура, свой менталитет, своя философия, своя концептосфера. Во фразеологизмах и паремиях репрезентируются множество концептов, языковая ментальность. Но при их изучении выявляются не только различия, но и то общее, что характерно для разных народов. Это общее сближает национальные культуры и является «мостиком», при помощи которого происходит межкультурная коммуникация, так необходимая для сближения разных народов...]

2. Интересна ли данная тема занятия лично вам? Что дает вам изучение русской культуры, русского фольклора, русского языка?

[Изучая русскую культуру, русский язык, вы в то же время постигаете и свой родной язык, свою национальную культуру средствами русского языка научитесь грамотно выражать свои мысли, становитесь более коммуникабельными...

Согласны ли вы с высказыванием известного английского писателя Бернарда Шоу: «Мы лишь тогда ощущаем прелесть родной речи, когда слышим ее под чужими небесами!»].

3. Почему тема занятия не просто «Фразеологизмы, пословицы и поговорки», а «Из истории происхождения фразеологизмов, пословиц и поговорок?» Нужно ли нам знать историю происхождения фразеологизмов и паремий?

[Кто-то удачно сказал, что фразеологизмы, пословицы и поговорки – это явления мысли, языка и искусства. В самых выразительных, образных заложено как бы два смысла: один поверхностный, доступный каждому, и второй, который просматривается только при внимательном чтении или слышании, а иногда и после определенного раздумья...

Образ того или иного фразеологизма, пословицы или поговорки часто является зеркальным отражением фактов русской истории, фольклора и литературы. Это языковое зеркало во многом подсказывает нам ответ на извечный вопрос: «Правильно ли мы говорим?» ...].

4. Почему мы изучаем именно русские фразеологизмы и поговорки, а не фразеологизмы и поговорки, например, стран Европы, СНГ, Юго-Восточной Азии?

[Дело в том, что у россиян отношение к Слову традиционно более серьезное, чем у многих других народов. Известный русский врач, академик И.П.Павлов уверял, что вторичная сигнальная система, которой является язык, у русских оказывается первичной: «Мы, русскоязычные, видим мир не таким, как он есть, мы его видим только через слова»).

А русский царь Александр I отмечал: «Все народы живут по законам, только русский народ живет по пословицам и поговоркам». Действительно, это так. Вот некоторые примеры. Предвыборная кампания. Во время дебатов диктор телевидения комментирует поведение депутатов - претендентов на пост президента: «Ксения Собчак нашла ахиллесову пяту Жириновского», или диалог комментаторов спортивных соревнований на Олимпиаде: «По жребью наши играют с чехами. Это хорошо или плохо для русской команды? – Здесь палка о двух концах»...]. 5. Зачем мы изучаем фразеологизмы и поговорки?

[а) Говоря, например, о русских фразеологизмах, нужно учитывать одну чрезвычайно важную особенность: культурная информация языковых знаков имеет по преимуществу имплицитный характер, она как бы скрывается за языковыми значениями.

Например, фразеологизм «ни кола, ни двора, ни куриного пера» означает: нет ни своего двора, ни хозяйства, т.е. имеет значение «не иметь совсем ничего», а культурным знаком она становится, выражая следующую культурную установку: «недостойно человека не иметь своего дома и имущества». Именно благодаря ей появляется словарная помета – «презр.»;

б) многие фразеологизмы функционируют в речи как синонимы. Так, близкими по значению оказываются русск. «не иметь, где голову преклонить» и тайск. «одна голова как тощий чеснок.

Однако нередко бывает, что фразеологическая синонимия оказывается обманчивой, поскольку сходство по значению часто не означает сходство в употреблении. Дело в том, что не всегда принимается во внимание коммуникативная ситуация – социальный статус коммуникантов, характер отношений между ними, правила, диктуемые этикетом. Известно, что в основе поведения киргизов, узбеков, казахов и др. народов стран СНГ лежит этическое и моральное учение ислама, оно зафиксировано в их фразеологии. А в основе поведения тайцев, камбоджийцев, вьетнамцев и др. азиатских народов лежит этическое и моральное учение буддизма, оно также зафиксировано в их фразеологии. Это своего рода максимы поведения, хранящиеся в языковом сознании в яркой и образной форме....] и др.

Препод.: Можете ли вы дать другое название темы занятия? Ведь мы не только знакомимся с историей происхождения слов и словосочетаний, но и толкуем их значение, смысл, изучаем их структуру (после ответа обучающихся преподаватель предлагает свой вариант названия темы).

ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ДОРОГЕ «ЛИНГВИСТИКЕ»

На чем будем путешествовать? Предлагаю на лингвомобиле (Презентация).

План путешествия по дороге «Лингвистике»:

Деревня «Подумайкино» → Поселок «Жанры» →

Город «Фразеологизм» → Село «Краснословие».

Цель путешествия:

Увидеть богатство духовной культуры русского народа. Расширить знания о русских фразеологизмах, пословицах и поговорах; раскрыть их красоту и ценность.

Лингвистическая разминка:

Задание. Ответьте на вопросы.

1. Что такое лингвистика? 2. Как вы понимаете слово «фразеологизм»? 3. Какой термин используется для называния фразеологизмов, пословиц и поговорок? 4. Слова–термины «фразеологизм, пословица, поговорка – это синонимы? В чем их различие?

Задание. Ответить фразеологизмом. Как можно:

Сильно краснеть? (до корней волос); Крепко спать? Быстро бежать? Хорошо знать? Громко кричать?

Задание. Вопросы-шутки:

1. Из каких фразеологизмов можно заключить, что у человека не пара ног, рук, ушей, глаз, а много? 2. В каком фразеологизме упоминается таблица умножения? 3. Может ли вопрос заболеть? 4. Есть ли глаза у правды? 5. Какое кушанье бывает в голове у некоторых людей? 6. Какого цвета бывает тоска? 7. Какой бывает память?

Вступительное слово преподавателя.

Сегодня на лингвомобиле мы отправимся в увлекательное путешествие по дороге Лингвистике. Итак, первая наша остановка – деревня Подумайкино.

Препод.: Прекрасная деревня! И чем же она прекрасна? А вот, послушайте: Язык разум открывает; Недолго думал, да хорошо молвил; Кто говорит, тот сеет, кто слушает, тот собирает. Вот какие пословицы сложил народ о разуме человеческом. Богат русский язык, велик и могуч! У Валерия Брюсова, известного русского поэта, есть строки, дающие прекрасный образ родного языка: «Мой верный друг! Мой враг коварный! Мой царь! Мой раб! Родной язык!»

В этом образе все: и удивительное богатство нашего языка, и трудности овладения его тонкостями, и то, что каждый человек – хозяин своего языка, и то, что он обязан подчиняться законам этого языка. Сегодня в наших конкурсах и ваших ответах мы, надеюсь, увидим необъятность, прелесть и изумительную красоту русского языка.

Следующая наша остановка - поселок Жанры. Прочитайте диалоги. Какой разговор звучит ярче, эмоциональнее? Почему?

Вариант 1.

– Что вы делали вчера? – Ничего, разговаривали, сплетничали. – И мы целый день бездельничали. - Василий с вами был? - Был. Рассказал, как его отец отчитывал. Он же на уроках зевает и дома не работает.

Вариант 2.

– Что вы делали вчера? – Ничего. Языками чесали, косточки всем перемывали. И мы целый день баклуши били, из пустого в порожнее переливали. – Василий с вами был? – Был. Рассказал, как ему отец шею намылил. Он же на уроках ворон считает, а дома лодыря гоняет.

– Какие слова у вас вызывают улыбку? Как они называются?

– А теперь определите жанр следующих выражений: Семь раз отмерь, один раз отрежь. Работа не волк - в лес не убежит. Жить – родине служить. Под лежачий камень вода не течет. Кто не работает, тот не ест.

Сегодня наше занятие посвящается малым жанрам устного народного творчества: фразеологизмам, пословицам, поговоркам.... Давайте вспомним эти жанры. А для начала посетим город Фразеологизм.

Фразеологизмы (Презентация)

Студент 1: Фразеология как лингвистическая дисциплина возникла в русской науке в 40 – е годы XX столетия и неразрывно связана с именем известного русского лингвиста В.В.Виноградова. Фразеологизмы – это воспроизводимые в речи обороты, построенные по образцу словосочетания, они обладают целостным значением и сочетаются со словом.

Студент 2: Верно, это устойчивые несвободные сочетания слов, которые не создаются говорящим, а воспроизводятся в готовом виде; они обладают слитностью значения составляющих его слов и экспрессивностью. Фразеологизмы бывают разного рода. Что значит разного рода? Дело в том, что фразеологизмы весьма разнообразны по своему строению. Например:

а) глагольные (бить баклуши, ломать голову); б) именные (белая ворона; мал, да удал; во всю ивановскую); в) наречные (сломя голову; не покладая рук); г) построенные по типу предложения (медведь на ухо наступил) и др.

Преподаватель: Большая часть фразеологизмов имеет исторические корни, они появлялись в определенный исторический момент. Сегодня мы познакомимся с историей происхождения некоторых фразеологизмов. Это интересно. (Презентация). В Презентации представлено:

Слайд 1 – Происхождение фразеологизмов. Слайд 2 – Источники пополнения фразеологизмов. Слайд 3 - Фразеологизмы, возникшие в результате исторических событий. Слайд 4 - Фразеологизмы из народной речи (людей разных профессий).

Методический комментарий

Далее обучающиеся показывают подготовленное домашнее задание: значение и историю происхождения выбранных ими фразеологизмов.

Слайды 5–10: «Коломенская верста», «Казанская сирота»; «Водить за нос»; «Бить баклуши»; «Гол как сокол»; «Подложить свинью» и др.

Проведение конкурсов (слайды)

Методический комментарий

Для проведения конкурсов (мини КВН) обучающиеся делятся на 2 команды.

Даются задания типа:

«Построй фразеологизм»; «Аукцион» (Продаются слова: ум, голова, глаз); «Угадай» (Объясните значение сочетаний: обводить вокруг пальца ...); «Шарады» (Используя приемы пантомимы, изобразите следующие фразеологизмы: на седьмом небе...); «Кто больше» (нарисованы: язык, нос, ухо. Записать как можно больше фразеологизмов с изображенными предметами).; «Найди пару» (Из данных идиом составить антонимичные пары); «Исправьте неверно употребленные фразеологизмы («делать из комара слона; восемь четвергов на неделе; после снегопада в субботу) и др.

Затем идет Суперигра.

Участники суперигры должны объяснить значение выражений: ахиллесова пята, крокодиловы слезы, авгиевы конюшни, умыть руки, ломать копыя, бросать перчатку.

Препод.: Какой замечательный город Фразеологизм! Однако наше путешествие продолжается. Едем дальше. Куда? - В село Краснослобие. Пропустить это село просто невозможно. Итак, мы прибыли в удивительное село Краснослобие.

Пословицы и поговорки

(Презентация)

Студент 1: Пословицы и поговорки – это краткие изречения, которые метко и четко дают оценку какому – либо событию, поступку человека. Они выражают опыт многих поколений, помогают понять историю русского народа.

Студент 2: Поговорка – это краткий, образный языковой афоризм, который в отличие от пословиц не заключает в себе прямого поучения. Поговорки, как правило, имеют буквальный смысл. Например: “Поживем – увидим”, “Коса – девичья краса”, “В тесноте, да не в обиде”.

Препод.: Известный собиратель пословиц и поговорок В.И.Даль так определял поговорку: «... это одна первая половина пословицы». Чем же отличается пословица от поговорки? Прежде всего законченностью мысли. Поговорка выражает понятие, а пословица – суждение. Чаще всего это суждение имеет назидательный характер, выраженный образно (Лучше синица в руках, чем журавль в небе).

Препод.: Как давно возникли паремии? Пословицы и поговорки живут в народной речи века. Родились они в глубокой древности и отражают все стороны жизни народа. Некоторые из них дошли до нас в произведениях древнерусской литературы XI-XII веков: «Слове о полку Игореве», «Повести временных лет».

Как вы думаете, когда началось собирание пословиц? В XVI веке, а может и раньше, но записи того времени до нас не дошли. Первые рукописные сборники, дошедшие до нас, относятся к XVII - XVIII векам. Большинство составителей этих сборников неизвестно. Лишь со второй половины XVIII века сборники пословиц и поговорок стали печататься. О красоте, меткости, выразительности русских пословиц говорили и писали многие ученые-лингвисты, поэты и писатели.

Презентация (слайды)

Методический комментарий

На слайдах – портреты составителей сборников русских пословиц и поговорок: В.И.Даль, Ф.И.Буслаев, А.Н.Афанасьев, И.М.Снегирев и пословицы: «Что за роскошь, что за смысл, какой толк в каждой поговорке нашей! Что за золото!» (Пушкин); «Поговорка – цветок, пословица – ягодка» (Даль); «Жизнь без пословицы, что еда без соли» (Буслаев) и др.

Проведение конкурсов (слайды)

Конкурсы: «Найди вторую половинку»; «Закончи пословицу»; «Начни пословицу»; «Назови пословицу» (Сделать иллюстрацию к пословице, а остальные должны будут угадать); «Путаница» (Правильно расставить буквы в словах и прочитав поговорку или пословицу: Комсав ен сузар листасорь (Москва не сразу строилась...); «Ошибки наборщика» (Найти вторую половинку пословицы : Без труда не накинешь платок...) и др.

Конкурс. Прочитать подготовленный дома рассказ (стихотворение) на любую тему с использованием изученных фразеологизмов и паремий. Приведем наиболее интересный рассказ и стихотворение.

Рыбалка с друзьями

Лето. Утром встал ни свет ни заря. Решил не бить баклуши, а заняться полезным делом. Нельзя тратить зря драгоценное время. Это я зарубил себе на носу. Решил с утра пойти на рыбалку, но поймаю ли что – это на воде вилами писано. Надо хотя бы позвать приятелей Мишку и Сашку. Они друзья не разлей вода.

Али у доски повесил нос, / Краснеет до корней волос. / Он в этот час, как говорится, / Готов сквозь землю провалиться. / О чем же думал он вчера, / Когда баклуши бил с утра?

Пословицы других народов (слайд)

(Презентация)

Препод.: Пословицы и поговорки есть не только у русского народа, ведь главные вопросы жизни (добро и зло, родина, семья, дружба, трудолюбие и лень) волнуют всех людей, независимо от национальности.

Конкурсы: 1. «Соедини пословицы по смыслу» (даются русские и нерусские пословицы с одним и тем же значением).

2. «Переведите» на русский язык:

Сын леопарда – тоже леопард (Африка); Верблюда под мостом не спрячешь (Афганистан); Бойся тихой реки, а не шумной (Греция); Молчаливый рот – золотой рот (Германия); Тот не заблудится, кто спрашивает (Финляндия); Ошпаренный петух от дождя убегает (Франция); После обеда приходитя платить (Англия) ...

Подведение итогов.

Препод.: Итак, какую роль играют фразеологизмы, пословицы и поговорки в речи человека? Почему фразеологические единицы, паремии удерживаются в языке веками? Почему они вновь и вновь образуются в каждую эпоху? Например, сегодня, в XXI веке возникли фразеологизмы типа шустрый, как веник со свистом (о быстром и шумном человеке); урна привокзальная (о грязном, немытом человеке); огурец примирения (яблоко раздора); петух в печали (курам на смех) и др.

Методический комментарий

Целесообразно подведение итогов занятия самими обучающимися; преподаватель дополняет их высказывания своей оценкой.

Препод.: Фразеологизмы и паремии – это языковые единицы, представляющие собой сгусток культурной информации, позволяющие сказать многое, экономя языковые средства и в то же время добираясь до глубины народного духа, культуры.

Подшло к концу наше путешествие по дороге Лингвистике. Хотелось бы закончить его словами Этибор Ахуновой, узбекской поэтессы (слайд):

На столе моем – книги, много радостных книг!

Их открыл мне учитель – мудрый русский язык!

Он к сокровищам знаний – ключ волшебный в руке.

Говорю с целым миром я на том языке!

Вместе с нашим лингвистическим путешествием подошло к концу и наше занятие. Как вы думаете, достигнута ли цель нашего урока? (ответы обучающихся).

Препод.: Надеюсь, что после нашего занятия вы будете чаще использовать русские фразеологизмы и паремии не только в вашей учебной, но и в профессиональной и социальной жизни. Напомню высказывание известного русского писателя А.П.Чехова: «Путь к любой карьере усыпан цветами красноречия».

«Наград, медалей, орденов» не будет, потому что когда мы говорим о языке, то побеждённых и победителей нет, есть только великое, могучее СЛОВО (слайд).

В каждой душе слово живет, горит, светится, как звезда на небе, и, как звезда, погасает, когда оно, закончив свой жизненный путь, слетит с наших губ.

Тогда сила этого слова, как свет погасшей звезды, летит к человеку на его путях в пространстве и времени.

Бывает, погасшая для себя звезда, для нас, людей, на земле горит еще тысячи лет.

Человека того нет, а слово остается и летит из поколения в поколение, как свет угасшей звезды во вселенной.

М. Пришвин (русск. писатель)

ЛИТЕРАТУРА

Красных В.Н. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. – М.: Гнозис, 2002

Маслова В.А. Лингвокультурология. Учебное пособие. М., Изд. центр АН, 2009.

Меткое русское слово. – СПб.: ИД «Авалонъ», Изд. Дом «Азбука-классика», 2008.

Lyudmila M. Savosina

*PhD, Moscow State Linguistic
University, Moscow, Russia*

Lsavosinal@yandex.ru

PAROEMIAS AS AN EFFECTIVE MEANS OF CREATING COMMUNICATIVE COMPETENCE (EXPERIENCE OF PLANNING A LESSON)

This article contains a fragment of thematic sessions held with foreign students, with a view to develop their ideas about the riches of the spiritual culture of the Russian people, the diversity of oral national creativity, national specifics of the Russian language.

Key words: Russian culture; Russian mentality; Russian picture of the world; Russian world; phraseological units; reading.

Хомякова Елена Юрьевна

*кандидат филологических наук, доцент кафедры
русского языка как иностранного естественных
факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова*

khomjakov.sergey@mail.ru

Хомяков Сергей Александрович

*кандидат филологических наук, старший пре-
подаватель МГМСУ им. А.И. Евдокимова,
Москва, Россия*

khomjakov.sergey@mail.ru

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАДЕЖЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА)

В статье приводится типология ошибок, допускаемых учащимися при обучении русскому языку как иностранному на начальном этапе обучения, а также методические рекомендации по исправлению ошибок как во время урока, так и при самостоятельной работе учащегося. Рассматриваются также механизмы, отвечающие за формирования речи, и способы коррекции ошибок при нарушении конкретного механизма. В конце статьи предложена таблица, в которой отражены различия в предложно-падежной системе русского и персидского языков, что в свою очередь будет полезно начинающим педагогам и преподавателям, работающими с иранцами, при подготовке к уроку или при написании упражнений по русскому языку.

Ключевые слова: механизмы формирования речи, типология ошибок, коррекция и исправление ошибок, методика преподавания, персидский язык, русский как иностранный, предложно-падежная система

Русский язык, будучи синтетическим языком, обладает огромными возможностями для передачи различных значений, а также их коннотаций и является сложным не только с точки зрения изучения его как неродного (то есть учащихся), но и с точки зрения преподавания (то есть для преподавателей РКИ). Минимальной единицей урока по грамматике является упражнение, благодаря чему происходит усвоение грамматического материала, предлагаемого преподавателем.

Учащийся всегда – сознательно или неосознанно – обращается к своему родному языку, чтобы найти грамматическую форму, соответствующую цели высказывания, что зачастую приводит к появлению ошибки, которую преподаватель не мог предугадать, не зная родного языка учащегося. Задача преподавателя – при подготовке материала дать такие упражнения, чтобы во время работы на уроке после комментария преподавателя у учащегося сложилось необходимое представление о предложноподлежащих возможностях русского языка. «Предупреждение и преодоление грамматических ошибок в речи учащихся, – отмечает Т.А. Христолюбова, – учащихся должно опираться на педагогическое прогнозирование возможных грамматических ошибок учащихся определенного возраста на основе учета особенностей формирования грамматического строя их речи путем ознакомления учащихся с видами грамматических ошибок» [Христолюбова 2015: 71].

В связи с вышесказанным хотелось бы вспомнить так называемую «подстилающую методику, суть которой заключается в том, чтобы не дать учащемуся сделать ошибку. В принципе данную методику используют все преподаватели РКИ: при подготовке материала к уроку они стараются снять все языковые трудности (как на уровне фонетики и интонации, так и на уровне лексики и грамматики). Для этого обычно даются предтекстовые упражнения, которые условно делятся на фонетические (включая и интонационные) и грамматические, в которых снимаются все лексико-грамматические трудности. Новая грамматика всегда дается на знакомой лексике, а новая лексика – на знакомой грамматике. Комплекс предтекстовых и послетекстовых упражнений должен строиться так, чтобы у учащихся не было выбора в использовании в использовании определенной правильной формы. Этим минимизируется количество ошибок. Цель «подстилающей методики» – предупреждение ошибок. Всегда лучше ошибки предупреждать, а не исправлять их, тратя время. «Грамматическая система, – отмечает В.И. Остапенко, – второго языка запечатлевается в сознании взрослых учащихся лучше, если она предъявлена посредством сопоставления систем родного и изучаемого языков» [Остапенко 1987: 6]. В персидском языке, напри-

мер, в отличие от русского языка, используется при глаголе *поздравлять* дательный падеж, а не творительный. Кроме того, такие ошибки должен фиксировать преподаватель в своей тетради, чтобы «в определенное время специально остановиться на них, объяснить их причину и устранить эти ошибки в специально составленных тренировочных упражнениях» [Рожкова 1967: 211].

Материал для занятий условно делят на три существенно разных блока – информативный (тексты, диалоги, визуальный и аудитивный материал), языковой (фонетика, лексика, грамматика, стилистика) и инструктирующий (формулировка и объяснение правил использования единиц в речи, комментарии и инструкции к заданиям), поэтому логичной предстает классификация ошибок, предложенная Н.В. Кондрашовой: «по типу интерференции, по уровням языка, по виду речевой деятельности, по влиянию на понимание речи, по характеру происхождения» [Кондрашова 2015: 28]. Межъязыковая интерференция при несформированном навыке может спровоцировать ошибку, так как учащийся обычно думает на родном языке, а отвечает на русском.

Методы прогнозирования и предупреждения ошибок можно условно разделить на следующие категории: статистические, на основе машинного обучения и методы, основанные на фильтрации и математическое прогнозирование вероятности ошибки, однако в процессе обучения или подготовки учащегося эти методы предстают в виде некоего единства, позволяющего с определенной долей условности определить вероятность ошибки, но не причины, спровоцировавшие ее.

Традиционно выделяют шесть механизмов, отвечающих за формирование мысли, а следовательно, и речи на неродном языке. *Механизм репродукции* [Лебединский 2011: 233-234] отвечает за автоматическое воспроизведение готовых языковых конструкций, свойственных конкретному человеку в конкретной коммуникативной ситуации. *Механизм выбора лексики* напрямую связан с первым механизмом, однако принцип его функционирования заключается в следующем: в зависимости от той или иной ситуации от говорящего требуется определенный объем лексики, отвечающей решению коммуникативных задач. Не только лексика, но и конструкции могут меняться от места и ситуации; кроме того, огромное значение имеет психологическое

состояние говорящего, который, прибегая к ассоциативным связям и простым конструкциям, требующим минимальных временных затрат, использует частоупотребимую лексику. *Механизм комбинирования*, будучи одним из главных механизмов, показывает уровень владения языком, который проявляется не только в беглом использовании лексики, но и в умении реализовывать лексику в новых, еще незнакомых конструкциях. Благодаря этому механизму совершенствуются и развиваются первые два механизма. *Механизм конструирования* заключается в том, что говорящему самому в незнакомой ситуации приходится выстраивать или достраивать высказывание, несмотря на то что ни конструкции, ни лексика не входят в умения говорящего. Таким образом, чтобы решить коммуникативную задачу, ему приходится на уровне интуиции обращаться к языковой интуиции (или к родному языку). Очень часто при недостаточной сформированности данного механизма говорящий допускает ошибку, так как обратился не к принципам функционирования русского языка, а к родному языку, в котором может быть другой грамматический строй, другое глагольное управление, иная стилистическая окраска слова и т.д. *Механизм утверждения*, благодаря которому слова автоматически выстраиваются в цепочку в высказывании, является главным и основным. Развитый уровень данного механизма позволяет говорящему строить свою фразу, прогнозируя ее дальнейшую структуру и смысл. *Механизм дискурсивности* (стратегия и тактика речепорождения) является продолжением механизма утверждения, потому что отвечает за оперативность и точность реализации высказывания, а также позволяет ориентироваться в конкретной коммуникативной ситуации и адаптироваться к ней.

В зависимости от выбранного аспекта (письмо или говорение) отличается роль преподавателя в исправлении ошибок: при работе над структурой языка или ее предположно-падежной системой (в письменной форме) исправление всех грамматических ошибок является обязательным, однако при говорении, где перед преподавателем стоят совершенно иные задачи, внимание уделяется выполнению коммуникативных задач, умению бегло, быстро и оперативно решать как кратковременные (реплика, уча-

стие в диалоге), так и более серьезные задачи (монолог, объяснение, описание). Именно поэтому исправление грамматических ошибок отходит на второй план. Ошибки классифицируют на «слабые», не влияющие на понимание высказывания в целом, и «сильные», которые препятствуют его пониманию. Именно к таким ошибкам относится нарушение норм управления (ср.: ревновать мужа (в р.яз.) и ревновать к мужу (в персидском языке)). Ошибки такого типа могут приводить к противоположным значениям или даже часто к комическим ситуациям. Важное место в речевом акте учащегося занимает собеседник: если это преподаватель, то он всегда может откорректировать ошибку (например, переспросить учащегося, чтобы при помощи повтора правильной формы зафиксировать нужный падеж). Однако при общении вне стен аудитории учащийся сталкивается с двумя главными проблемами: во-первых, собеседник достоверно воспринимает информацию, предъявленную иностранцем на русском языке, а главное – не способен отличить ошибочное выбранное слово (или форму, падеж, предлог, союз и т.д.) и понять причину ошибки; во-вторых, учащийся оказывается в ситуации, когда никто не поможет ему «наводящими» вопросами, а будет требовать ответа именно на поставленный вопрос.

Чтобы избежать ошибок, связанных с нарушением механизма конструирования, сначала необходимо отработать предложно-падежную систему на глаголах, которые в персидском языке имеют такое же управление (носить, повторять, покупать и т.д.), как в русском языке, а затем, выработав у учащегося соответствующий навык, преподаватель может перейти к глаголам, употребление падежа после которых отличается от русского языка (жениться, отвечать и т.д.). Подбор материала (иллюстративный материал), а также упражнения, комментарии, диалоги и т.д. – все подразумевает огромную внеаудиторную работу преподавателя, что и позволит – не исключить, конечно, полностью – снизить количество ошибок.

Говоря о коррекции ошибки, важно отметить, что исправлять ее придется преподавателю, однако в наше время учащийся является полноценным участником учебного процесса, поэтому уместно корректором сделать того, кто и допустил ошибку (авто-

коррекция/самокоррекция). Как показывает практика, такое исправление, сопряженное с пониманием – активной деятельностью учащего, – становится в некоторых случаях более эффективным. При групповом обучении преподаватель может прибегнуть к помощи других участников учебного процесса. «На аудиторном занятии, – отмечает В.В. Добровольская, – контролирующая часть – это регулируемый преподавателем самоконтроль учащихся, направлены преподавателем, взаимоконтроль учебного коллектива, направляющий контроль преподавателя (параллельный или отсроченный). <...> При самостоятельной работе контролирующая часть – это поэтапный самоконтроль учащихся с опорой на ключи программы, неотсроченный или отсроченный корректирующий контроль преподавателя» [Добровольская 2015: 85].

Ошибки различаются по происхождению (системные, частотные, единичные, оговорки и – даже необычные – *сознательные*). Первый вид ошибок связан с незнанием грамматического строя незнакомого языка, поэтому учащийся не видит и не может исправить их. Второй вид ошибок – частотные – могут быть вызваны, во-первых, не сформированным навыком, во-вторых, обращением к родному языку – исправлять такие ошибки требуется преподавателю. Единичная ошибка свидетельствует о сформированном навыке и может быть вызвана сложным синтаксисом строимого предложения или факторами, повлиявшими на появление этой ошибки (волнение, радость, усталость). Оговорка – не ошибка! – чаще всего корректируется самим учащимся и не требует вмешательства преподавателя. Сознательная ошибка может появиться в двух случаях. Во-первых, учащийся, зная структуру предложения, анализируя ее, старается понять принципы функционирования языка (например, предложно-падежного управления) и допускает ошибку, чтобы почувствовать разницу и чтобы преподаватель объяснил ее студенту. Во-вторых, учащийся, зная все особенности функционирования лексико-грамматической единицы, допускает ошибку, чтобы вызвать комическую ситуацию. Обычно оговорки и сознательные ошибки характерны для студентов, которые знают не один иностранный язык и могут со-

поставлять грамматические структуры, и чаще всего эти учащиеся являются представителями определенной возрастной группы (старше 20 лет).

Псевдоошибка – это понятие стоит отнести к начинающим преподавателям, желающим научить всех русскому языку, а поэтому стремящимся исправить все ошибки, то есть это – предположение ошибки. Такая ошибка может появиться из-за инверсии или огромного потенциала русского языка (Ср.: В парк пошел на лавочку и В парке пошел на лавочку), поэтому к исправлению такой ошибки необходимо относиться, учитывая уровень языковой компетенции учащегося. Как уже говорилось, не любая ошибка требует коррекции, так как вторжение в высказывание учащегося иногда вызывает стрессовую ситуацию. Чрезмерное – и неоправданное! – исправление ошибки может привести к страху совершить ее, что сказывается и на скорости освоения материала и о «включенности» учащегося в образовательный процесс. Однако постоянное игнорирование ошибок недопустимо, так как исправление «затвержденных» ошибок, которые сформировались в навык, крайне сложно, а чаще всего невозможно.

Существуют различные способы¹ исправления ошибок. Остановимся, как нам кажется, на самых эффективных. Прямая коррекция ошибки и подразумевает исправление ее обычно без каких-либо комментариев, и на ошибке внимание не заостряется. *Прямая* коррекция ошибки может производиться также и с комментарием, исправление ошибки может проводиться по-разному: сначала преподаватель, исправив ошибку, несколько раз повторяет правильный вариант, а затем объясняет, в чем именно ошибся учащийся. В другом случае сначала отмечается ошибка и объясняется ее суть, а затем повторяется несколько раз нужная форма. Важно помнить, что повторение ошибки студента преподавателем не допускается, а также не всегда требуется комментарий к ошибке, например, если учащийся понял ее. *Пояснитель-*

¹ В некоторых пособиях предлагается еще один вид исправления ошибки – акцентное (выделительное) повторение ошибки учащего. На наш взгляд, такая коррекция может привести к запоминанию неправильной формы или к нарушению структуры формирующего навыка.

ная коррекция возможна в том случае, когда у учащегося сформирован навык самокоррекции, так как студент должен понимать, что ситуация непонимания преподавателем вызвана ошибкой, которую учащийся сделал и которую надо исправлять. Существует три вида подсказки. *Подсказка* – вид исправления ошибки, при котором преподаватель, последовательно используя синонимические конструкции и сочетания, подводит учащегося к правильной форме, то есть учащийся, прибегая к речевоспроизведению и речепостроению, погружается в структуру высказывания. *Терминологическая* подсказка основана на указании конкретного понятия или грамматического правила, на которое была допущена ошибка (например, четвертый падеж, прошедшее время и т.д.). *Визуальная* (место - машина и предмет) подсказка требует от преподавателя указания на конкретный предмет или место (например, если ученик путает предлоги *в* и *на* при обозначении места). Преподаватель также может прибегать к *ассоциативной* корректировке: выстраивается последовательная логическая цепочка (кататься на велосипеде, кататься на машине, поэтому кататься на лодке), благодаря которой учащийся видит механизмы, отвечающие за определенную грамматическую форму.

Форма коррекции грамматической ошибки зависит от формы упражнения – устное или письменное – и ситуации, в которой она допущена. В частности, фонетические ошибки [Короткова 2016: 178] традиционно исправляют на начальном этапе, позже их исправляют только в том случае, если они мешают пониманию [Хомякова, Хомяков 2016: 258-259]. В письменном упражнении преподаватель может предложить студенту найти ошибки и исправить их. Если они не были найдены, то преподаватель прибегает к одному из вышеуказанных способов исправления ошибок (в зависимости от ошибки преподаватель может комбинировать способы; использование ошибки при помощи одной формы коррекции приводит к монотонности занятия и быстрой утомляемости учащегося). В некоторых письменных формах (тест, контрольная, самостоятельная работа) учащийся контролирует свои ошибки, видя правильный вариант, написанный ранее преподавателем. В устном упражнении всегда следует исправлять ошибки, ведь главная цель – это законченное высказывание,

которое должно быть правильно понято слушающим, а некоторые формы коррекции ошибок могут не только исправить допущенную ошибку, но и расположить учащегося к диалогу.

В заключение хотелось бы сказать, что ошибка, допущенная учащимся, не является чем-то страшным, потому что дает преподавателю огромные возможности для работы с учащимся. Педагог должен понимать, что его роль – научить студентов неродному языку, а исправление ошибок – частная проблема, по-разному решаемая в каждой конкретной ситуации.

Иранским учащимся, в языке которых не такая сложная предложно-падежная система, как в русском, поэтому им трудно дифференцировать оттенки значений, в связи с тем, что русские падежи и вся предложно-падежная система выполняют огромные синтаксические функции. Далее предлагается сопоставительная таблица предложно-падежных форм при выражении конкретного значения в русском и персидском языках.

Благодаря данной таблице можно предупредить и избежать ошибку, ускорить процесс формирования навыков и умений, чтобы в дальнейшем не прибегать к коррекционным курсам, а также можно научить учащихся избегать неправильного падежа, следующего после глагола.

В таблице сопоставляется управление русских и персидских глаголов. Данная таблица будет полезна преподавателям, работающим с иранскими группами [Шоджаи Мохсен 2008].

Глагол	падеж в русском языке	падеж в персидском языке
Влиять	на + 4 В.п.	(без предлога) + 4 В.п.
Влюбляться	в + 4 В.п.	(без предлога) + 4 В.п.
выходить замуж	за + 4 В.п.	с + 5 Т.п.
Голосовать	за + 4 В.п.	(без предлога) + 3 Д.п.
Догадываться	о + 6 П.п.	(без предлога) + 4 В.п.
Допускать	4 В.п.	к + 3 Д.п.
жаловаться	на + 4 В.п.	о + 6 П.п.

заботиться	о + 6 П.п.	(без предлога) + 4 В.п.
болеть	5 Т.п.	из + 2 Р.п.
бояться	2 Р.п.	из + 2 Р.п.
бриться	5 Т.п.	с + 5 Т.п.
возражать	3 Д.п.	с + 5 Т.п.
выступать	в/на + 6 П.п.	в + 4 В.п.
выступать	против + 2 Р.п.	с + 5 Т.п.
гордиться	5 Т.п.	3 Д.п.
голосовать	за + 4 В.п.	к + 3 Д.п.
готовиться	к + 3 Д.п.	для + 2 Р.п.
грозить	3 Д.	4 В.п.
давать	4 В.п.; 3 Д.п.	4 В.п., к + 3 Д.п.
давиться	5 Т.п.	4 В.п.
дарить	3 Д. п.	к + 3 Д. п.
доверять	3 Д.п.	к + 3 Д.п.
дожидаться	2 Р.п.	4 В.п.
дотрагиваться	до + 2 Р.п.	к + 4 В. п.
желать	3 Д.п. 2 Р.п.	Для + 2 Р.п. 4 В.п.
жениться	на + 6 П.п.	с + 5 Т.п.
заботиться	о + 6 П.п.	4 В.п.
завтракать	5 Т.п.	4 В.п.
задавать	3 Д.п.	к + 3 Д.п.
закусывать	5 Т.п.	с + 5 Т.п.
заниматься	5 Т.п.	4 В.п.
записываться	в/на + 4 В.п.	для + 2 Р.п.
заражаться	5 Т.п.	с + 5 Т.п.
здороваться	с + 5 Т.п.	3 Д.п.
злоупотреблять	5 Т.п.	из + 2 Р.п.
интересоваться	5 Т.п.	с + 5 Т.п.
казаться	мне (3Д) интерес- ным (5Т)	3 Д.п.
касаться	2 Р.п.	4 В.п.
оклеветать	4 В.п.	о + 6 П.п.
кормить	4 В.п.	К + 3 Д.п.
кричать	2 Р.п.	Из + 2 Р.п.
лишать	4 В.п.; 2 Р.	Из + 2 Р.; 4 В.п.
лстить	3 Д.п.	4 В.п.
любоваться	5 Т.П.	К + 3 Д.п.

махать	3 Д.п.	Для + 2 Р.п.
мешать	3 Д.п.	4 В.п.
молчать	2 Р.п.	Из + 2 Р.п.
мстить	3 Д. п.	Из +2 Р.п. –человеку или причина?
награждать	4 В.п.; 5 Т.п.	К? + 3 Д.п.; 4 В.п.
надоедать	3 Д.п.	Из + 2 Р.п. человек или причина?
нападать	4 В.п.	К + 3 Д.п.
наполняться	5 Т.п.	4 В.п.
настаивать	На + 6 П.п.	Для +2 Р.п. Цель или объект?
настраиваться	На +4 В.п.	Для + 2 Р.п.
неметь	2 Р.п.	Из-за + 2 Р.п.
нравиться	1 И.п.; 3 Д.п.	4 В.п.
обижаться	На + 4 В.п.	С + 5 Т.п.
обмениваться	5 Т.п.	4 В.п.
обслуживать	4 В.п.	К +3 Д.п.
объявлять	4 В.п.; 3 Д.п.	4 В.п.; к + 3 Д.п.
объяснять	4 В.п.; 3 Д.п.	4 В.п.; к + 3 Д.п.
овладевать	5 Т.п.	К + 3 Д.п.
отвечать	3 Д. п.	К + 3 Д.п.
отказывать	3 Д.п.	к + 3 Д.п.
отказываться	От + 2 Р.п.	4 В.
отрывать	4 В.п.; 5 Т.п.	С + 5 Т.п.
отчитываться	Перед + 5 Т.п.	К + 3 Д.п.
платить	3 Д.п.	Для + 2 Р.п.
подаваться	3 Д.п.	С + 5 Т.п.
подсказывать	3 Д.п.	К + 3 Д.п.
подчёркивать	4 В.п.	3 Д.п.
поздравить	4 В.п.	3 Д.п.
превращаться	В+4 В.п.	3 Д.п.
предупреждать	4 В.п.	К + 3 Д.п.?
преодолевать	4 В.п.	3 Д.п.
просить-попросить	4 В.п.	Из + 2 Р.п.
пускать	4 В.п.	3 Д.п.
ревновать ¹	4 В.п.; к + 3 Д.п.	К + 3 Д.п.

¹ В персидском языке не представлено значение объекта-адресата: ревновать Аллу (к Максиму)

следить	За +5 Т.п.	4 В.п.
смеяться	Над + 5 Т.п.	3 Д.п.
стрелять	4 В.п.	3 Д.п.
торговать	5 Т.п.	4 В.п.
угнетать	4 В. п.	3 Д.п.
учить	4 В.п.	3 Д.п.

ЛИТЕРАТУРА

- Азимов Э. Г. Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков) / Э. Г. Азимов, А. Н. Щукин. Санкт-Петербург, 1999. – 472 с.
- Балыхина Т. М. Методика преподавания русского языка как неродного, нового. М., 2007. – 185 с.
- Василина В. Н. Способы коррекции ошибок при коммуникативно-ориентированном обучении иностранному языку / В. Н. Василина // Межкультурная коммуникация и профессионально ориентированное обучение иностранным языкам: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 89-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2010 г. / редкол. : В. Г. Шадурский и др. - Минск, 2010. С. 79-80.
- Дубровская Е. В. Методика преподавания иностранных языков. Минск, 2014. – 142 с.
- Климович Н. И. Ошибка как инструмент измерения речевой компетенции / Н. И. Климович // Лингвострановедение : методы анализа, технология обучения : 7 межвузовский семинар по лингвострановедению : сборник статей : в 2 ч. Ч. 1 : Языки в аспекте лингвострановедения / отв. ред. Л. Г. Веденина. – Москва, 2010. С. 248-258.
- Кузьмина Л. Г. Типология социокультурных ошибок в англоязычной письменной речи русских обучающихся / Л. Г. Кузьмина, В. В. Сафонова // Иностранные языки в школе. 1998. № 5. С. 31-34.
- Добровольская В.В. Самостоятельная работа учащихся в системе преподавания русского языка как иностранного // Урок в системе обучения русскому языку как иностранному. М., 2015. С. 85.
- Кондрашова Н. В. Прогнозирование и исправление студенческих ошибок при обучении иностранным языкам / Н. В. Кондрашова // Научный диалог. 2015. № 7 (43). С. 28.
- Короткова О.Н. Особенности японского акцента в русской звучащей речи // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М., 2016. С. 177-181.
- Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Мн., 2011. С. 233-234.

- Овчинникова Т. Е. Обучение иноязычной письменной речи студентов университета / Т. Е. Овчинникова // Вестник ОГУ. 2002. № 6. С. 141-144.
- Павловская Г. А. Социокультурные ошибки речеповеденческого плана при проведении презентации на английском языке / Г. А. Павловская // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2009. № 2. С. 155-157.
- Тишулин П. Б. Виды языковых ошибок и возможности их исправления при обучении иностранному языку / П. Б. Тишулин // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2012. № 1 (21). С. 132-137.
- Шевнин А. Б. Эрратология и межъязыковая коммуникация / А. Б. Шевнин // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и межкультурная коммуникация». 2004. № 2. С. 36-44.
- Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного. СПб., 2013.
- Лебединский С.И., Гербик Л.Ф. Методика преподавания русского языка как иностранного. Мн., 2011. С. 233-234.
- Леонтьев А.А. Методика (Заочный курс повышения квалификации филологов-русистов). М., 1988. С. 93-100.
- Остапенко В.И. Обучение русской грамматике иностранцев на начальном этапе. М., 1987. С. 6.
- Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М., 1989.
- Рожкова Г.И. Система и формы работы по развитию речи // Методика преподавания русского языка иностранцам / под ред. С.Г. Бархударова. М., 1967. С. 211.
- Федотова Н.Л. Методика преподавания русского языка как иностранного. СПб., 2013.
- Хомяков С.А., Хомякова Е.Ю. Отбор языкового материала, предназначенного для выработки речевых навыков и умений употребления лексики по языку специальности и репрезентирование материала на уроке // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М., 2017. С. 321-334.
- Хомяков С.А., Хомякова Е.Ю. Четырнадцать шагов в освоении иностранными учащимися русских звуков на начальном этапе обучения РКИ // Слово. Грамматика. Речь: Сборник научно-методических статей по преподаванию РКИ. – М., 2016. С. 258-271.
- Христолюбова Т.А. Место грамматических ошибок среди других ошибок // Вестник Марийского государственного университета. Йошкар-Ола, 2015. № 2. С. 71.

Шоджаи Мохсен. Пути и способы повышения эффективности обучения русскому языку как иностранному в Иране (начальный этап) // автореферат кандидата наук. М., 2008.

Elena Yu. Khomyakova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

khomjakov.sergey@mail.ru

Sergei A. Khomyakov

PhD, Evdokimov MSMSU, Russia, Moscow

khomjakov.sergey@mail.ru

**FORECASTING ERRORS IN THE USE OF CASES IN TEACHING
RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE
(IN COMPARISON WITH THE PERSIAN LANGUAGE)**

The article presents a typology of mistakes made by students when teaching Russian as a foreign language at the initial stage of training, as well as methodological recommendations for correcting errors both during the lesson and during the student's independent work. The mechanisms responsible for the formation of speech, and ways to correct errors in violation of a specific mechanism. At the end of the article, a table is proposed, which reflects the differences in the proposed case system of Russian and Persian languages, which in turn will be useful to novice teachers and teachers working with Iranians in preparation for the lesson or in writing exercises in Russian.

Key words: speech formation mechanisms, typology of errors, correction and correction of errors, teaching methods, Persian, Russian as a foreign language, the proposed case system.

Касько Наталья Николаевна
старший преподаватель кафедры рус-
ского языка для иностранных учащихся
гуманитарных факультетов МГУ имени
М.В. Ломоносова, Россия, Москва
katrin.jazz@gmail.com

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ

Статья посвящена проблемам обучения русской интонации иностранных учащихся на современном этапе развития практической фонетики. В ней рассмотрен круг проблем, связанных с усвоением учащимися различных типов ИК в текстах различной жанровой направленности.

Ключевые слова: иностранные учащиеся; интонация; звучащая речь; звучащий текст; интонационная единица; система оппозиций ИК; интонационная транскрипция; коммуникативная установка.

Практическая фонетика и интонации русской звучащей речи как один из аспектов РКИ начала формироваться в 60-е годы прошлого века. Изучение фонетической системы русского языка на основе анализа иностранного акцента в русской речи позволило создать целостное направление в обучении русскому произношению нерусских, которое имеет как теоретическую, так и практическую ценность. Учение об интонации, созданное Е.А. Брызгуновой, до сих пор составляет основу преподавания РКИ и позволяет осмыслить роль суперсегментных единиц при формировании высказывания [Брызгунова 1984]. Определение и классификация интонационных единиц (ИК), интонационная транскрипция звучащих текстов, их функциональная нагрузка в звучащей речи и в настоящее время составляют основу учебников и практических пособий по РКИ.

Известно, что анализ русской звучащей речи на коммуникативном уровне невозможен без изучения парадигмы интонационных реализаций, поэтому актуальной проблемой обучения русскому произношению является не только работа над артикуляци-

онной базой отдельных интонационных единиц, но и их функциональная разновидность в речи. Эта проблема особенно важна на продвинутом этапе обучения произношению нерусских. Понятие ИК, включающее не только материальную сущность интонационной единицы, но и ее коммуникативную значимость, рассматривается как единое целое в системе восприятия и воспроизведения русской звучащей речи. Фонологический принцип определения статуса ИК, основанный на выделении дифференциальных признаков каждой ИК (система оппозиций), составляет основу формирования методологии обучения русской интонации в основном на начальном этапе. Задачей современного обучения интонации в аспекте РКИ является, с одной стороны, изучение системы варьирования ИК в соотношении с эмоционально-стилистической направленностью русской звучащей речи, с другой, – выбор инварианта при определении коммуникативной нагрузки высказывания. Такие направления при изучении интонации могут быть представлены как в системе упражнений, основанных на свойствах алгоритма развертывания в нейтральных реализациях ИК (*Снег¹ вьтал. Холодно. Какой⁵ обед⁵ вкусный. Откуда² ты это знаешь?*), так и в системе собственно эмоциональных реализаций, где доминирующей единицей является нейтральный тип ИК (*И он не позвонил³? И он не позвонил³? В троллейбусе контролёр¹. В троллейбусе контролёр¹).*

В настоящее время, когда уделяется значительное внимание изучению коммуникативных средств языка [Безяева 2002], особенно важным является определение роли интонации при формировании коммуникативного значения высказывания. Основным материалом выявления функций интонации в различных целеустановках является звучащий текст.

В практике РКИ звучащий текст может быть представлен, прежде всего, как в диалогической, так и в монологической разновидности. Анализ различных типов звучащих текстов определяет потенциальную возможность интонационных средств языка оформлять ту или иную целеустановку. Например, при выражении вопроса могут участвовать нейтральные реализации ИК-2 (*Откуда² ты приехал? Ско́лько работ ты написал?*), ИК-3 (*Ты*

сдал³ реферат? Сегодня³ будет лекция?), ИК-7 (Куда⁷ ты уходишь?! (Ведь еще семинар будет.) Как⁷ это ты не знаешь?! (Об этом говорили на занятии.)), при выражении оценки – ИК-5 (Какой⁵ материал трудный! (Два дня пытаюсь разобраться.) Как же тебе повезло!⁵ (Отвечал первым.)), ИК-6 (Столько⁶ ошибок! (Придется переписать работу.) Как⁶ лекция затянулась.), ИК-7 (Хорошо⁷ все-таки, что пораньше отпустили. Затянулась⁷ зима в этом году.), при выражении незавершенности – ИК-3 (Я³ приду³ / через¹ неделю. Он уехал³ / на весь¹ месяц.). Но в то же время в зависимости от жанра текста, его эмоциональной насыщенности алгоритм развертывания каждой нейтральной единицы ИК может быть расширен за счет ряда эмоциональных реализаций. Здесь возникает вопрос: есть ли предел в порождении этих эмоциональных реализаций? Каков принцип выбора инварианта в эмоциональных рядах и какова их классификация? Эти очень важные в теоретическом отношении вопросы имеют прямое отношение к практике обучения интонации в системе РКИ.

Изучение алгоритма развертывания эмоциональных реализаций может быть сравнимо с позиционными изменениями фонемы на перцептивном уровне. Порождение эмоциональных реализаций несомненно связано с общим развитием русской звуковой системы в целом и, безусловно, зависит от жанровых и эмоционально-стилистических характеристик текста [Артемова 1977].

Как показывает практика анализа звучащих текстов, взаимодействие нейтральных и эмоциональных реализаций ИК можно определить не только методом слухового анализа, но и прогнозировать, исходя из потенциальных возможностей текста. В связи с этим появляется еще одна очень важная проблема: определение интонационной нормы произношения. Понятие нормы произношения традиционно относят к правилам реализации различных звуковых единиц, что зафиксировано в орфоэпических словарях. Что касается интонационной нормы произношения, существуют лишь наблюдения о том, каков набор интонационных средств, ха-

рактизирующих различные эмоционально-стилистические и жанровые разновидности текстов (дикторская речь, речь актеров, научная речь).

В связи с этим в обучении РКИ, особенно если иметь в виду профессиональную подготовку обучаемых (филологи / нефилологи), эта проблема становится актуальной, так как мы готовим специалистов, которые должны уметь пользоваться интонационными средствами.

Возникает вопрос: надо ли знать иностранцу эмоциональные реализации ИК или интонационную норму их произношения? Ответ на этот вопрос зависит от цели обучения интонации и уровня владения языком. Поскольку мы говорим о продвинутом этапе обучения, когда закончена работа над постановкой артикуляционной базы основных типов ИК и осуществлен переход к анализу звучащих текстов, следует научить учащихся слышать те или иные эмоциональные реализации на фоне нейтральных, не закрепляя их в речи. Ведь изменение артикуляционно-акустического рисунка в эмоциональных реализациях, их особая нагрузка может привести к нарушению процесса коммуникации. Изучение эмоциональных реализаций в их соотношении с нейтральными реализациями ИК позволяет расширить способы выражения различных эмоционально-стилистических оттенков звучащей речи и может наглядно показать взаимодействие эмоциональных типов ИК с лексико-грамматической структурой высказывания. Например: Возьми¹ зонтик (а то дождь будет), Лекция была¹ (а ты не пришла), Куда²? (Нельзя! Стой!).

Особое место в обучении интонации нерусских занимают звучащие тексты: текст-транскрипция, возможные варианты, собственная интерпретация [Брызгунова 1984].

В системе обучения РКИ работа со звучащими текстами начинается на начальном этапе обучения, когда постановка артикуляции ИК взаимосвязана с минимальной структурой текстов и постановкой отдельных звуков (вопрос – ответ, монологический текст). На продвинутом этапе обучения интонации тексты усложняются и, в зависимости от контингента учащихся (филологи / нефилологи), могут дифференцироваться.

Изучение (анализ) звучащих текстов с точки зрения реализации в них интонационных средств предполагает умение прочитать или записать текст в интонационной транскрипции. Уже определены основные методические приемы работы со звучащими текстами (пособия по звучащей речи). На основе анализа текстов разных стилей и жанров могут быть определены общие тенденции употребления различных интонационных средств. Например, употребление ИК-2 в предложении с вопросительным словом (*Откуда² ты приехал? Сколько² работ ты написал?*); ИК-5 (*Какой⁵ материал трудный! Два дня пытаюсь⁵ разобраться.*) *Как⁵ же тебе повезло⁵!* (*Отвечал первым.*)), ИК-6 (*Столько⁶ ошибок! Придется⁶ переписать работу.*) *Как лекция⁶ затянулась.*), ИК-7 (*Хорошо⁷ все-таки, что пораньше отпустили. Затянулась⁷ зима в этом году.*) – при выражении оценки; ИК-2 (*Открой² дверь! Поставь² на место!*), ИК-3 (*Открой³ дверь. Поставь³ на место.*) – при выражении императива, принцип синтагматического членения речи, функция позиционного изменения центра ИК, кроме общих тенденций. В то же время каждый текст имеет свою специфику в интонационной сфере.

В научном тексте, например, могут быть неуместны те реализации ИК, которые возможны в художественном тексте (например, ИК-6, ИК-7 – различные эмоциональные реализации). Таким образом, анализ звучащих текстов создает возможность выявить предпочтительные варианты интонационных реализаций, которые и служат образцами обучения произношению в системе РКИ.

На основе общих тенденций реализации интонационных средств созданы специальные упражнения, в которых отрабатывается употребление этих интонационных средств в текстах различных стилей и жанров.

Результатом такой работы является появление у учащихся навыка самостоятельно «озвучивать» тексты, то есть записывать их в интонационной транскрипции, что может свидетельствовать об успешном усвоении материала.

В заключение следует сказать, что современный этап обучения русской интонации требует особого внимания к изучению

роли интонационных средств в текстах различной жанровой и эмоционально-стилистической направленности, так как только в сочетании с этими средствами можно определить коммуникативную установку говорящего и слушающего. Все перечисленные проблемы находятся на стадии изучения и эксперимента.

ЛИТЕРАТУРА

Артемова О.А. Материалы для слухового анализа русской звучащей речи. / Междунар. семинар преподавателей рус. яз. заруб. стран. Отделение по преподаванию рус. яз. иностр. учащимся при филол. фак. МГУ. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977 г.

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002 г.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984 г.

Natalia N. Kasko
Lomonosov MSU, Russia, Moscow
katrin.jazz@gmail.com

PECULIARITIES OF RUSSIAN INTONATION TEACHING TO FOREIGN LEARNERS AT THE MODERN STAGE OF PRACTICAL PHONETICS DEVELOPMENT

The present paper is devoted to the problems of Russian intonation teaching to the foreign learners at the modern stage of practical phonetics development. It covers various aspects connected with the ability of learners to acquire different types of intonation constructions in different texts.

Key words: foreign learners, intonation, oral speech, oral text, unit of oppositions of intonation constructions (ИК), intonation transcription, communicative message.

Касько Наталья Николаевна
старший преподаватель кафедры русского языка для иностранных учащихся гуманитарных факультетов МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
katrin.jazz@gmail.com

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА И ИНТОНАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ

Статья посвящена истории вопроса обучения произношению иностранных учащихся. В ней рассмотрены главные направления школы практической фонетики и интонации, основополагающие работы данных направлений.

Ключевые слова: школа практической фонетики, традиция, интонация, иностранный акцент, иноязычная фонетическая система, анализ акцента, интонационные средства, постановка произношения.

Практическая фонетика и интонация русского языка как один из аспектов обучения русскому языку иностранцев создавался на кафедре РКИ филологического факультета МГУ. Школа практической фонетики и интонации имеет свою давнюю историю и сформировавшиеся направления и традиции. Благодаря работам Е.А. Брызгуновой, первые из которых появились еще в 60-е годы прошлого века [Брызгунова 1963; Брызгунова 1977], были определены основы функциональной фонетики и интонации в аспекте РКИ и главные направления, по которым этот аспект развивается до настоящего времени. Впервые в результате анализа различных типов иностранного акцента в русской речи была определена система типологических особенностей русской артикуляционной базы на уровне звуков, слога, фонетического слова и интонации в сопоставлении с разными иноязычными системами. Фонетисты-практики, работающие над устранением иностранного акцента в русской речи, изучали его не только с точки зрения проявления идиоматических свойств, но, прежде всего, на основе типологических особенностей русской фонетической системы. На этой основе построены многие учебные пособия того времени [Масловская, Савицкая 1970]. Акцент рассматривался

как сложное и многоплановое явление, возникающее в результате взаимодействия двух и более языковых систем, имеющее различную динамику развития и типологические особенности. В эти годы формируются методы слухового и инструментального анализа иностранного акцента в русской речи. До сих пор известна и используется на семинарах и лекциях магнитная запись, сделанная Е.А. Брызгуновой: «Материалы по слуховому анализу для русских преподавателей» (1963 – 1964 гг.).

Если в начале шестидесятых годов прошлого века создавалась основа методологии постановки произношения отдельных звуков, слогов, фонетического слова, разрабатывалась система своеобразных приемов постановки артикуляции, определялись позиционные закономерности чередования звуковых единиц в связи с постановкой произношения, то в конце 60-х, начале 70-х годов Е.А. Брызгуновой была открыта и введена в практику обучения произношению иностранцев система интонационных средств русского языка. Надо отметить, что именно обучение русскому произношению, работа над устранением иностранного акцента в русской речи определила возможность и создала предпосылки к появлению особого раздела фонетики – «интонация», который стал частью Академической грамматики 1980 года.

Создание системы ИК имело не только теоретическую, но и практическую ценность, т.к. появились более совершенные методы устранения иностранного акцента в русской речи, которые используются до настоящего времени.

Изучение интонационных средств языка и их взаимодействие с другими языковыми уровнями (лексика, грамматика) расширило функции практической фонетики за счет включения в систему обучения произношению артикуляционной базы предложения и выявления его значения на основе анализа коммуникативных средств языка. Любое пособие по практической фонетике и интонации русского языка включает не только материал, связанный с постановкой артикуляции отдельных звуковых единиц, но также имеет разделы, связанные с артикуляционной базой, ритмикой звучащего предложения, постановкой и реализацией различных типов ИК и содержит анализ звучащих текстов.

Анализ звучащих текстов создает возможность не только выявить роль различных интонационных средств языка при выражении эмоционально-стилистических оттенков в речи, но и, прежде всего, определить коммуникативную установку звучащего предложения. Это направление в практической фонетике русского языка особенно активно стало развиваться в 80-е годы прошлого века, когда появилась работа Е.А. Брызгуновой «Эмоционально-стилистические оттенки русской звучащей речи» [Брызгунова 1984].

В настоящее время в учебных пособиях по практической фонетике русского языка, издаваемых на кафедре РКИ филологического факультета, используется звуковой материал для анализа роли интонационных средств в текстах разных стилей и жанров, с одной стороны и, с другой, – для определения коммуникативной установки слушающего и говорящего. Актуальной проблемой при определении роли интонационных средств языка в их стилистической и эмоциональной разновидности является определение вариативного ряда конструкций, выражающих эту разновидность. Работа со звуковым материалом включает такое понятие как «интонационная вариативность», что связано с выявлением соотношений между нейтральными и эмоциональными типами ИК, а также с определением системы звуковых единиц, характеристика каждой из которых определяется всеми ее членами [Безяева 2002]. При формировании конкретных значений целеустановок важнейшим составляющим коммуникативного уровня являются позиция говорящего и позиция слушающего. Установление соответствия между этими позициями является важнейшим аспектом работы в иностранной аудитории на современном этапе развития практической фонетики и интонации русского языка.

Работы Е.А. Брызгуновой содержат в себе такой богатый научный потенциал, который будет обогащать школу практической фонетики не одно десятилетие. В настоящее время постоянно развивающийся аспект практической фонетики и интонации русского языка включает в себя не только практические занятия по устранению иностранного акцента в русской речи, но и лекционные курсы, спецсеминары, аспектные занятия, которые ежегодно проводятся на международных курсах русского языка для

разного контингента слушателей (студенты (Япония), преподаватели-русисты (Америка), стажеры, аспиранты (Европа, Китай, Корея)).

Главным определяющим в работе любой системы является время, которое выявляет надежность, фундаментальность основ, заложенных в системе, актуальность направлений и четкое осмысление понятий, разработанных этой системой. Школа, созданная Е.А. Брызгуновой, до настоящего времени работает именно в этой системе.

ЛИТЕРАТУРА

Безяева М.Г. Семантика коммуникативного уровня звучащего языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002 г.

Брызгунова Е.А. Звуки и интонация русской речи. – М.: Русский язык, 1977.

Брызгунова Е.А. Практическая фонетика и интонация русского языка. Пособие для преподавателей, занимающихся со студентами. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963.

Брызгунова Е.А. Эмоционально-стилистические различия русской звучащей речи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1984 г.

Масловская Л.М., Савицкая В.И. Пособие для занятий по фонетике и интонации русского языка. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970.

*Natalia N. Kasko,
Lomonosov MSU, Russia, Moscow
katrin.jazz@gmail.com*

RUSSIAN PRACTICAL PHONETICS AND INTONATION AS ONE OF THE ASPECTS OF RUSSIAN LANGUAGE TEACHING TO FOREIGNERS

The present paper is devoted to the history of foreign learners pronunciation teaching. It concentrates on the main trends of practical phonetics and intonation school and key research works dedicated to these problems.

Key words: practical phonetics school, tradition, intonation, foreign accent, foreign language phonetic system, accent analysis, means of intonation, pronunciation training.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Ковалевская Татьяна Вячеславовна
доктор филологических наук, профессор ка-
федры иностранных языков факультета
международных отношений и зарубежного
регионоведения Историко-архивного инсти-
тута Российского государственного гума-
нитарного университета, Россия, Москва
tkowalewska@yandex.ru

«СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И СКАНДИНАВСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ¹

В статье рассматривается проблематика скандинавского влияния в «Слове о полку Игореве», проблемы философской антропологии европейского и русского эпоса, а также значимость «Слова» для русского самосознания и определения в рамках европейской культуры. Устанавливаются формальные признаки, объединяющие «Слово» с германской эпической традицией: аллитерация и кеннинги. Указываются сходные черты эпического сюжета в германском и русском эпосе: историческая основа, мифологизированная как поиск самообожения, судьба и слава как смерть, абсолютное господство князя над дружиной, провал героического предприятия. Также акцентируются черты, отличающее «Слово» от германского эпоса: осуждение князя за грех гордыни, отрицание славы-смерти как языческого явления, физическое спасение героя и его духовное спасение по

¹ Я выражаю искреннюю благодарность Т.Л. Шенявской за плодотворное обсуждение данной темы. Особую признательность выражаю Александру Познанскому, сотруднику библиотеки Йельского университета, за предоставленные фотокопии статей Д.М. Шарыпкина (1973) и Д.И. Чижевского, как оказалось, отсутствующие в основных научных библиотеках Москвы и Санкт-Петербурга. Благодарю профессора Нину Перлину (Университет Индианы) за обсуждение темы кеннингов в «Слове» и за замечание о близости «мыси на древе» и белки Рататоск, сделанное еще в 2001 г. Благодарю моего научного руководителя профессора Томаса Венцлову и руководителя докторантуры Йельского университета (1995–2000) профессора Харви Голдблатта за высказанную ими поддержку моих размышлений и за возможность изучать древнеисландский язык и средневековую скандинавскую литературу как часть моих докторантских штудий.

милости Божией. Делается вывод о том, что «Слово», являясь частью европейской эпической традиции, одновременно демонстрирует своеобразные черты, отличающие русскую культуру от родственных культурных форм. Для студента-иностранца, изучающего русский язык и культуру на продвинутом уровне, знакомство со «Словом» станет полезным введением в ключевые узлы проблематики русской культуры.

Ключевые слова: аллитерация, кеннинги, самообожение, грех гордыни, князь и дружина, покаяние, спасение.

Данная работа написана с точки зрения философской антропологии и посвящена прежде всего проблеме целеполагания человека героического, т.е. либо мифологического или мифологизированного¹ персонажа героического эпоса, либо исторического лица, сопоставляемого, прямо или косвенно с эпическими героями. Эта проблема одновременно и предельно абстрактна, и предельно практична и релевантна для любого мыслящего человека в любое время. Изучение любого иностранного языка, в том числе русского, в пределе также приходит к проблеме целеполагания культуры, частью которой является изучаемый язык. Известный психолог Виктор Франкл писал:

Один широко известный психиатр как-то заметил, что западное общество повернулось от священника к доктору. Другой психиатр жалуется, что в наше время слишком много пациентов приходит к врачу с такими проблемами, с которыми нужно было бы обращаться к священнику. Пациенты постоянно приходят к нам с проблемами, связанными с поиском смысла жизни <...> Психологический анализ говорит о *принципе удовольствия*, индивидуальная психология – о *стремлении к статусу*. Принцип удовольствия может быть обозначен как *воля к удовольствию*; стремление к статусу эк-

¹ Т.А.Михайлова очень удачно писала о «социомифологическом статусе» героя [Михайлова 1994: 173]. Есть ситуации, в которых невозможно, например, без тени сомнения утверждать историчность или мифологичность эпического героя. В числе сугубо мифологических героев можно назвать, например, Хагена из немецкой «Песни о нибелунгах» и, по-видимому, Сигурда/Зигфрида, хотя А.Я. Гуревич указывает в комментариях к поэме попытки найти его исторических прототипов, например, короля Сигиберта [Беовульф 1976: 718]. Если у англосаксонского Беовульфа и был исторический прототип (что вероятно), установить его неопровержимо весьма затруднительно. Напротив, персонажи вполне мифологизированные имели четко установленных прототипов. Так, для Аттилы/Этцеля им был Аттила, а для Гуннара/Гунтера – бургундский король Гундахарий.

вивалентно *воле к власти*. Но где же то, что является наиболее глубоко духовным в человеке, где врожденное желание человека при- дать своей жизни так много смыслов, как только возможно, актуа- лизировать так много ценностей, сколь это возможно, – где то, что я назвал бы *волей к смыслу*? [Франкл 2000: 11-12]

Человек не только (в силу воли к смыслу) смысл ищет, но и находит его тремя способами. Вначале он видит смысл в том, чтобы делать что-либо, что-то создавать. Затем он видит смысл в том, чтобы что-либо переживать или кого-нибудь любить. И на- конец, при определенных обстоятельствах он видит некий смысл даже в той безнадежной ситуации, которой не в силах что-либо противопоставить. <...> Твердость и психологическая установка позволяют ему проявить нечто, на что способен только человек, – превратить страдания в победу [Франкл 2000: 280-281]

Таким образом, целеполагание, совершаемое в высшей сте- пени абстракции, оказывается одним из наиболее практических, прикладных деяний человека. Оно нужно ему, как одно из основ- ных условий существования. Поиск смысла и определение своей роли в достижении этого смысла есть основное качество человека.

Это целеполагание совершается, осмысляется и транслиру- ется единственным доступным человеку средством – с помощью языка и речи, фиксирующих целеполагание в культуре, записы- вающих, прямо или косвенно, его эволюцию.¹ Язык – наш основ- ной инструмент познания, формулирования и прямого описания либо косвенной передачи целеполагания. Изучение любого ино- странного языка неизбежно порождает сравнения с родным язы- ком, изучение чужой культуры порождает более глубокое осмыс- ление культуры собственной.

Один из основоположников современной лингвистики Фер- динанд де Соссюр, проводя различие между языком (*langue*) и ре- чью (*parole*), писал: «Изучение речевой деятельности распадается на две части; одна из них, основная, имеет своим предметом язык, то есть нечто социальное по существу и независимое от инди- вида; это наука чисто психическая; другая, второстепенная,

¹ Косвенные формы фиксации целеполагания наиболее интересны для исследо- вателей, поскольку их нужно не столько просто констатировать, сколько рас- шифровывать, вычлняя из различных данных, в основном, из текстов, не явля- ющихся философскими трактатами. Но это приводит к выводам, открытым для споров и дебатов.

имеет предметом индивидуальную сторону речевой деятельности, то есть речь, включая фонацию; она психофизична. Несомненно, оба эти предмета тесно связаны между собой и предполагают друг друга: язык необходим, чтобы речь была понятна и тем самым была эффективна; речь в свою очередь необходима для того, чтобы сложился язык; исторически факт речи всегда предшествует языку. Каким образом была бы возможна ассоциация понятия со словесным образом, если бы подобная ассоциация предварительно не имела места в акте речи? С другой стороны, только слушая других, научаемся мы своему родному языку; лишь в результате бесчисленных опытов язык отлагается в нашем мозгу. Наконец, именно явлениями речи обусловлена эволюция языка: наши языковые навыки изменяются от впечатлений, получаемых при слушании других. Таким образом, устанавливается взаимозависимость между языком и речью: язык одновременно и орудие и продукт речи» [Соссюр 1999: 26–27].

Таким образом, изучение языка есть изучение актов речи, помещенных в соответствующий исторический и культурный контекст. Как и связанные между собой язык и речь, так и язык/речь и культура/история составляют неразрывное единство, и понимание их развития тесно связано друг с другом. Язык существует во множестве речевых актов на протяжении всего существования языкового сообщества, а также и после его исчезновения (мертвые языки). Но каждый речевой акт укоренен в конкретной исторической и культурной среде и понимается только при условии хотя бы частичного совпадения горизонтов ожидания автора и читателя¹. Одновременно понимание развития «речевых актов» в

¹ Этот термин был введен в рамках констанцской школы интерпретации текста в работах В. Изера и Х.Р. Яусса. Он означал определенный набор знаний и ожиданий, существующий у читателя в конкретный исторический момент времени. Автор учитывает этот «горизонт ожиданий» и одновременно может нарушить эти ожидания, представив читателю нечто новое [Хализев 2002: 115-117]. Понятие «автор» может иметь различные значения. Следует отличать анонимные произведения от произведений, принадлежащих к т.н. открытой традиции (о ней применительно к древнерусской литературе неоднократно писал итальянский славист Р. Пиккио и его ученики и последователи), т.е. такой традиции, где текст был открыт постоянным переработкам в ходе бытования. Классические примеры открытой традиции: средневековая литература, фольклор. Однако

контексте истории и культуры является залогом понимания истории и культуры в настоящем.

В русской истории и культуре есть ряд «узлов», сосредотачивающих в себе комплекс основных проблем и вопросов, определяющих самосознание людей и, в свою очередь, воплощающихся в речевых актах, складывающихся в изучаемый язык. Они представляют собой особый интерес для тех, кто изучает русский язык с целью понимания и исследования особенностей и закономерностей русской культуры как в современной синхронии, так и в диахронии.

Одна из ключевых проблем отечественного самосознания – это проблема соотношения русской и европейской культур, обретшая немеркнущую актуальность в своем последнем изводе, начиная с эпохи радикальных преобразований Петра I, и сохраняющая настоящую релевантность для современных россиян – и не только для них. За последние несколько месяцев широкий резонанс в российском обществе вызвали замечания патриарха Кирилла, который высказал мнение, что причины Октябрьской революции кроются в событиях, произошедших за 200 лет до нее. «Если отмести всю политическую конъюнктуру, связанную с событиями столетней давности, если отрешиться от этого идеологизированного взгляда, то этим беспристрастным взглядом мы многое увидим. И поймем, что начало наших национальных болезней, приведших к катастрофе столетней давности, началось не за год, не за пять и не за десять, а как минимум почти за двести лет, а может быть, даже и более, когда стали разрушаться духовные основы жизни нашего просвещенного общества, так называемой элиты <...> *когда люди потеряли внутренний суверенитет,*

элементы такой традиции сохранялись, например, в елизаветинском театре: Шекспир, Бомонт и Флетчер и другие драматурги перерабатывали произведения друг друга. Тем не менее некий общий «горизонт ожидания» условного «автора» сохранялся как «культурный код», свойственный конкретной историко-культурной ситуации и определенной группе населения (О различии мировосприятия у разных социальных групп я писала примечательно к изучению творчества Ф.М. Достоевского [Бузина 2011]).

отдав свой разум и душу тому, что приходило извне, воспринимая эти сигналы извне абсолютно некритически, подверстывая под эти идеи свою веру, свое мировоззрение, свой взгляд на жизнь». [Национальная катастрофа] (курсив мой – Т.К.).

И еще: «Обе катастрофы, которые постигли нашу страну в начале и в конце XX века, были вызваны тем, что национальная элита оказалась неспособна адекватно ответить на вызовы времени. Дали о себе знать и *отрыв от народа, и увлечение идеями, не имеющими корней в русской действительности*». [Слово Святейшего Патриарха] (курсив мой – Т.К.).

Рассуждая о революциях 1917 г., патриарх Кирилл не просто встает на славянофильские позиции, но и выступает так, словно «народ» не раскулачивал богатых крестьян и не сносил церкви, словно не было исследований, показывающих, что народная вера далека от христианства [Федотов 1991], словно Достоевский все еще имеет полное право заявить устами старца Зосимы, что «народ встретит атеиста и поборет его, и станет единая православная Русь. Берегите же народ и оберегайте сердце его. В тишине воспитайте его. Вот ваш иноческий подвиг, ибо сей народ богоносец» [Достоевский 1971-1991: 285], словно Н.А. Бердяев и не писал:

как почвенник и своеобразный славянофил, Достоевский видел в русском народе противоядие против соблазнов революционного атеистического социализма. Он исповедовал религиозное народничество. Я думаю, что вся эта религиозно-народническая, почвенно-славянофильская идеология Достоевского была его слабой, а не сильной стороной и находилась в противоречии с его гениальными прозрениями, как художника и метафизика. Сейчас можно даже прямо сказать, что Достоевский ошибся, что в русском народе не оказалось противоядия против антихристовых соблазнов той религии социализма, которую понесла ему интеллигенция. Русская революция окончательно сокрушила все иллюзии религиозного народничества, как и всякого народничества» [Бердяев 1990: 71].

Справедливо ли говорить, что русская культура чужда западной, основана на особых принципах, свойственных только ей? Справедливо ли, с другой стороны, вставать на противоположную точку зрения? Эту непреходящую полемику задал, сам того,

видимо, не желая, Петр I, а с особой силой сформулировал Чаадаев, заявив, что

мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. Это естественное последствие культуры, всецело заимствованной и подражательной. У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому, что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда. Мы воспринимаем только совершенно готовые идеи, поэтому те неизгладимые следы, которые отлагаются в умах последовательным развитием мысли и создают умственную силу, не бороздят наших сознаний. Мы растем, но не созреваем, мы подвигаемся вперед по кривой, т.е. по линии, не приводящей к цели. Мы подобны тем детям, которых не заставили самих рассуждать, так что, когда они вырастают, своего в них нет ничего; все их знание поверхностно, вся их душа вне их. Таковы же и мы. [Чаадаев].

Чаадаев являет собой прекрасный пример того культурного разрыва, который создал Петр I, заимствовав из Европы все без исключения элементы жизни, от кораблестроения до кофепития и табакокурения, словно без табака и кофе, да еще будучи при бороде, решительно невозможно построить корабль и преобразовать государство. Для западников и славянофилов от зарождения и оформления этих течений и до сегодняшнего дня вся история России представляет собой ряд спорных мест, по поводу которых невозможно прийти к согласию, начиная от призвания варягов и до текущего момента. Поэтому невозможно понять настоящее России, не понимая исторических корней этого настоящего и зафиксированного в речевых актах осмысления исторических явлений.

«Слово о полку Игореве» – один из самых спорных и самых изучаемых текстов русской литературы, а также один из самых политизированных, причем политизация эта исходит не только от отечественных ученых [Творогов 1995]. Уже в 2003 г. американский славист Э. Л. Кинан публикует работу «Йозеф Добровский и происхождение сказания об Игоре», где утверждает, что авто-

ром «Слова» был чешский просветитель. Зачем ему было подделывать *русский* эпос, остается загадкой.¹ «Слово» также стало полем битвы для норманистов и анти-норманистов, хотя некие смутные параллели между «Словом» и мировой эпической традицией, включая традицию скандинавскую, проводил еще Г.Р. Державин [Прийма 1954: 231]. Державин, впрочем, очень смутно представлял себе скандинавскую поэзию, что видно из следующего отрывка:

Дикие даже, бедность и угнетение терпевшие скальды, несмотря на лица сильных, пели их народам и обладателям разительные, но полезные истины. Их иногда гнали, потому ли, что правды мир не терпит, или неприятен пророк в отечестве? – Эдуард I, король английский, даже истреблял их. Но, напротив того, добрые государи, отцы отечества, любившие доблесть и благочестие, их при себе содержали, уважали их песни, хвалились ими. Песнопевцы везде при них бывали, даже в походах и в самых сражениях. Они ободряли их самих и воинство к мужественным подвигам и к презрению смерти. Словом, древний вдохновенный северный скальд был иступленник веры, законов, вольности, славы, чести, любви к отечеству и верности своему государю. Держа в руках лиру и воспевая песни, метался он между ужасами и опасностями, как полоумный, проповедуя добродетель [Державин].

Пространный отрывок из статьи Державина приведен здесь с той целью, чтобы показать, насколько далекими от реальности, сформировавшимися под влиянием современных пересказов и описаний, романтизированных и также идеологизированных, были представления конца XVIII – начала XIX вв. о скандинавской и, шире, средневековой германской литературе. Поэтому неудивительно, что Д.М. Шарыпкин, последовательно занимавшийся проблематикой скандинавский влияний в «Слове», неизменно указывал на то, что присутствие не условных, а конкретных, аутентичных примет средневековой скандинавской культуры, является аргументом в пользу подлинности слова: «Поскольку Боян – певец скальдического типа, к числу источников,

¹ В середине 1990-х мне довелось присутствовать в Йельском университете, где Кинан выступал с докладом по своей будущей книге. Один из его аргументов состоял в том, что Вацлав Ганка, ученик Добровского, подделал Краледворскую и Зеленогорскую рукописи. Как принято говорить сегодня, «без комментариев». Подробный разбор книги Кинана см. в [Зализняк 2007: 290-340].

говорящих об амебейном начале в творчестве скальдов, должно отнести и “Слово”. Вместе с тем это аргумент в защиту подлинной древности памятника» [Шарыпкин 1973: 200]. Однако эта статья вызвала возражения, в том числе Д.С. Лихачева [Рождественская 1995]. Можно предположить, что в результате именно этих возражений наиболее известная, доступная и часто цитируемая работа Шарыпкина, статья «Боян в “Слове о полку Игореве” и поэзия скальдов», завершается следующим выводом: «Элементы скандинавского влияния в тексте “Слова”, если они и есть, не представляют собой системы, в хвалебных же песнях Бояна скальдические приемы и образы составляли прочную стилистическую структуру. Таково отличие поэзии Бояна от “Слова”. По сравнению с песнотворчеством Бояна “Слово” – новый, более высокий этап в истории литературы, порожденный “интенсивным ростом народных основ русской культуры”. В Скандинавии сага не отбросила поэзию скальдов, она канонизировала ее в качестве исторического свидетельства, приняла ее в свое лоно. “Слово о полку Игореве” отказалось от поэзии этого типа, чуждой духу развивающегося русского героического эпоса» [Шарыпкин 1976: 22].

При всем уважении к академической отваге ученого, решившегося разрабатывать такую непопулярную тематику даже после возражений патриарха «слововедения», сложно не задаться вопросом, как можно судить о поэзии Бояна, о «прочной стилистической структуре» ее, основанной на скальдической поэтике, и о соотношении предполагаемой поэзии Бояна с поэтикой «Слова» по *описанию*, притом весьма и весьма краткому, этой самой поэзии в «Слове» и по нескольким постулируемым «цитатам» из Бояна.¹ К тому же собственно следы скандинавского влияния сводятся к осторожному описанию параллелей (например, знаменитого «растекаться мыслию [мысию] по древу» и белки Рататоск, посредника между мирами, снующей по стволу мирового ясеня Иггдрасиля в мифологии скандинавов [Шарыпкин 1976: 18-19]).

¹ Особенно принимая во внимание, что некоторые исследователи полагают, что якобы фрагмент из «скальдической» поэзии Бояна в конце «Слова» – «вовсе не новая загадка “вещего Бояна,” он тесно связан с маркированным топосом христианской доктрины, восходящим к 1 Посланию к коринфянам св. апостола Павла (12:14-27), где части тела становятся символами единства, гармонии и примирения [Goldblatt, Picchio 2006: 142]».

Гораздо более радикальную попытку проследить скандинавское влияние в «Слове» предпринял Н.Ю. Бубнов, опубликовавший в 2006 г. обширную монографию «“Слово о полку Игореве” и поэзия скальдов», где он предлагает, в частности, новые прочтения некоторых темных мест «Слова» (например, «Хильдови» вместо «хинови», производя загадочное слово от имени валькирии Хильд, т.е. «битва» [Бубнов 2006: 354]). В его интерпретации «Слово» изначально создавалось как письменный памятник [Бубнов 2006: 27], а его автор был человеком совершенно энциклопедических познаний, свободно ориентировавшимся во *всем* массиве древнерусской оригинальной и переводной литературы, а также во *всем* массиве литературы скандинавской. Само же «Слово» построено по модели волшебной сказки и представляет собой магическую историю инициации князя Игоря.

В труде Н.Ю. Бубнова все «Слово» целиком толкуется исключительно как произведение, созданное сугубо в скандинавской традиции. Кроме проблематичности подобного огульного помещения «Слова» в скандинавскую традицию в работе есть целый ряд по меньшей мере спорных, а то и ошибочных отождествлений (например, приравнивание к Хильд как Брюнхильд, так и ее соперницы Гудрун [Бубнов 2006: 45]), фактические ошибки (якобы успешное состязание Тора с Элли-старостью у Утгарда-Локи, хотя Тор на самом деле проигрывает [Бубнов 2006: 107], и уж совсем загадочное отождествление Хрунгнира, великана, которого убил Тор, с молотом Тора Мьёлльниром [Бубнов 2006: 144]). Утверждается, что в «Слове» якобы прямо цитируется поэзия Эгиля Скаллаgrimссона. Вот как предлагается читать знаменитый фрагмент «Рек Боян и Ходына»: «Сказал, Бьёрна (Аринбьёрна) когана святого славя (в “Песни об Аринбьёрне”), песнотворец старого времени (Эгиль Скаллаgrimссон), ярла славя Ольгова (= Элгова, т.е. Эйрика = Ерика = Ольга Кровавая Секира, в песне “Выкуп головы”) когана любимца: “Тяжко голове без плеч, зло и телу без головы”. (А) Русской земле – без Игоря!» [Бубнов 2006: 394].¹ Такое прочтение требует невероятного количества конъектур, а отождествление чтения «Эйрик = Олег» не выдерживает

¹ Цитируется якобы следующий фрагмент «Песни об Аринбьёрне»: «Люди мнили, || мне за песнь || конунг дал || дал наказист – || старый шар, || крытый

никакой критики. Н.Ю. Бубнов предлагает еще несколько оригинальных отождествлений: Игорь – Один [Бубнов 2006: 58], утверждая, что числительное должно было бы иметь форму «един»; Всеволод – Тор [Бубнов 2006: 62], при этом следует читать не «буй тур Всеволод», а «буй Тоур», т.е. Тор, Всеволод (в современном исландском *Þótt* действительно произносится с дифтонгом *ou*, но в эпоху создания «Слова» это было не так); оборотень-Всеслав – это Локи [Бубнов 2006: 166].¹

Подобное сплошное прочтение «Слова» через призму средневековой германской литературы представляется столь же однобоким, как и настойчивое отрицание скандинавских элементов в «Слове». Огромное количество ошибок (формат статьи не позволяет педантично перечислять их постранично) и собирание в книгу всего, что только возможно, вплоть до града Китежа [Бубнов 2006: 95], заставляет усомниться даже в интересных предположениях. Например, в согласии с М.Л. Гаспаровым и Й. Клейном, Бубнов склоняется к мифологической интерпретации «Слова». Хотя для полной эпической мифологизации, сопоставимой с эддической мифологизацией исторического факта гибели бургундов в битве с Аттилой, между событиями «Слова» и его написанием прошло слишком мало времени.

В целом Бубнов, как уже указывалось, видит в «Слове» обряд инициации, через который проходит князь Игорь. Однако, настойчиво отождествляя «Слово» со скандинавской и, шире, германской героико-эпической традицией (в книге фигурируют отсылки, например, к «Кудруне», немецкой поэме начала XIII в.), Н.Ю. Бубнов не учитывает принципиальное расхождение между

шапкой || из седой || одежи волка. || Я сей дар || принял, а с ним || чету дыр || чернобровых || и уста || те, что стали || выкупом || моей главы. || Взял язык || с зубным забором || да шатры || с трубным слухом, || но княж дар || драже злата – || кряж мой крепкий || под шишаком» [Бубнов 2006: 395]. Говоря человеческим языком, Эйрик Кровавая Секира не стал казнить Эгиля, оставил ему голову.

¹ Любопытным образом истолкование Всеслава как Локи (не слишком убедительное) перекликается с истолкованием Всеслава как антихриста у Й. Клейна [Клейн: 107-110]. Локи – тоже эсхатологический персонаж, с ним связан скандинавский апокалипсис, Рагнарёк, где Локи и его дети – едва ли не основная движущая сила.

германской традицией и «Словом», а именно, практически неизменную смерть героя в германском эпосе и спасение князя Игоря в «Слове».

У «Слова» и германской поэтической традиции есть как черты сходства, так и черты значительного отличия. При этом сходство их в значительной степени формальное, тогда как различия – концептуальные и содержательные.

Одной из характерных *формальных* черт германской поэзии, присутствующей также и в «Слове», является аллитерация. В германской поэзии аллитерация является основной прием стихосложения. Стих организуется по сложным принципам аллитерации.

Вот начало эддической «Песни о Трюме»:

Vreiðr var þá Vingþórr,	Винг-Тор от сна
er hann vaknaði	разъяренный встал;
ok síns hamars	увидел, что Мьёлльнир
of saknaði,	молот пропал,
skegg nam at hrista,	бороною взмахнул,
skör nam at dýja,	волосами затряс,
réd Jarðr burr	сын Ёрд повсюду
um at þreifask [Eddukvæði	искать стал и шарить

1954, 163] [Беовульф 1976: 235]

Вот начало «Беовульфа». Переводчик на русский язык честно старался передать аллитерации там, где это было возможно:

Hwæt! We Gardena in	Истинно! исстари слово мы слы-
geardagum,	шим
þeodcýninga, þrym gefrunon,	О доблести данов , о конунгах
	датских,
hu ða æþelingas ellen fremedon.	Чья слава в битвах была добыта!
Oft Scyld Scefing sceaþena þreatum,	Первый – Скильдлинг Скевинг ,
	войсководитель,
monegum mægþum, meodosetla	Не раз отрывавший вражки дру-
ofteah,	жины
egsode eorlas. Syððan ærest wearð	От скамей бранных . За все, что
	выстрадал
feascraft funden, he þæs frofre ge-	В детстве, найденыш, ему возда-
bad,	лось:
weox under wolcnum, weorðmyn-	Стал разрастаться властный под
dum þah,	небом

oðþæt him æghwylc þara ymbsit-
tendra
ofer hronrade hyran scolde,
gomban gyldan. þæt wæs god
cuning! [Beowulf]

И, возвеличенный, силой при-
нудил
Народы заморья дорогой китов
Дань доставить достойному
власти! [Беовульф 1976: 29]

В своем «Поэтическом словаре» А.П. Квятковский отдельно трактует аллитерацию и аллитерационный стих. Аллитерационный стих описывается следующим образом: «...[О]дна из древнейших формаций стиха, встречающаяся в творчестве некоторых европейских и азиатских народов (немцы, шведы, казахи, киргизы, буряты и др.). Принадлежит к категории акцентного стиха, А. с. отличается от него системой обязательных звуковых повторов, расположенных в определенных местах стиха. Так, в древнегерманском А. с. с четырьмя ритмическими ударениями обязательным считалось повторение предупредительного согласного звука в начале первого и второго полустишия, а иногда и в конце первого полустишия» [Квятковский 1966: 17-18]. Статья об аллитерации как таковой характерно начинается со «Слова»: «В русской народной поэзии аллитерация занимает заметное место. Звучные аллитерации рассыпаны в тексте “Слова о полку Игореве”:
...Трубы трубят в Новеграде, стоять стязи в Путивле... // ...Ночь стонуши ему грозою, птичь убуду; свист зверин вьста близ... // ...С зарания пяток потопташа поганья плькы половецкыя...» [Квятковский 1966: 18]. Любопытно, что далее, подкрепляя тезис о присутствии аллитерации в русском фольклоре, Квятковский относит к аллитерации не только собственно аллитерацию («Как возьмет голод, появится и голос»; «Тише едешь, дальше будешь»), но и рифму, как, например, в поговорке «один с сошкой, семеро с ложкой». Из других русских фольклорных жанров Квятковский примеров не приводит.¹

¹ Рифма и аллитерация различны принципиально. Рифма – созвучие конечных звуков, аллитерация – начальных. В приведенном выше фрагменте «Песни о Трюме» присутствует, кроме аллитерации, еще и рифма:

Vreiðr var þá Vingþórr,
er hann **vaknaði**
ok síns hamars
of **saknaði**...

Винг-Тор от сна
разъяренный **встал**;
увидел, что Мьёлльнир
молот **пропал**...

Еще одним характерным приемом германской поэзии являются кеннинги, широко распространенный в германской поэзии художественный прием зашифровки слова метафорическим двусоставным определением. Например, женщина – сосна ожерелий, мужчина – ясьень битвы; море – твердь тюленей, корабль – волк моря. Кеннинги могли быть многоступенчатыми, например, корабль – волк тверди тюленей и т.д. Они могли играть как роль поэтических тропов, так и роль допустимых обозначений табуированных слов. Вместе с тем в определении кеннингов много неясного. М.И. Стеблин-Каменский пишет, что «всего последовательней считать, что кеннинг – это любой дву- или многочленный заменитель существительного обычной речи» [Снорри 2005: 115]. Он также пишет о двух типах кеннингов – эддическом и скальдическом, указывая, что в скальдической поэзии кеннинги «используются совсем не так, как в эддической. Варьируя словесное выражение кеннинга посредством хейти, скальд мог создавать кеннинги, которые, в противоположность эддическим кеннингам и несмотря на трафаретность образа, лежащего в основе кеннинга, могли быть индивидуальным созданием того, кто сочинял произведение» [Стеблин-Каменский 2003] При отсутствии такого различия в отечественной германистике зачастую не считаются кеннингами определения типа «волосы Сив» (золото), «родич Слейпнира» (Локи) и т.д., т.е. такие «заменители существительного обычной речи», которые связаны с определенным мифом и потому легче поддаются расшифровке. Однако именно вариативные скальдические кеннинги можно увидеть в «Слове о полку Игореве».

К проблеме возможных кеннингов в «Слове» обращается Д.М. Шарыпкин, который пишет, цитируя Д.И. Чижевского, что «в тексте “Слова” можно отыскать несколько двучленных метафорических формул, но по типу они отличаются от кеннингов. Формулы эти, заменяющие глаголы, а не существительные, понятнее, “ближе к действительности”, чем кеннинги» [Шарыпкин 1976: 22]. Кроме того, что глаголы никогда не заменялись кеннингами, сам список возможных кеннингов у Чижевского весьма

Отражение этой рифмы в переводе сопровождается специальным примечанием, где указывается, что она присутствует и в оригинале [Беовульф 1976: 235]

неожиданный: он рассматривает в качестве кеннингов глагольные словосочетания, которые сами скандинавы кеннингами не считали; например, исследователь предлагает рассматривать как кеннинг фразу «испити чашу» [Чижевский 1957: 106], указывая, что иногда она принимает вид «испити смертную чашу», «но те случаи, когда прибавки этой нет, показывают, что первоначальный вид этой формулы был двучленный: “испити чашу”». ¹ Таким образом, даже при употреблении термина «кеннинг» исследователи последовательно не искали в тексте «Слова» фразы, удовлетворяющие тому пониманию этого термина, которое зафиксировано у Снорри.

Видимо, при определении кеннингов Шарыпкин также придерживается точки зрения, по которой определения одних мифологических существ через других мифологических существ к кеннингам не относятся. Если, однако, понимать кеннинги так, как, по всей видимости, понимали их сами скандинавы и как склонялся толковать их Стеблин-Каменский, то можно сказать, что в «Слове о полку Игореве» действительно присутствуют кеннинги, заменяющие собой существительные. При этом эти кеннинги иногда расшифровываются певцом, иногда остаются без расшифровки.

- 1) Бояне, **Велесовъ внуче** [Слово 1988: 98]
- 2) вѣтри, **Стрибожи внуци** [Слово 1988: 99]
- 3) погибашеть жизнь **Дажь-Божа внука** [Слово 1988: 99]
- 4) вѣстала обида въ силахъ **Дажь-Божа внука** [Слово 1988: 100]
- 5) вступила дѣвою на **землю Трояню** [Слово 1988: 100]

Примеры 1) и 2) необычны тем, что предполагаемый кеннинг немедленно расшифровывается. Кеннинги могли быть, видимо, как традиционными, так и «авторскими», если судить по тому, что Снорри не просто перечисляет их, но и объясняет механизм их создания: «Мы говорим “Один”, либо “Тор”, либо кто другой из асов или альвов, а потом прибавляем к именованному название признака другого аса или какого-нибудь его деяния. Тогда все

¹ Для установления «первоначального вида этой формулы» необходимо обращаться к ее источнику, переводам Евангелия и Гефсиманскому борению, но этот очевидный источник не указан.

наименования относятся к этому другому, а не к тому, кто был назван. Так, мы говорим “Тюр победы”, или “Тюр повешенных”, или “Тюр ноши”, и это все обозначения Одина» [Снорри 2005: 60]. Далее: «В кеннингах оружия и боевых доспехов упоминают битву, Одина, дев битвы и конунгов воителей» [Снорри 2005: 84]. И еще: «Можно обозначать мужей и через их род» [Снорри 2005: 88]. В таком случае обозначение Бояна через его мифологического предка Велеса – по форме своей традиционный кеннинг, как и именование ветров внуками Стрибога, но наличие немедленной расшифровки может указывать, например, на то, что он принадлежит автору «Слова», который создает свое произведение, все же находясь в контексте иной поэтической традиции.

Примеры 3) и 4) также представляют собой классические кеннинги, даже не сопровождаемые расшифровкой. Л.А. Дмитриев в комментариях поясняет их: «Внуками Даждь-Бога автор называет русский народ» [Слово 1988: 114]. Не совсем ясно, почему в переводе единственное число превратилось в множественное. Возможно, здесь имеется в виду какой-то из князей, может быть, сам Игорь.

Можно задаться вопросом: не являются ли обозначения князей через отдаленное родство («Ольгово гнѣздо», например [Слово 1988: 98], и иные подобные формулы, не считая, по-видимому, отчеств) также кеннингами, созданными по традиционным образцам и прилагаемыми к новым историческим фигурам? Ср. у Снорри возможные кеннинги для обозначение различных персон: «Приводятся стихи¹ Кормака, Тьодольва, Арнора и Эйнара Звона Весов с кеннингами “сын верного друга Харальда” (т. е. Сигурд, сын ярла Хакона Старого), “отец Олава” (т. е. Харальд Суровый, отец Олава Спокойного), “брат святого властителя” (т. е. Харальд Суровый, брат Олава Святого), “родич властителя”, “племянник Харальда” (т. е. Магнус Добрый), “потомок Хейти” (т.е. ярл Рёгнвальд), “отпрыск Регнвальда Старого” и “родич всемогущего Торв-Эйнара” (т.е. ярл Торфинн), “потомок Боевого Зуба” (т. е. Харальд Синезубый)». [Снорри 2005: 88-89]

¹ Часть «Искусства поэзии», примеры из скальдических текстов, дается в прозаическом пересказе с перечислением релевантных кеннингов.

Фраза «земля Трояня» также может рассматриваться как кеннинг, не снабженный расшифровкой и обозначающий русские земли.

Возникает вопрос, нельзя ли трактовать как кеннинги фразы «рища в **тропу Трояню**» [Слово 1988: 97] и «**въчи Трояни**» [Слово 1988: 99]. В комментариях указывается, что, согласно предположению Д.С. Лихачева, имеется в виду, что Боян идет божественными путями [Слово 1988: 109]. Проблема в том, что, не зная содержание кеннинга, прочитав его, далеко не всегда можно догадаться о том, что этот кеннинг означает.¹ Возможно, что это отсылка к не дошедшему до нас мифологическому сюжету, связанному с Трояном, понимаемым как языческое божество.

Еще одним потенциальным кеннингом можно считать фразу «бусови врани» [Слово 1988: 100], с комментарием: «Фразы с конъектурной правкой, в первом издании “бусови врани”, “бусый” – серый» [Слово 1988: 115]. Вороны, магические птицы, предвестники войны и смерти, были как предметом кеннингов, так и их частью. Один именуется «ас воронов» и «испытатель воронов» [Снорри 2005: 60-61]. Возможно, что вороны не серые, а принадлежащие Бусу или Босу (о «времени Бусовом» см. [Слово 1988: 116]). Таким образом, количество кеннингов в «Слове» может расширяться или сужаться в зависимости от толкования текста и понимания отдельных его единиц.

Тем не менее, фразы «внук Дажь-бога», «внуки Стрибога» и «Велесов внук» представляют собой кеннинги в том понимании, которое зафиксировано у Снорри Стурлусона. Наличие подобных кеннингов указывает на время создания, когда кеннинги еще были в достаточно активном поэтическом обиходе, но, возможно, уже теряли свой статус. На такую ситуацию указывает

¹ Любопытно отметить, что, публикуя в XX в. исландские сказки, где также встречаются кеннинги, издатели сочли один из них самоочевидным: «Из Стиккисхоульмура отплывает || тяжелый медведь моря. || Туман собирается, ветер крепчает, || волны сулят горе. || Дочери Ран коня погоняют, || в холмы превращают равнину, || беловолосые пену роняют, || погружается ястреб в пучину». «Дочери Ран» сопровождаются пояснением: «В скандинавской мифологии Ран — жена морского великана Эгира. Дочери Ран — волны». Но «медведь моря», кеннинг корабля, оставлен без пояснения как очевидный даже целевой аудитории книги – детям. [Скандинавские сказки 1982: 280]

следующий текст Снорри: «Теперь следует сказать молодым скальдам, пожелавшим изучить язык поэзии и оснастить свою речь старинными именами или пожелавшим научиться толковать темные стихи: пусть вникают в эту книгу, дабы набраться мудрости и позабыться. *Нельзя забывать этих сказаний* или называть их ложью, изгоняя из поэзии старинные кеннинги, которые нравились знаменитым скальдам. *Христианам не следует, однако, верить в языческих богов и правдивость этих сказаний в другом смысле, чем сказано в начале этой книги*» [Снорри 2005: 60] (курсив мой – Т.К.). Выделенный курсивом текст указывает на то, что кеннинги все еще бытуют, но начинают забываться, и одна из причин тому – их глубинная связь с язычеством. Снорри не желает отказываться от исландского поэтического наследия, но переводит его исключительно в сферу поэтических приемов, а не религии. Ситуация Снорри в чем-то близка ситуации автора «Слова», использующего языческие имена в христианском окружении. И здесь мы переходим от формальной близости к глубоким различиям между «Словом» и германской эпической поэзией, которые касаются собственно его содержания.

Поскольку Н.Ю. Бубнов объясняет «Слово» через волшебную сказку и при этом помещает его в героико-эпическую традицию, здесь уместно будет сформулировать собственно особенности германской эпической традиции¹ и ее соотношение со сказочными сюжетами.

Трагическая природа эпоса, в частности, эпоса германского, но и не только (например, «Песнь о Роланде») воспринималась как его неотъемлемая часть, давая повод, например, заметить, про поэму «Кудруна» (упоминаемую, как уже указывалось, у Бубнова, например, [Бубнов 2006: 183]), что «поэма изначально лишена того трагизма, который присущ “Песни о Нибелунгах”». ² Это дало повод некоторым исследователям утверждать, что

¹ О «Слове» и западноевропейском эпосе см. [Милютенко 1995].

² Строго говоря, нибелунги пишутся со строчной буквы, но здесь сохранена орфография оригинала, иногда весьма причудливая, например, написание Хельги вместо Хельги [Кудруна 1984: 327]. В целом написание нибелунгов с заглавной буквы распространено достаточно широко и встречается в самых неожиданных местах, включая академические издания.

“Кудруна” – рыцарский роман (Ф. Панцер), что она “недостаточно героична” (Г. Шнейдер), тогда как другие <...> считают, что отсутствие героического элемента, присущего старогерманскому эпосу, где герой почти всегда погибает, поэт восполняет годами плена Кудруны» [Кудруна 1984: 360-361]. Применительно к древнеанглийской поэзии частая смерть эпических героев заставляла исследователей писать о том, что их гибель вызывает «только чувство безысходности» [Смирницкая 1982: 223], что ставит читателя перед загадкой явного психологического мазохизма средневековых певцов и их аудитории, желавших, видимо, испытывать исключительно чувство безысходности и бесполезности человеческих устремлений. Героическую этику называли парадоксальной именно из-за того, что герои словно бы торжествуют в том, что нам представляется окончательным поражением – в смерти.

Царство героического оторвано от повседневного, <...> и благородство <...> кроется именно в чрезмерности <...> поступков. <...> Для нас такая чрезмерность непременно включает в себе парадокс. Благородное решение вступить в битву с врагом в конечном счете приводит к его смерти, но именно его смерть, из-за которой его воины отчасти и потерпели поражение, обеспечивает ему славу. <...> Героическая чрезмерность <...> кроется в выборе смерти в битве. <...> смерть тоже преобразует поражение войска в личную победу. *Dom* и *dead* – частые спутники [O’Keeffe 1991: 123]

В скандинавской и, шире, германской эпической традициях и даже в скандинавских сагах герои гибнут с монотонной регулярностью. Более того, аналогичным образом события часто развиваются не только в повествованиях на мифологические и мифологизированные сюжеты (история Сигурда/Зигфрида, история братьев его жены, история Беовульфа и т.д.), но и в сагах об исландцах. Для тех, кто создавал/записывал эпические тексты в германской традиции, словно свойственно было выбирать наиболее трагические сюжеты.¹ Объяснения подобным поступкам обычно

¹ Эта традиция дожила до XIX в. Из многочисленных событий Крымской войны одним из самых знаменитых в английской литературе является атака британской кавалерии на русские пушки с предсказуемым для кавалерии результатом. Этому событию посвящена «Атака легкой кавалерии» (“The Charge of the Light Brigade”) Альфреда Теннисона.

даются в контексте традиционных средневековых понятий чести и славы (ср. в «Слове»: «ищучи себѣ чти, а князю - славъ») [Слово 1988: 98, 2 пара]:

Суть героического духа – в связи «судьбы» [fate] с одной стороны и чести и неколебимой отваги с другой. Суть дела в том, что «судьба» [fate] ставит человека перед неизбежным долгом, и он призван совершать те поступки, которые приведут его – сквозь череду положений все возрастающей сложности – к катастрофе и смерти. В каком-то смысле он волен совершать иные поступки, или отступить, или избежать этих конкретных поступков. Но эта кажущаяся альтернатива на самом деле не существует, ибо для человека, обладающего качествами героя, отвага была всепобеждающей внутренней необходимостью, даже если она неизбежно вела его к смерти. Германский герой принимает свою судьбу и бросается ей навстречу, зная, что, с одной стороны, он жертвует человеческим счастьем, а с другой стороны, повинуетя велениям чести.

На самом деле у героя нет выбора: долг чести – это долг абсолютный, вне зависимости от того, побуждает ли он героя отомстить или сопротивляться нестерпимым обидам. Человек, который, как Гисли Сурссон, убивает, мстя за своего родственника или названного брата, обычно уверен, что его объявят вне закона, за ним будут охотиться и убьют. В некоторых историях он с самого начала знает, что выбрал смерть. Но он принимает и это: он проявляет абсолютную отвагу, продолжая сражаться вплоть до момента смерти, и поэтому он умирает непобежденным, и честь его сияет еще ярче. Более того, одна из причин, по которой его честь продолжает жить после его смерти – именно в том, что он укрепляет ее в момент смерти и самим образом своей смерти [Smithers 1970: 78-79].

Однако в некоторых текстах готовность умереть выходит за пределы таких традиционных объяснений. Особенно характерно это проявляется в «Саге о Паленом Ньяле». Ньяль говорит своему другу Гуннару: «Первая твоя поездка в чужие страны принесла тебе *большую славу*, а эта принесет *еще большую*. Ты вернешься с *большим почетом* и *доживешь до глубокой старости*, и никто здесь не посмеет тягаться с тобой. Но если ты не уедешь из Исландии и нарушишь договор, то тебя здесь убьют» [Исландские саги 1973: 272] (курсив мой – Т.К.). Выбор кажется несложным – слава *или* смерть. Это даже не выбор между славной смертью и бесславной жизнью (как, например, выбор, который стоял

перед Ахиллесом), и тем не менее Гуннар выбирает смерть. Аналогичным образом события развиваются в «Битве при Мэлдоне», которая была написана чуть ранее времени создания единственной дошедшей до нас рукописи «Беовульфа» (1000 г.).

Эта битва действительно произошла в 991 или, возможно, в 993 г., и в этой битве действительно погиб олдермен Эссекса Бюрхтнот. Бюрхтнот погибает в сражении с викингами. При равном соотношении сил англосаксы терпят поражение, потому что Бюрхтнот отказывается от имевшегося у него тактического преимущества и позволяет викингам, по сути дела запертым на маленьком острове, беспрепятственно перейти на территорию Эссекса. До галантного поступка Бюрхтнота ситуация была, с одной стороны, патовой, поскольку ни одна сторона не могла атаковать другую, но с другой стороны, у англосаксов, в задачу которых входила прежде всего оборона собственного королевства, было явное преимущество, поскольку достаточно было всего трех воинов, чтобы не дать викингам высадиться в Эссексе. Тем не менее Бюрхтнот позволил викингам высадиться беспрепятственно, чтобы сразиться с ними. Тем самым он практически обеспечил викингам победу. Сам Бюрхтнот, естественно, пал в этой битве [Ковалевская, Вагизова, Семенюк 2012: 38].

«Битва при Мэлдоне» рисует ситуацию, в которой смерть влечет за собой не столько честь, сколько бесчестье, потому что Бюрхтнот не выполняет стоящую перед ним задачу обороны Эссекса от викингов. Смерть, например, Беовульфа в битве с драконом объяснима хотя бы с точки зрения государственной пользы – дракон, в конце концов, убивал всех вокруг. Смерть Гуннара и Бюрхтнота не поддаются логическому объяснению, если только не считать целью их смерти собственно смерть. Я позволю себе привести длинную, но уместную самоцитату о соотношении сказочных сюжетов и эпической проблематики:

Читая «Беовульфа», мы легко узнаем в сюжете фабулу хорошо знакомой нам волшебной сказки – герой преодолевает три испытания, каждое из которых тяжелее предыдущего. <...> Но в многослойном эпосе все усложняется – три испытания разнесены по времени, и кончаются они не торжеством героя, а его смертью, потому что перед нами не волшебная сказка, а героическая поэма. У сказки и героической поэмы – принципиально разные задачи. <...>

Волшебная сказка донесла до нас суть архаичного обряда инициации, т.е. посвящения. В.Я. Пропп <...> убедительно показал, что волшебная сказка почти в каждой своей детали отражает древнейший обряд – посвящение в полноценные члены племени. <...> Когда [проходившие обряд] преодолевали эти испытания, считалось, что они как бы пережили временную смерть, умерли для своей прошлой жизни и теперь входят в новую жизнь полноправных членов племени, получая, в числе прочего, право владеть собственностью и право жениться. Поскольку волшебная сказка – словесное воплощение ритуала, долженствовавшего привести героя от старой жизни к новой, неудача в волшебной сказке невозможна. Суть сказки – во вхождении героя в мир людей на правах полноценного члена общества. Судьба героя волшебной сказки – стать человеком и тем самым способствовать продлению жизни своей семьи, своего рода, своего племени. <...>

Коренное отличие героического эпоса от волшебной сказки именно в том, что героический эпос построен на осознании героем своей смертности и добровольном поиске подвигов и приятии героической смерти. <...> Задача героя – добровольно согласиться на смерть, потому что только подвигами и героической смертью можно стяжать бессмертную славу, а, возможно, и божественность путем приобщения к жизни богов в награду за доблесть. <...> Эпическая поэма, в отличие от волшебной сказки, – это не повествование о том, как человек становится полноправным человеком. Эпическая поэма – это повествование о том, как герой выходит за пределы собственной человечности, как он достигает бессмертия. Битва Беовульфа с драконом подчеркивает важность героической смерти для эпического героя. Беовульф ищет не только «всевековечной» славы – ее он получил уже после победы над Гренделем и его матерью. Современному читателю «Беовульф» может показаться рваным, невыстроенным повествованием именно потому, что битва с драконом, казалось бы, не имеет прямого отношения к истории, занимающей примерно первые две трети поэмы – к истории битвы Беовульфа с Гренделем. Но битва с драконом венчает собой основной сюжет поэмы – путь Беовульфа к бессмертию и божественности, обретаемым в последней, смертной битве. Именно тогда исполняется судьба Беовульфа [Ковалевская, Вагизова, Семенюк 2012: 33-36]

В эпической поэме смерть – цель героя, потому что она ведет к выходу за пределы своей природы, к самообожению. Во «Второй песни о Хельги убийце Хундинга» читаем: «И когда [Хельги]

попал в Вальгаллу, Один предложил ему править всем наравне с ним самим» [Беовульф 1976: 265]. Именно эта причина толкает Беовульфа, Хагена из Тронье и эддических героев выбирать смерть. Это не прохождение обряда инициации и метафорическая смерть как символ вступления в полноценную человечность. Это реальная смерть и выход за пределы человечности.

Выбор для песни похода, окончившегося поражением, вполне в рамках германской эпической традиции, и поэтому на замечание А.Н. Робинсона о том, что «если бы автор мог свободно выбирать сюжеты, как писатель нового времени, ему легче и эффектнее было бы воспеть не Игоря, третьестепенного полководца и неудачливого политика, а настоящего героя противоположной борьбы – Владимира Глебовича Переяславского, неоднократного победителя Кончака, Кобяка и других ханов...» [Робинсон 1980: 254], можно сделать возражение именно с точки зрения средневекового сказителя. С точки зрения Нового времени выбор действительно странен, но с точки зрения германского эпического сказителя выбор совершенно верен: поражение и смерть есть победа. Но вот *спасение* князя Игоря уже выносит сюжет «Слова» за пределы германской традиции. И здесь уместно снова вернуться к «Битве при Мэлдоне» и рассмотреть причины, толкнувшие олддермена на опрометчивый поступок, и оценку этого поступка певцом.

Ключевое слово здесь – описывающее поступок Бюрхтнота *ofermod*, малоупотребительное в древнеанглийской поэзии, которое встречалось в христианских контекстах и обозначало «гордыню»; дьявола именовали *se engel ofermodes* – ангел гордыни. Такое словоупотребление в «Битве при Мэлдоне» кажется многим исследователям весьма загадочным, и часто *ofermod* переводят на английский язык как «чрезмерная храбрость», однако прямой перевод «гордыня», особенно гордыня, связанная с противником Бога, дьяволом, представляется наиболее уместным <...> таким образом, здесь прямо переосмыслиется языческая жажда не просто славы (Бюрхтнот все еще жаждет славы, это язычники-викинги хотят дани, а не славы), но божественности, новой, сверхчеловеческой природы. Несмотря на четыре века, прошедшие со времени принятия христианства, эти представления все еще не исчезли из сознания принявших христианство германских племен англов и саксов. Более того, они эволюционировали, и теперь жажда славы

и подразумеваемого бессмертия и божественности оказывается еще теснее связанной с жаждой смерти – Бюрхтнот фактически совершает самоубийство, пуская викингов на землю Эссекса. Однако теперь, в «Битве при Мэлдоне», два или даже три века спустя после создания «Беовульфа», такая жажда бессмертной славы в смерти осмысляется как гордыня дьявола, потому что в основе ее лежит то же желание, которым, по церковному преданию, руководствовался сатана, бросая вызов Богу. Тем не менее поступок Бюрхтнота все равно несет на себе отпечаток старинного героизма, и даже описывая Бюрхтнота тем же словом, что и сатану, автор поэмы не может безоговорочно осудить его поступок. Это особенно ясно проявляется в том, что безусловное восхищение автора заслуживают те дружинники Бюрхтнота, которые сражаются и погибают вместе с ним, а осуждение – те дружинники, которые покидают Бюрхтнота. Здесь автор «Битвы...» словно вторит «Беовульфу», где так же безоговорочно осуждалась те, кто отказался пойти вместе с Беовульфом на бой с драконом. Древняя героика уходит, но уходит медленно. Поступок Бюрхтнота – это уже нечто сродни дьявольской гордыне, но он все равно вызывает сочувствие и уважение автора, требующего от дружинников олдгермена сохранять ему верность даже в смерти. Мир меняется, но почтение и восхищение древней готовностью преобразиться в смерти остаются [Ковалевская, Вагизова, Семенюк 2012: 38-39].

В этом отношении автор «Слова» близок к автору «Битвы». Князья ищут славы, но слава ведет к смерти, «*dom and dead* – частые спутники». «Бориса же Вячеславлича слава на судь приведе» [Слово 1988: 99]. Вполне возможно, что и в «Слове» содержится жажда самообожения, подобная жажде германских героев. «*Хощу бо, – рече, – копие приломити конецъ поля Половецкаго, съ вами, русици, хощу главу свою приложили, а любо испити шеломомъ Дону*» [Слово 1988: 97]. Перевод устанавливает противоположение частей желания князя: «*Хочу, – сказал, – копье преломить на границе поля Половецкого, с вами, русичи, хочу либо голову сложить, либо шеломом испить из Дона*» [Слово 1988: 97]. Д.И. Чижевский полагает, что «испить шеломом» – своеобразный «кеннинг» для глагола «покорить» [Чижевский 1957: 106], т.е. либо покорить половцев, либо погибнуть. «Любо» же может означать «либо», но может употребляться и в современном значении «хотеть» [Срезневский 2003: 88]. Вполне вероятно, что

Игорь хочет не либо победить, либо умереть, но победить, умерев, чтобы обрести ту самую славу, которой ищут для него его дружинники.

Следует отметить, что мотивов жажды смерти, подобных германским, в других произведениях древнерусской литературы мне обнаружить не удалось. В Волоколамском патерике (первая половина XVI в.) встречается следующий примечательный текст: «Единъ же отъ варваръ взять инока и дѣвицу: инока же, связавъ, поверже, а дѣвицу веде въ кушу свою и мало отшедь. Дѣвица же глагола иноку: “Господине отче, разумѣхъ, что хочеть мнѣ створити незаконникъ сей; и аще ударю его ножемъ, нѣсть ли мнѣ грѣха?” Онъ же рече: “Богъ благословить тя, тщи: сего ради онъ, разъярився, убьетъ тя, и будеши съ мученики”. И пришедь онъ, и восхотѣ коснуться ея, она же удари его ножемъ в руку. Онъ же, разъярився, возьмъ мечъ, изсѣче ея, и бысть мученица Христова» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 9, 58].

В переводном «Житии Димитрия Солунского» есть схожая ситуация. Некий юноша Нестор приходит к сидящему под стражей святому Димитрию и говорит, что хочет выйти бой с непобедимым вандалом Луем, любимым борцом царя Максимиана, и просит помолиться о нем Христу. Святой осеняет его крестным знаменем и говорит: «И Лия побѣдиши, и за Христа мучень будеши». Нестор выходит на бой. Царь увещевает Нестора: «Уноше! Вѣдаю, яко недостатокъ имения в толку дерзъсть ты вложи, да или, одолевъ, внезапно богатство възмеша, или, погрѣшився, нищеть пакости дѣючи, и с нею животь скончаеши. Азь же за милость възраста твоего и за уность, юже имаши, и за дерзость твою тѣчию дам ти достойны и доволны дары, и иди с животомъ, имѣя злато. Люеви же не противи, занеже многы с силнѣйша тебе убиваетъ». Нестор отвечает на это: «Ни злата хоцю, – рече, – ни того дѣлма на борение придохъ, но да погублена Люя створю. Не хоцю бо жити, и ни богатитися придохъ, но дерзаю на Люеву славу» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 2, 180]. Переводчик текста на современный русский язык решил перевести ответ Нестора Максимиану следующим образом: «Не хочу я [иначе] жить...» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 2, 181]. Очевидно, что ситуация, при которой человек выбирает смерть вместо богатства, перевод-

чику была не совсем понятна. Как представляется, то же происходит в вышеприведенном переводе «Слова». Таким образом, мотивы князя Игоря все еще помещают его самого в языческий мир поиска самообожения в смерти.

Германскую и русскую традиции различает и еще один существенный момент – взаимоотношения дружины и князя, воинов и конунга. Об особенностях образа главного героя воинской повести подробно писал М.В. Мелехов [Мелехов: 87–160]. «Князь – один из братства дружинников. <...> Единство князя и дружины также является следствием его избранности» [Мелехов 2001: 103]. Это единство, присущее и западноевропейской традиции, обретает, однако, иные формы в традиции русской.

В западноевропейском эпосе признается полное и абсолютное, неоговариваемое господство князя/вождя/конунга над своими дружинниками. Это прослеживается от «Беовульфа», где осуждаются отказавшиеся сражаться с драконом дружинники, до «Битвы при Мэлдоне», где также осуждаются бежавшие с поля битвы воины Бюрхтнота, и до «Песни о нибелунгах», где Хаген из Тронье единолично принимает решение обречь войско бургундов на гибель при дворе Этцеля (не имея формально никакого права так делать, он не только не король, но даже и не брат короля, подобно Хёгни, брату Гуннара в «Старшей Эдде» или «Саге о Тидреке Бернском»). Такое отношение оправдано, если полагать целью героической смерти самообожение. Воины все равно согласны на этот шаг, вождь только определяет время, когда это совершится.

В противоположность этому в русской воинской повести традиционно присутствуют формулы *взаимной верности* и готовности князя и дружинников умереть друг за друга. В данном случае это не просто ситуация верности, это ситуация добровольного, провозглашенного и подтвержденного выбора. Это более свойственно христианскому воинству, состоящему из отдельных, несущих личную ответственность перед Богом людей.

Перед битвами традиционно *и князь, и дружина* высказывают готовность умереть друг за друга: «Аще живъ буду, тот с ними, аще ли погибну – с дружиною» [БЛДР 2000-наст вр.: т.1, 196]. Этот формульное признание взаимной готовности к смерти друга за друга присутствует еще в «Повести Временных лет» в

повествованиях о походах язычника Святослава, а при описании сражений, происходивших уже после принятия христианства, к формуле добавляется готовность умереть не только друг за друга, но и за христианскую веру. Вот что говорится перед походами Святослава: «Уже нам здѣ пасти, потягнемъ мужьскы, братье и дружино! <...> Уже намъ нѣкамо ся дѣти, и волею и неволею стати противу. Да не посраим земли Руские, но ляжемы костью ту, и мертвы бы сороба не имаеть. Аще ли побѣгнемъ, то срамъ намъ. И не имамъ убѣгнути, но станемъ крѣпко, азъ же предъ вами пойду: аще моя глава ляжетъ, то промыслите о себѣ.» И ркоша вси: «Идеже глава твоя ляжетъ, ту и главы наша сложим»» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 1, 118]. В «Житии Александра Невского»: «О княже нашъ честный! Нынѣ приспѣ врѣмя намъ положити главы своя за ти» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 5, 364]. При этом решение судеб возлагается на Господа: «Князи же наши възложише надежу свою на Бога, и рекоша: “Убо смерть намъ здѣ, да станемъ крепко”» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 1, 300] сказано в «Повести временных лет» о битве русских князей с кочевниками. Куликовскую битву также сопровождают традиционные формульные клятвы в верности князя и его дружины. Дмитрий Донской хочет разделить судьбу своего воинства, какой бы она ни была: «И хочу с вами ту же общую чашу испити и тою же смертию умрети за святую вѣру христианскую! Аще ли умру – с вами, аще ли спасуся – с вами» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 6, 176]. Дружина точно так же присягает князю: «Мы же готови есмя в сий день главы своя положить за тебе, государя, и за святыхъ церкви и за православное христианство. <...> Аще вси спасемъся, а тебе единого останем, ть кий намъ успех?» [БЛДР 2000-наст вр.: т. 6, 176].

Что характерно, в «Слове», вполне в германской традиции, есть слова Игоря – но нет ответа дружины. Игорь вполне в германской традиции решает за свою дружину, а она, предположительно, согласна, потому что тоже хочет славы и чести.

Однако, в отличие от германского эпоса, Игорь остается в живых и возвращается домой, причем отмечается, что он приезжает к церкви Богородицы Пирогощей. В противоположность языческой жажде славы и смерти Игорь возвращается к жизни – предположительно, во искушение своего греха.

Концепция «Слова» как глубоко христианского произведения была разработана, в частности, в работах Р. Пиккио и Х. Голдблатта, которые писали, что смысл «Слова» – в духовном спасении князя Игоря от греха гордыни. В своей работе «Функция библейских тематических ключей» Р. Пиккио предложил концепцию «тематических ключей» в древнерусской литературе. Это цитаты или перифразы библейских текстов, помещенные в начале либо всего произведения, либо его частей, и задающие парадигму духовной и религиозной интерпретации текста [Пиккио 2003: 436-437]. Таким тематическим ключом к «Слову», по мнению Пиккио и Голдблатта, являются слова «иже истягну умь крепостію своею и поостри сердца своего», перефразирующие цитату из Втор. 2:30: «Сигон, царь Есевонский, не согласился позволить пройти нам через свою землю, потому что Господь, Бог твой, ожесточил дух его [ἔσκληρυνε τὸ πνεῦμα] и сердце его сделал упорным [κατίσχυσε τὴν καρδίαν αὐτοῦ], чтобы предать его в руку твою, как это видно ныне» [Picchio, Goldblatt 2006: 147]. В отличие от Сигона, Игорь сам ожесточил свой дух, но в плену он испытал духовный переворот, и Господь даровал ему спасение.

Господь внезапно появляется, чтобы указать Игорю путь из земли половецкой и «истинный путь» обратно на Русь. Союз Игоря с «величием» Донца символизирует его освобождение от «оков», и «счастливый конец» теперь становится возможным. Доказательством того, что на князя Игоря снизошла благодать Господня, служит помощь, которую подает ему природа. Вопреки тому, что происходит в части I, когда Игорь выступил в поход против воли Божией, птицы теперь не возвещают ему злую судьбу, но показывают путь к доброй реке и, как мы попробуем показать – путь от гибели к свету спасения. Внезапно, ближе к концу СПИ, в разделе 2 части III, которую мы назвали «Искушение Игоря Святославича», из мифических и таинственных теней появляется Боян, чтобы в последний раз обратиться к читателю: «Рекь Боянь и ходы на Святъславля песнотворця стараго времени Ярославля, Ольгова коганя хоти: “Тяжко ти голове кроме плечю, зло ти телу кроме головы” – Русьской земли безъ Игоря» (с. 34, стр. 366-69). Этот отрывок – вовсе не новая загадка «вещего Бояна», он тесно связан с маркированным топосом христианской доктрины, восходящим к 1 Посланию к коринфянам св. апостола Павла (12:14-27), где части тела становятся

символами единства, гармонии и примирения [Goldblatt, Picchio 2006: 142].

Пиккио и Голдблатт отмечают, что сам духовный переворот князя Игоря в тексте не описан. «Таким образом, более утонченное и подробное описание перехода князя Игоря из состояния греха к покаянию и истинному христианскому смирению, возможно, находится в семантической системе за пределами СПИ, т.е. в более обширной текстуальной традиции, частью или вариантом которой является наша “история.” Другими словами, смысл СПИ становится более понятным, если мы рассматриваем СПИ в более широком контексте, т.е. если мы сравним его с летописными сообщениями, сохранившимся в Лаврентьевской и Ипатьевской летописях» [Goldblatt, Picchio 2006: 25].

Таким образом, спасение князя Игоря оказывается подчиненным еще одной краеугольной мысли Библии: «Скажи им: живу Я, говорит Господь Бог: не хочу смерти грешника, но чтобы грешник обратился от пути своего и жив был» (Иез. 33:11).

В этом отношении «Слово» радикально отходит от германской эпической традиции. Смерть уже не должна быть целью героя, а если он и ставит перед собой такую цель, то, по милости Господней, его ждет исправление.

Любопытно, что соотношение языческой цели самообожения и христианской веры косвенно затрагивается в «Песни о нибелунгах» (ок. 1200), где русалки Дуная предупреждают Хагена о скорой смерти всех бургундов, кроме капеллана:

«...Вернись, пока не поздно, иль ждет тебя конец.
Не с доброй целью к гуннам ты зазван, удалец.
Вы едете на гибель, а не на торжество.
Убьют вассалы Этцеля вас всех до одного». ...

Одна из них сказала: «Назначено судьбою
Тебе лишиться жизни и всем друзьям с тобою.
Нам ведомо, что только дворцовый капеллан
Вернется в землю Гунтера из чужедальних стран»

[Беовульф 1976: 533]

Видимо, как слуга Господень, капеллан исключен из сферы действия судьбы. В этом отношении неизвестный автор, предположительно, из круга епископа Пассау, находится вполне в рамках боэциевской традиции:

Провидение есть сам божественный разум, стоящий во главе всех вещей и располагающий все вещи, судьба же есть связующее расположение изменяющихся вещей, посредством нее провидение упорядочивает их существование. Провидение объемлет в равной степени все, как отдельное, так и бесконечное. Судьба же упорядочивает движением отдельное, распределяя и наделяя местом и формой. <...> Все, подчиненное судьбе, подвластно и провидению, которому подчиняется и сама судьба, но некоторые вещи, подвластные провидению, находятся выше линии судьбы. <...> Отстоящее дальше от своего начала – божественного разума – подвержено большим превратностям судьбы, ибо подвластность судьбе зависит от степени удаления от средоточия всего сущего [Боэций 1990: 265-266].

Любопытно, что автор «Песни» счел необходимым ввести этот мотив и тем самым противопоставить своих героев христианской вере, несмотря на то, что все они номинально христиане. Но нигде, насколько мне удалось установить, нет мотива религиозного покаяния и спасения *героя* эпической песни. В этом отношении «Слово» вполне уникально.

Возможно также предположить, что различия между Бояном и сказителем «Слова» именно идеологические, а не формальные. Дело, возможно, не только в противопоставлении «замышления» (предположительно вымысла) и «былин». (Ср. «синкретическую правду», о которой писал М.И. Стеблин-Каменский, не предполагавшую жесткого современного различия между исторической правдой и художественным вымыслом [Стеблин-Каменский 2013: 30]). Возможно, дело в «славе», воспеваемой князьям. Боян воспевает им славу, так сказать, по определению: «своя вѣщія прѣсты на живая струны вѣскладаше, они же сами княземъ славу рокотаху» [Слово 1988: 97]. Автор же «Слова» воспевает славу Игорю только после его возвращения из плена, т.е. после его духовного перерождения, завершая словом «Аминь». «Слава», которая воспевается князю Игорю, – это не слава Бояна, слава языческого скальда, погруженного в мир языческих мифов (ср. подробно разработанные Шарыпкиным скандинавские мифологические элементы в «Слове» [Шарыпкин 1976: 16-20]). Это не слава, которой ищут сами дружинники и которая ведет на смерть. Это слава, даруемая милостью Господней, слава, которую Игорь

обретает, пережив, как предположительно должен был знать современный «Слову» читатель, духовный переворот и обращение к Господу.

Таким образом, *формально* «Слово» находится в русле германской эпической традиции. Его герой отправляется на смерть ради славы, причем, возможно, смерть для него есть самоцель, а слава в его понимании неразрывно связана со смертью. Он полагает себя вправе распоряжаться своими воинами, не ожидая от них добровольного подтверждения верности князю вплоть до смерти. Поход Игоря описан с применением типично германских выразительных средств – аллитерации и кеннингов, характерных не только для скандинавской, но и для германской поэзии в целом. Однако *содержательно* «Слово» отделяется от самообожающейся телеологии германского эпоса. «Слава», воспетая таким героям, остается уделом Бояна, которому противопоставляет себя сказитель «Слова». «Слава» ведет к смерти, описываемой словом «суд», связанным с судьбой (вспоминается *wurd*, судьба-смерть в «Беовульфе»), и теперь герой, живущий в христианском мире, предстает отступником от Бога. Как пишут Голдблатт и Пиккио [Goldblatt, Picchio (ркп): 16], Игорь сам ожесточил свое сердце, отделив себя от Бога и противопоставив себя Его воле. Игорь не достигает своей изначальной цели. Его цель меняется, он, как мы должны понять, переживает глубинный духовный переворот и возвращается к христианскому Богу, что символизируется его прибытием к церкви Богородицы Пирогощей.

Таким образом, «Слово о полку Игореве» возвращает нас к тому вопросу, который мы задали с самого начала: к вопросу положения русской культуры в отношении культуры западноевропейской. «Слово» позволяет сказать о русской культуре то, что можно сказать о многих европейских культурах. Да, русская культура представляет собой часть европейской. Она сосредоточена на тех же философско-антропологических проблемах, что и культура европейская, в частности, германская. Она легко усваивает и формальные приемы германской и скандинавской поэзии, и мифологизирует историю, но в случае «Слова» она мифологизирует ее в ключе самообожения и отрицает подобный путь, сосредоточиваясь на пути, подобающем истинному христианину. В

духе общеевропейской, рыцарской традиции признавая главенство князя над дружиной и требуя дружинной верности, русская традиция, тем не менее, в христианском духе личной ответственности за свою душу перед Богом, требует *взаимных* клятв верности князя и дружины, и в языческом мировоззрении Игоря такая взаимность отсутствует. Подобно тому, как каждый человек – часть человечества и этим каждый подобен всем, русская литература – часть европейской культуры, разделяющая с ней целый ряд ключевых черт. Но подобно тому, как каждый человек, будучи частью человечества, обладает собственной индивидуальностью в разных ее проявлениях, русская культура обладает своей индивидуальностью и своеобычностью, которые становятся особенно заметны именно в силу существующей общности. «Слово о полку Игореве» – один из самых сложных для проведения подобных сравнений и одновременно один из самых и интересных и плодотворных текстов для размышлений и нахождения документально доказуемых ответов.

ЛИТЕРАТУРА

- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о нибелунгах. М.: Художественная литература, 1976.
- Бердяев Н.А. Духи русской революции. // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.-СПб.: Издательство Московского университета, 1990.
- Библиотека литературы Древней Руси. СПб.: Наука, 2000- наст. вр.
- Бозций. «Утешение философией» и другие трактаты. М.: Наука, 1990.
- Бубнов Н.Ю. «Слово о полку Игореве» и поэзия скальдов. СПб.: Русская симфония, 2006.
- Бузина Т.В. Достоевский. Динамика судьбы и свободы. М.: Изд-во РГГУ, 2011.
- Державин Г.П. Рассуждение о лирической поэзии или об оде // http://az.lib.ru/d/derzhawin_g_r/text_1812_rassuzhdenie_o_lir_poezii.shtml
- Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Л.: Наука, 1972-1991. Т. 14.
- Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве» - взгляд лингвиста. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2007.
- Квятковский А. П. Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966.
- Клейн Й. «Слово о полку Игореве» и апокалиптическая литература. (К постановке вопроса о топике древнерусской литературы) // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31

- Ковалевская Т.В., Вагизова Ф.А., Семенюк Е.В. История, литература и культура Великобритании. М.: Изд-во РГГУ, 2012.
- Кудруна. М.: Наука, 1984.
- Мелехов М.В. Древнерусские воинские повести: Проблемы сюжетосложения и идейно-художественная трансформация жанра в книжной и рукописной традиции XV-XVII веков. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 2001.
- Милютенко Н.И. Эпос западноевропейский и «Слово». // Энциклопедия «Слова о полку Игореве». В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. С. 258—259.
- Михайлова Т.А. Витязь на распутье в пространстве и во времени: к проблеме выбора судьбы // Понятие судьбы в контексте разных культур. М.: Наука, 1994.
- Национальная катастрофа, завершившаяся революцией, началась за 200 лет до нее, считает Патриарх Кирилл // http://www.tatmitropolia.ru/newses/church_news/?id=66260
- Пиккио Р. Slavia orthodoxa. Литература и язык. М.: Знак, 2003.
- Прийма Ф.А. «Слово о полку Игореве» в литературной жизни начала XIX века. (Материалы) // ТОДРЛ. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. Т. 10.
- Робинсон А.Н. Литература Древней Руси в литературном процессе Средневековья XI—XIII вв.: Очерки литературно-исторической типологии. М.: Наука, 1980.
- Рождественская М. В. Шарыпкин Дмитрий Михайлович // Энциклопедия «Слова о полку Игореве»: В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 5. 1995. С. 219—221. <http://feb-web.ru/feb/slovEnc/es/es5/es5-2191.htm>
- Сага о Ньяле. // Исландские саги. Ирландский эпос. М.: Художественная литература, 1973.
- Скандинавские сказки. М.: Художественная литература, 1982.
- Слово о полку Игореве. Дмитриев Л.А., Гаврюшин Н.К., Гребенюк В.П. М.: Книга, 1988.
- Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора // <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html>
- Смирницкая О.А. Поэтическое искусство англосаксов. // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982.
- Снорри Стурлусон. Младшая Эдда. СПб.: Наука, 2005 (репринт издания 1970 г.)
- Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1999.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. СПб.: Типография Имп. Академии наук, 1902. Репринт: М., 2003.

Стеблин-Каменский М.И. Мир саги. Становление литературы. М.: URSS, 2013.

Стеблин-Каменский М.И. Скальдическая поэзия. // Стеблин-Каменский М. И. Труды по филологии. — СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2003; URL: <http://norroen.info/articles/steblink/literature/scaldic.html>

Творогов О. В. Скептический взгляд на "Слово" // Энциклопедия "Слова о полку Игореве": В 5 т. СПб.: Дмитрий Буланин, 1995. Т. 4. С. 306—311.

Федотов Г.П. Стихи духовные. Русская народная вера по духовным стихам. М.: Гнозис, Прогресс, 1991.

Франкл В.Э. Основы логотерапии. // Франкл В.Э. Основы логотерапии. Психотерапия и религия. СПб.: Речь, 2000

Хализев В.Е. Теория литературы. М.: Высшая школа, 2002.

Чаадаев П.Я. Философические письма. // http://az.lib.ru/c/chaadaew_p_j/text_0010.shtml

Чижевский Д.И. К стилистике старорусской литературы. Kenningar? // Slavistična revija, Ljubljana, roc. 10, 1957.

Шарышкин Д.М. Боян в «Слове о полку Игореве» и поэзия скальдов. // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1976. Т. 31

Шарышкин Д.М. «Рек Боян и Ходына...» (К вопросу о поэзии скальдов и «Слове о полку Игореве») // Скандинавский сборник 18. Таллинн, 1973. С. 195—201

Beowulf. // <http://ebeowulf.uky.edu/ebeo4.0/CD/main.html>

Eddukvæði (Sæmundar-Edda). Akureyri – Prentverk Odds Björnssonar h.f., 1954.

Goldblatt Y., Picchio R. Old Approaches and New Perspectives: Once Again on the Religious Significance of the *Slovo o polku Igorevĕ*. // *Harvard Ukrainian Studies* (= Language and History in the Many Rus' Cultures, ed. Harvey Goldblatt and Nancy Kollmann Shields) 28 (2006): 129-54

Goldblatt Y., Picchio R. On Old Rus Literary Conventions and Prince Igor's "Sin of Pride" // рукопись.

Keenan, E.L. Josef Dobrovsky and the Origins of the Igor' Tale. Harvard U Press, 2004

O'Keeffe K.O'В. Heroic Values and Christian Ethics. // *The Cambridge Companion to Old English Literature*. Godden M., Lapidge M., eds. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.

Smithers G.V. *Destiny and the Heroic Warrior in Beowulf*. // *Philological Essays: Studies in Old and Middle English Language and Literature in Honour of Herbert Dean Merritt*. Rosier L.L., ed. The Hague and Paris: Mouton, 1970.

Tatiana V. Kovalevskaya
Doct. Of Sci., RSUH, Russia, Moscow
tkowalewska@yandex.ru

“THE LAY OF IGOR’S HOST” AND THE SCANDINAVIAN TRADITION

The article considers Scandinavian influence in “The Lay of Igor’s Host,” problems of philosophical anthropology typical for European and Russian epics, and the Lay’s significance for Russia’s self-perception and its locus within the European culture. The article points out formal poetic devices that bring the Lay close to the Germanic epic tradition: alliteration and kennings. The article indicates similar plot elements in both Germanic and Russian epics: historical foundations mythologized into a search of self-deification, destiny and glory as death, a prince’s absolute power over his warriors, the failure of the heroic undertaking. Special emphasis is placed on the features that distinguish the Lay from Germanic epics: condemnation of the prince for his sin of pride, rejection of glory in death as a pagan phenomenon, the hero’s physical survival, and his spiritual salvation through the mercy of God. The conclusion is that the Lay is both part of the European epic tradition and at the same time, it exhibits unique features that set the Russian culture apart from related cultural traditions. For an advanced foreign student studying Russian language and culture, “The Lay of Igor’s Host” will serve as a useful introduction of the key issues of Russian culture.

Key words: alliteration, kennings, self-deification, sin of pride, prince and warriors, repentance, salvation.

Илюшин Евгений Александрович
кандидат филологических наук, стар-
ший преподаватель кафедры русского
языка для иностранных учащихся фи-
лологического факультета МГУ имени
М. В. Ломоносова, Москва Россия
ilyushin.evg@mail.ru

СИЛЛАБИКА ИЛИ ПОЧТИ ЯМБ? О ПЕРЕВОДЕ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ, СДЕЛАННОМ А. А. ИЛЮШИНЫМ

В статье продолжается рассмотрение стиха перевода «Божественной Комедии», написанного А. А. Илюшиным, начатое в статье прошлого года. Составлены таблицы количества строк ямба и не ямба для «Чистилица» и «Рая».

Ключевые слова: Данте, А. А. Илюшин, силлабика, ямб, «Ад», «Чистилице», «Рай».

В предыдущей статье («О версификации переводов Данте на русский язык (А.А. Илюшин и другие переводчики)») [Илюшин 2017] мы рассматривали вопрос о том, к чему ближе перевод А. А. Илюшина – к силлабическому одиннадцатисложнику или к пятистопному ямбу. В первое время после появления перевода (отрывки публиковались в «Дантовских чтениях» начиная с 1976 г., первое полное издание – 1995 г.) этого вопроса не было, перевод был заявлен как силлабический и воспринимался как силлабический. Вопрос «силлабика это, или нет» возник после того, как некоторые исследователи высказали мысль, что перевод Илюшина далек от силлабики и близок к ямбу. В указанной статье мы привели аргументы сторонников того, что перевод — это, скорее, ямб, и решили взвесить все доводы «за» этот тезис и «против» него. Для этого надо было: 1) Решить, в какой степени наличие большого количества ямбических строк противоречит утверждению, что весь перевод — силлабика. 2) Посчитать, насколько же велико количество этих ямбических строк в нем, то есть подсчитать в абсолютных цифрах и в процентах, сколько строк — ямб, а сколько — не ямб. Для ответа на первый вопрос была проанализирована идея, на первый взгляд парадоксальная, о том, что

силлаботоника — это частный случай силлабики. Для ответа на второй вопрос были произведены подсчеты. В статье была помещена таблица абсолютного и процентного количества строк, не являющихся ямбом, для всех песней «Ада». В этой таблице отсутствовала строка «Всего»; приведем эти сведения теперь. В первой части перевода («Ад») не являются ямбом 1830 строк из 4720, это 38,77%.

В той статье мы анализировали следующий аргумент «в пользу ямба»: очень часто достаточно передвинуть ударение в одном слове, чтобы строка стала ямбической. На это мы отвечали, что передвинуть ударение в одном слове — это тоже немало, что наиболее распространенные в тексте перевода ритмические схемы отличаются от ямба как раз одним не соответствующим ямбу ударным слогом. Дополним эту мысль следующей иллюстрацией: Возьмем строку Кантемира, передвинем ударение в одном слове: *Уме недозре́лый плод недо́лгой науки*. Получились две строки хорей. Возьмем строку Феофана Прокоповича и тоже передвинем ударение в одном слове: *Не знаю, кто ты, проро́че рогаты́й*. Получился ямб.

Еще раз скажем о принципах, которыми мы руководствовались, относя ту или иную строку к ямбу, или не к ямбу. Если ударения встречаются только на четных слогах — 2, 4, 6, 8, 10, на некоторых из них, в любых комбинациях — то это, естественно, ямб. 10-й слог является ударным всегда, так как клаузула женская. Имеется очень небольшое количество 10-сложных строк с мужской клаузулой; все, как в оригинале. Структура этих строк такая же, как у остальных, только в них нет 11-го слога. Чтобы с полным основанием сказать, что строка ямбом не является, нужны следующие условия. Должно быть ударение хотя бы на одном нечетном слоге — 1, 3, 5, 7, 9. 11-й слог ударным не бывает по той же причине: клаузула женская. Но наличие ударения на одном из пяти нечетных слогов не обязательно делает строку не ямбической. Если это ударение приходится на односложное слово, то оно не нарушает метр ямба. Как в известном примере: «*Брат упросил награду дать*» — это ямб, несмотря на то, что первый слог первой стопы ударный. А строка «*Брату просил награду дать*» — уже не ямб, так как двусложное слово *брату* нарушает метр ямба дважды, обоими своими слогами. В соответствии с

этим правилом, строку *Свет ярче стал и шире разгорался*. (Чистилище, II, 21) считаем ямбом, так как слово *свет*, дающее ударение на первом слоге, — односложное.

Но есть строки, которые мы сочли ямбическими, даже не смотря на то, что в них имеется нечетный ударный слог, принадлежащий двусложному слову. Такое бывает, если эти двусложные слова — предлоги, союзы, местоимения и т. д. Например, строку *Чтобы она со мною говорила*. (Чистилище, II, 87) тоже считаем ямбом, считаем, что на слове *чтобы* вообще нет ударения.

Еще в переводе имеется немало строк со словами, в которых либо допускается различное ударение, либо можно предположить, что переводчик специально употребил не совсем нормативное, просторечное или устаревшее ударение. Возьмем строку *Тотчас пуститься; прежде малодушен...* (Ад, II, 137). Видно нарушение ямба на слове *тотчас*, так как правильное ударение в этом слове на первом слоге. Но если считать, что здесь не «тотчас», а «тотчас», разговорный вариант? Будем и эту строку считать ямбом. Или слово «дневное» — «дневное» в строке *Пока не сгасло дневное светило* (Чистилище, XX, 100). Понятно, что правильно «дневное», но в сочетании со словом *светило* и еще со словом *сгасло*, учитывая пушкинское «Погагло дневное светило», допускаем и другой вариант, следовательно, допускаем, что эта строка — ямб. Эти примеры приводим для того, чтобы показать, что не пытаемся специально насчитать как можно меньше строк ямба и как можно больше не ямба. Конечно, есть строки, по поводу которых можно дискутировать, ямб это или нет, но мы старались относить к не ямбу только те строки, которые бесспорно ямбом не являются.

Из пяти слогов, ударность которых нас интересует — 1-й, 3-й, 5-й, 7-й, 9-й — чаще всего ударными оказываются 1-й и 7-й. Объясняется это просто: 9-й слог соседствует с 10-м, всегда ударным, а 3-й и 5-й — с 4-м, который тоже чаще всего ударный, так как переводчик соблюдает цезуру после 5-го слога, почти всегда женскую. А два ударных слога подряд встречаются относительно нечасто. В тех случаях, когда ударными оказываются и 1-й, и 7-й слоги, строка, как правило, получается дактилическая, например: *В душной темнице познал я неволю* (Ад, XXXIII, 177), *Падшим такое дано правомочье?* (Чистилище, I, 48).

Но и примеров с ударными 3-м, 5-м и 9-м слогами тоже можно привести достаточно: *Сквозь зрачку́ будто — радости приятной.* (Рай, II, 144), *Три зеркала взять; два из них поближе,* (Рай, II, 97), *С тех пор как орла́ Константин заставил* (Рай, VI, 1), *Так мне сказала, и начала́ «Аве...»* (Рай, III, 121).

Продолжая наши подсчеты, мы составили аналогичные таблицы количества неямбических строк во всех песнях «Чистилица» и «Рая».

ЧИСТИЛИЩЕ

Песнь	Кол-во строк, не являющихся ямбом	Всего строк	%
1	56	136	41,2
2	62	133	46,6
3	72	145	49,7
4	65	139	46,8
5	59	136	43,4
6	66	151	43,7
7	48	136	35,3
8	62	139	44,6
9	73	145	50,3
10	56	139	40,3
11	59	142	41,5
12	54	136	39,7
13	60	154	39,0
14	60	151	39,7
15	54	145	37,2
16	61	145	42,1
17	62	139	44,6
18	67	145	46,2
19	70	145	48,3
20	73	151	48,3
21	67	136	49,3
22	63	154	40,9
23	61	133	45,9
24	61	154	39,6
25	69	139	49,6
26	41	148	27,7
27	40	142	28,2

28	45	148	30,4
29	46	154	29,9
30	49	145	33,8
31	43	145	29,7
32	61	160	38,1
33	37	145	25,5
Всего	1922	4755	40,42

В «Чистилище» процент не ямба больше, чем в «Аде», как видно из таблицы, 40,42% против 38,77%. Впрочем, это небольшая разница, меньше 2%. Также из таблицы видно, что сам перевод «Чистилища» в этом плане неоднороден. Интересно различие между песнями 1-25 и 26-33 (Последние 8 песней «Чистилища» также называются «Земной Рай»). Контраст между этими восемью песнями и остальным «Чистилищем» очень заметный: 30,50% и 43,72%.

Можно объяснить это тем, что эти 8 песней переводились раньше, чем остальное «Чистилище», «Рай» и даже часть «Ада». Их перевод опубликован в 1979 г. Таким образом, становится ясно, что по ходу работы над переводом процент неямбических строк возрастал.

Интересен также следующий момент. Среди песней «Ада» больше всего строк не ямба в песни XXXIII — 52,2%, это единственная песнь «Ада», где таких строк больше половины. Первая половина этой песни и самый конец предыдущей представляют собой знаменитый эпизод Уголино, который А. А. Илюшин перевел едва ли не раньше всего, он опубликован в 1976 г. Этот факт не вписывается в общую тенденцию увеличения процента неямбических строк по мере работы над переводом. Фрагменты «Комедии», переведившиеся раньше всего, оказались диаметрально противоположными по критерию, который мы рассматриваем: в песнях «Земного Рая» больше всего ямба, а в эпизоде Уголино — меньше всего. Посчитаем ямб и не ямб отдельно для эпизода Уголино. Это последние 16 строк песни XXXII и первые 90 строк песни XXXIII. Всего 106 строк, из них 64 — не ямб. Это 60,38%, рекордная величина для всего перевода.

РАЙ

Песнь	Кол-во строк, не являющихся ямбом	Всего строк	%
1	70	142	49,3
2	63	148	42,6
3	59	130	45,4
4	62	142	43,7
5	60	139	43,2
6	75	142	52,8
7	67	148	45,3
8	67	148	45,3
9	62	142	43,7
10	63	148	42,6
11	61	139	43,9
12	58	145	40,0
13	57	142	40,1
14	65	139	46,8
15	59	148	39,9
16	67	154	43,5
17	74	142	52,1
18	58	136	42,6
19	69	148	46,6
20	63	148	42,6
21	61	142	43,0
22	67	154	43,5
23	59	139	42,4
24	78	154	50,6
25	56	139	40,3
26	48	142	33,8
27	64	148	43,2
28	64	139	46,0
29	66	145	45,5
30	50	148	33,8
31	54	142	38,0
32	66	151	43,7
33	62	145	42,8
Всего	2074	4758	43,59

Общий процент неямбических строк в «Рае» превосходит соответствующий процент в «Чистилище» на 3% — 43,59 против 40,42. Но если сравнивать «Рай» с «Чистилищем» без последних 8 песней, получается почти одинаковая цифра: 43,59 и 43,72. Песни «Чистилища» XXVI-XXXIII составляют контраст с остальным «Чистилищем», «Раем» и даже «Адом» — 30,50%. Покажем это в итоговой таблице.

Песни, части	Кол-во строк, не являющихся ямбом	Всего строк	%
Ад	1830	4720	38,77
Чистилище 1-25	1560	3568	43,72
Чистилище 26-33	362	1187	30,50
Чистилище (все)	1922	4755	40,42
Рай	2074	4758	43,59
Вся Комедия	5826	14233	40,93

Проведенные подсчеты подтверждают вывод, сделанный нами ранее: наличие в переводе А.А. Илюшина большого количества ямбических строк не противоречит тому, что весь перевод в целом — силлабика.

ЛИТЕРАТУРА

- Данте Алигьери. Божественная комедия. Перевод с итальянского А.А. Илюшина. М., 1995. Филологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 1995.
- Данте Алигьери. Божественная Комедия. Перевод с итальянского. М., «Просвещение», 1988.
- Данте Алигьери. Божественная Комедия. Перевод А. А. Илюшина. М., Дрофа, 2008.
- Дантовские чтения. М., «Наука». 1976.
- Дантовские чтения. М., «Наука». 1979.
- Дантовские чтения. М., «Наука». 1982.
- Дантовские чтения. М., «Наука». 1985.
- Дантовские чтения. М., «Наука». 1989.
- Дантовские чтения. М., «Наука». 1996.
- Илюшин Е.А. «О версификации переводов Данте на русский язык (А.А. Илюшин и другие переводчики)» // Слово. Грамматика. Речь. Выпуск XVIII. М., 2017.

Evgeny A. Ilyushin
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
ilyushin.evg@mail.ru

**SYLLABIC OR ALMOST IAMBIC? ON THE TRANSLATION OF
DANTE'S “DIVINE COMEDY” BY A.A. ILYUSHIN**

The article continues the consideration of the verse of the translation of the "Divine Comedy" written by A. A. Ilyushin, started in an article of the last year. The tables of the number of iambic and non-iambic lines for "Purgatory" and "Paradise" are compiled.

Key words: Dante, A.A. Ilyushin, syllabic, iambic, "Hell", "Purgatory", "Paradise".

Сергеева Ольга Михайловна
кандидат филологических наук, преподава-
тель кафедры русского языка для иностран-
ных учащихся филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
barsom@bk.ru

РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА В РЯДУ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ

В статье русская народная сказка рассматривается как прецедентный текст, как источник разного рода прецедентных феноменов (прецедентное имя, прецедентное высказывание, прецедентная ситуация), а также как основа для создания вторичных прецедентных текстов. Показано влияние сказки на формирование особенностей национального миропонимания.

Ключевые слова: русская народная сказка, прецедентный текст, прецедентный феномен, вторичный текст.

Среди явлений национальной культуры особенное место принадлежит прецедентным текстам.

Понятие прецедентного текста было введено Ю.Н. Карауловым. Прецедентными исследователь называет тексты, «значимые для той или иной личности в познавательном или эмоциональном отношении, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников, и, наконец, такие, обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [Караулов 1987:216].

Некоторые прецедентные тексты имеют долгую историю, на них воспитано не одно поколение носителей языка. Это прежде всего произведения классиков национальной литературы, религиозные источники, лучшие образцы фольклора. Другим текстам суждена яркая, но короткая жизнь – это шлягеры, телесериалы, высказывания известных людей и т.п.

Ю.Н. Караулов рассматривает знание прецедентных текстов как показатель принадлежности личности к данной эпохе и ее культуре, а незнание этих текстов – как свидетельство дистанцирования ее от соответствующей культуры.

Особенностью прецедентного текста является то, что в коммуникативной ситуации он функционирует обычно не целиком, а частично, иногда даже вводится намеком, при этом оставаясь узнаваемым для всех участников коммуникации.

В разные эпохи одни тексты становились общеизвестными и общезначимыми, в то время как другие утрачивали свое значение.

Среди прецедентных текстов, демонстрирующих взаимосвязь русского языка и русской национальной культуры, следует выделить русскую народную сказку.

Русская народная сказка оказала большое влияние на нашу культуру, она дала жизнь многим произведениям русской литературы и искусства.

Сказка – не просто прецедентный текст, но и богатейший источник прецедентных феноменов.

Так, например, благодаря русским народным сказкам приобрело широкую известность множество устойчивых выражений, поговорок и пословиц. Все они регулярно воспроизводятся в нашей речи, каждый раз отсылая нас к текстам-источникам. Приведем примеры:

Битый небитого везет; В некотором царстве, в некотором государстве; В огне не горит и в воде не тонет; Двум смертям не бывать, а одной не миновать; Избушка на курьих ножках; Живая и мертвая вода; Дом убереешь, белье постираешь, обед свариишь – и спи, отдыхай (в разных вариантах); Жил-был старик. Было у него три сына: двое умных, а третий ... (здесь вместо слова дурак следует эвфемизм, например, спортом занимался); Жили-были; Жить-поживать и добра наживать; За тридевять земель; Избушка, избушка, стань к лесу задом, ко мне передом; Каша из топора; Лягушонка в коробчонке едет; Молочные реки и кисельные берега; Напои, накорми и спать уложи; Направо поедешь – коня потеряешь, налево поедешь – сам поибнешь (в разных вариантах); Не пей – козленочком станешь; Ни в сказке сказать, ни пером описать; Пир на весь мир; Поди туда – не знаю куда, принеси то – не знаю что; Полцарства и коня в придачу; По сусекам поскребла; По усам текло, а в рот не попало; По щучьему велению, по моему хотению; Растет не по дням, а по часам; Русским духом пахнет; Скоро сказка сказывается, да не

скоро дело делается; Стань передо мной, как лист перед травой; Тебе вершки, мне – корешки; Тут и сказочке конец; Что невесел, голову повесил; Шемякин суд; Я от бабушки ушел, я от дедушки ушел...

Список этот можно продолжить. Каждое из подобных выражений вызывает в памяти носителя языка определенный сюжет, определенные образы, и таким образом современная ситуация проецируется на сказочный текст, возникает наложение смыслов.

Правильное понимание цитат, отсылок к сказочным текстам, скрытых или явных, невозможно без знакомства с контекстами-источниками. Вот, например, нас спрашивают: «Как дела?» – и мы отвечаем: «Как в сказке – чем дальше, тем страшнее». В таком ответе скрыта цитата из сказки «Финист – ясный сокол», в которой героиня получает от говорящего кота предупреждение и совет: «Не бойся, Марьюшка, иди вперед. Будет еще страшнее, а ты иди и иди, не оглядывайся».

Сказка – источник прецедентных имен. Этими именами в наше время мы иногда обозначаем определенные человеческие типы. Так, Кощей бессмертный – тощий, злобный старик, Баба Яга – страшная, уродливая, костлявая старуха, Лиса Патрикеевна – хитрая, обаятельная, эгоистичная, коварная женщина. В нашем обиходе мы часто используем сказочных персонажей для характеристики человека.

Среди прецедентных имен почетное место занимает Иванушка-дурачок. Представителя иной культуры удивляет, что такой герой без усилий получает то, чего не могут добиться герои с более высоким статусом, например его братья. Однако русская поговорка «Дуракам везет» заключает в себе существенный аспект национальной философии – представление о том, что люди простодушные, бесхитростные и непрактичные находятся под защитой высших сил.

В сказках актуализируются некоторые значимые для нашей культуры семантические оппозиции: свой – чужой, добро – худо, левый – правый.

Особая роль в русских народных сказках принадлежит числу три. Оно является основой структуры текста (три сюжетных эпизода, три сына, три дочери и т.п.), и это не случайно. Число три

– прецедентный феномен в русской культуре, оно наделено особым статусом, ассоциируется с завершенностью сделанного, устойчивостью результата, обладает особой убедительностью, самодостаточностью. Мы часто говорим: «Бог троицу любит».

В сказках «Никита кожемяка» и «Микула Селянинович» очерчен национальный этический идеал, в который входят такие черты, как нестяжательство, бескорыстие, чувство справедливости.

Характерные черты русского религиозного сознания проявляются в сказках, персонажами которых служат святые – Егорий, Илья-пророк, Касьян и самый популярный у русского народа святой – Николай Чудотворец.

Русская народная сказка представляет концентрирует в себе многие черты национального духа и в этом качестве не теряет своего значения и в наши дни.

Особенная роль сказки в национальной культуре русского народа обусловлена несколькими факторами.

Сказка, как и другие произведения фольклора, связана с патриархальным крестьянским миром, а в России аграрный характер экономики сохранялся веками. В связи с недостаточной грамотностью населения у нас устная сказочная традиция жила долго. В силу особенностей социально-экономического развития России традиция устного сказочного творчества сохранялась в нашей стране и в XX веке, тогда как в других европейских странах она к этому времени уже отжила. До 1917 года по уровню прецедентности со сказкой могло конкурировать только Священное писание.

В России прошлого своеобразными очагами культуры были дворянские усадьбы. Характер усадебной жизни способствовал взаимопроникновению и укреплению связи культуры дворянской и культуры крестьянской. В частности, на русских народных сказках в прошлом воспитывались как крестьянские, так и дворянские дети, сказки объединяли нацию.

В советское время вопросы правильного воспитания детей составляли часть государственной внутренней политики и идеологии. Много внимания уделялось фольклору, и именно на произведениях устного народного творчества воспитывали молодое

поколение. Значительную часть этого культурного наследия составляли русские сказки. Раннее приобщение к текстам национальных сказок обеспечивало патриотическую заправку нескольким поколениям советских людей. Наблюдается определенная преемственность: от России крестьянской к России советской русская народная сказка сохраняла свое значение как высокопрецедентный текст. Поколение послевоенное передало эту традицию своим детям и внукам.

Сказка – первый текст, с которым знакомится человек в самом раннем возрасте. Она глубоко проникает в сознание ребенка и закладывает основы его внутреннего мира.

Интересно, что сказка, будучи продуктом коллективного творчества, сама формирует важнейшие особенности национальной ментальности, и роль ее в этом процессе чрезвычайно велика.

Существуют различные редакции народных сказок, но прецедентным текстом чаще становится один, максимум два варианта. Это обычно сказки, предназначенные для детской аудитории. Именно такие сказки во многом определяют устойчивые черты национальной психологии.

Как уже говорилось, прецедентность текста – категория историческая. Если в дореволюционной России с русской народной сказкой по уровню прецедентности могли конкурировать лишь тексты Ветхого и Нового завета, то в XXI веке ситуация несколько иная.

Рассмотрим роль русской народной сказки как прецедентного текста в современной массовой культуре.

Сказке свойственны гибкость и вариативность, она способна перерождаться и менять облик. Сказка не исключает сотворчества, можно сказать, приглашает к нему, допускает широкий диапазон трактовок и хорошо воспринимается любой возрастной и социальной аудиторией. Вот почему она легко становится основой многих культурных явлений современности.

В наше время со сказочным текстом активно конкурирует мультфильм. Если теперешнее старшее поколение в России воспитано на сказках, среднее – тоже, то для младшего поколения первостепенное значение имеют мультфильмы. Даже школьники читают мало, для них зрительный ряд важнее. Старшее поколе-

ние через детей младшего и среднего возраста также приобщается к мультфильмам, и в его сознании они тоже начинают конкурировать со сказочным текстом.

Зададим себе вопрос: на чем строится успех мультфильмов у детей и взрослых? Проанализировав содержание ряда популярных мультфильмов, увидим, что в основе многих из них опять-таки лежит прецедентный текст, и прежде всего русская народная сказка. Современные мультипликаторы редко следуют первоначальному тексту, содержание сказки часто изменяется до неузнаваемости. Автор может просто использовать сказочного героя или его имя. Так, мультипликатор из Голландии Джеймс Бокбиндер, вдохновившись русским фольклором, создал мультфильм «История Колобка», взяв в героиню персонаж русской народной сказки. Место действия – метрополитен времен СССР, где Колобок встречает разных зверей и людей. Вспомним также отечественный мультфильм «Следствие ведут Колобки».

Несмотря на то, что эти мультфильмы далеко отстоят от сказочного первоисточника, связь с фольклорной традицией обеспечивает новым образам многомерность и глубину, твердую опору в сознании зрителя любой возрастной категории.

Показательна история современной мультиинтерпретации русской народной сказки «Маша и Медведь». Сохранившая только название оригинала мультипликационная версия демонстрирует полный разрыв с фольклорной традицией. Младшему поколению мультфильм представляется оригинальным культурным продуктом, в то время как для старшего поколения само название «Маша и медведь» содержит реминисценции весьма значимые. Старшие знают происхождение таких широко известных выражений, как «Не садись на пенек, не ешь пирожок», «Высоко сидит, далеко глядит», которые вполне можно отнести к прецедентным высказываниям.

Новая мультсказка со старым названием «Маша и медведь» – это продукт массовой культуры, тесно связанный с индустрией детских развлечений, которому искусственно пытаются придать статус прецедентного феномена путем промышленного тиражирования его образного ряда в виде кукол, картинок на чипсах, конфетах и т.п. Это один из примеров агрессии вторичных образов против первичных, фольклорных.

Вообще говоря, новые мультверсии известных сказок иногда напоминают пародии, они малопоэтичны и во многом рассчитаны на взрослую аудиторию, т.к. нередко содержат различного рода подтекст.

Мотивы русских народных сказок широко используются в современной отечественной рекламе. Яркий пример – реклама печенья «Причуда» с образами Ивана-царевича, Бабы-Яги и Василисы Премудрой.

Скрытую рекламную функцию часто выполняют наименования продуктов (сухарики «Емеля», шоколад «Аленка» и др.).

Создателям рекламы выгодно использовать мотивы русских народных сказок, потому что в сказочных текстах, в сказочных образах скрыты основы нашего национального миропонимания. Таким образом, реклама играет на тех струнах в душе каждого носителя языка, которые отзываются на поданный сигнал. Такое приращение рекламе национального колорита – эффективный прием, всегда обеспечивающий тот результат, на который и рассчитывал автор рекламного текста.

Широко тиражируется в современной культуре известный сказочный образ богатыря на распутье. Например, в Интернете можно найти описание деловой игры с таким названием.

Коротко рассмотрим такой популярный в наше время фольклорный жанр, как анекдот. В анекдотах также активно используются сказочные мотивы и сказочные персонажи. Анекдоты из Интернета – неинтересный в целом материал, часто демонстрирующий скудоумие и откровенное хамство его создателей, но примечательно одно: русская народная сказка присутствует и в анекдотах. Приведем только три примера: «Братец Иванушка наклоняется к тракторной колее, чтобы попить воды. Аленушка ему говорит: Не пей, Иванушка, бульдозером станешь...»; «Вышла Василиса Премудрая замуж за Иванушку, и стала Василиса Дурак...»; «Сказочные СМС: Мама, тут какой-то серый под окнами, говорит, доставка продуктов. На козла не похож. Мы заказывали? Семеро козлят».

В анекдотах действуют герои волшебных сказок (Баба-Яга, Кощей Бессмертный, Змей Горыныч, царевна-лягушка) и сказок о животных. Как отмечают исследователи, здесь происходит

трансформация сказочных образов, а также их смешение. Они отчасти теряют свои сказочные функции и приобретают новые. Утрачивается и дифференциация их по признаку «добрый-злой».

Ни один из вторичных культурных феноменов, порожденных русской народной сказкой, не обладает такой живучестью, как сама сказка. Особенно недолговечны рекламные тексты. И ни один из этих феноменов не используется как основа для создания вторичных текстов. Только сказка способна мотивировать вторичные тексты. Это происходит прежде всего потому, что сказка как продукт коллективного творчества существует зачастую в различных вариантах и каждый может себе позволить прибегнуть к творчеству. В этом смысле сказка – открытый текст, неисчерпаемый родник сюжетов и образов.

При возникновении вторичных текстов уровень прецедентности первичного текста повышается: сказка как бы извлекается из забвения, если здесь вообще можно говорить о забвении. Фольклорный текст все время работает, он варьируется, обновляется, обрастает новыми смыслами и даже перерождается, но отсылка к первоначальному источнику не теряется.

Не будет преувеличением сказать, что русская народная сказка и по сей день сохраняет первое место в ряду прецедентных текстов. Иностранцу, изучающему русский язык, она дает возможность получить разностороннее представление о коренных началах национальной жизни.

ЛИТЕРАТУРА

- Аникин В.П. Русская народная сказка. М.: Учпедгиз, 1959. - 256 с.
- Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В., Багаева Д.В. Некоторые особенности функционирования прецедентных высказываний // Вестник МГУ. Сер.9. Филология. - 1997. - № 4. – С. 106 -118.
- Костомаров В.Г., Бурвикова Н.Д. Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом, 1994. - № 1. – С. 73 – 76.
- Карасев И.Е. Трансформация классических образов сказок о животных и волшебных сказок в современном народном анекдоте: дис ...канд. филол. наук. – Челябинск, 2000.
- Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: URSS, 1987.
- Пропп В.Я. Русская сказка. Л., 1984.
- Чиркова О.А. Поэтика современного народного анекдота: дис...канд. филол. наук. - М.,1997.

Olga M. Sergeeva
PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
barsom@bk.ru

RUSSIAN FOLK FAIRY-TALE AMONG OTHER PRECEDENTIAL TEXTS

The paper discusses Russian folk fairy-tale as a high-precedential text, as a source of different precedential phenomena (precedential name, precedential utterance, precedential situation) and also as a base for derivative precedential texts. The fairy-tale influence in shaping peculiarities of national mentality is shown.

Key words: Russian folk fairy-tale, precedential text, precedential phenomenon, derivative text.

*Старовойтова Ирина Александровна,
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка для иностранных уча-
щихся филологического факультета МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
irishun@list.ru*

**ПОВЕСТЬ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» – КАК ТРАКТАТ
О ЛЮБВИ (ЧИТАЕМ И ГОВОРим О ПОВЕСТИ «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ»
И.С. ТУРГЕНЕВА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ)**

В статье анализируется повесть И.С. Тургенева «Первая любовь» и предлагается модель работы с текстом произведения в группах иностранных стажёров, владеющими русским языком на уровне В2.

Ключевые слова: анализ художественного текста, виды работы с текстом, имплицитный смысл.

Как приятно весной, после длинной утомительной зимы, почитать что-нибудь о любви, об этом потрясающем захватывающем чувстве, вызывающем колоссальный спектр эмоций. Продолжим мысль классика: не только все возрасты покорны любви, но и все без исключения национальности. Тема любви и дружбы близка и понятна всем, поэтому вызывает искренний интерес и отклик у студентов, учащиеся охотно вступают в коммуникацию, даже на начальном этапе обучения, рассказывая о своём друге/подруге. Особенно трепетное отношение вызывает у молодёжи тема первой любви, в связи с этим иностранные стажёры-филологи, владеющие русским языком на уровне В2, выбрали для чтения и анализа повесть И.С. Тургенева «Первая любовь».

Работа с художественным текстом на занятии РКИ, как известно, предполагает трехчастную структуру: предтекстовую, притекстовую и послетекстовую. Предлагаемый нами дальнейший план работы с повестью подготавливает учащихся к чтению и осмыслению художественного текста, уменьшает культурное и временное расстояние между автором и читателем. Как верно заметил Б.А. Успенский, чтобы произошло понимание текста, «адресат должен себе представить такую ситуацию, в которой он мог

бы породить такой же или аналогичный (с его точки зрения) текст.» [Успенский 2007: 112] Ориентируясь на общую языковую подготовку наших иностранных стажеров, на первом этапе работы учащимся было предложено выполнить следующие задания:

– по названию определить содержание произведения;

Выполняя задание, учащиеся отчасти верно предположили, что им предстоит познакомиться с рассказом о сердечных томлениях девушки или молодого человека, ведь первая любовь случается именно в юном возрасте, с людьми неопытными и наивными, но по мнению психологов, будучи правдивой по своим эмоциям, первая любовь запоминается на всю жизнь. Далее мнения студентов разделились: одни полагали, что будут читать рассказ о несчастной первой любви, несерьёзной, мимолётной, другие считали, что это рассказ-воспоминание о самых счастливых минутах жизни умудрённого опытом человека. Но общим в этих предположениях было то, что нам предстоит знакомство с рассказом одного человека, о первом светлом чувстве любви к тому, с кем впоследствии разводит судьба, о любви, заставляющей испытывать страдания и муки.

– дать определение слову «любовь».

Размышляя о том, пытаясь дать определение, исходя из собственных знаний, учащиеся сошлись во мнении, что любовь бывает разная и что можно говорить о разных видах её проявления. Здесь возникла необходимость вспомнить о том, что, например, древние греки выделяли четыре вида любви: агапе, эрос, сторге и филиос, и каждое слово подразумевало особый вид отношений. Аристотель дополнил эту классификацию и предложил следующие виды: агапе – жертвенная любовь, людус – любовь-игра, эрос – чувственная любовь, мания – любовь-одержимость, прагма – рассудочная любовь, сторге – любовь-дружба. Стендаль считал, что существует любовь-склонность, плотская любовь, любовь из тщеславия, любовь-страсть. Русский философ Владимир Соловьёв, определяя, что же такое любовь, предлагал троякий её вид: любовь, которая даёт, с преобладающим чувством жалости; любовь, которая получает, суть которой благоговение; любовь, которая даёт и получает, части которой благоговение, жалость и стыд. Для выполнения первого этапа работы, семантизации лексикой по теме, мы отталкивались от определения слова, данного в

Русском семантическом словаре: во-первых, это чувство глубокого расположения, самоотверженной привязанности и, во-вторых, глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. [Русский семантический словарь 2003: 246]

– заполнить таблицу, исходя из данного выше определения слову «любовь», в первом и втором значении;

Данное задание направлено на повторение уже накопленного лексико-грамматического материала темы, закрепления, введения новой лексики, выполняется вместе с преподавателем и под его руководством.

	1. Любовь	2. Любовь
к кому?	к родителям, к детям,	к мужчине, к женщине
какая?	слепая=всепрощающая	первая ≠ последняя страстная настоящая с первого взгляда = возникшая сразу взаимная ≠ безответная платоническая (Платон) = духовная любовь до гроба = вечная
любви ещё нет; ты её ждёшь		муки любви ожидание любви
любовь уже есть; человек говорит о ней		признаться (признание) в любви объясниться (объяснение) в любви влюбиться (в кого?) влюблённость
когда тебе предпочитают другого, ты.		ревновать (к кому?) ревность
официальная регистрация отношений		выйти замуж/ жениться по любви брак по любви ≠ брак без любви брак по расчету

испытывать сильные чувства		страдать от любви сгорать от любви умирать от любви
полюбить кого-то, будучи в браке		изменить (кому? с кем?) измена в любви неверность
заставить любить		склонить к любви соблазнить (кого?)
конец любви		любовь прошла, угасла, развестись (с кем?) = разойтись (с кем?) развод
поговорки и поговорок	От любви до ненависти один шаг = Любовью не шутят. Старая любовь не ржавеет. = Давняя любовь не проходит. Любви все возрасты покорны. (поэт.) Любовь зла. = Любимого не выбирают.	

– расскажите о счастливой / несчастливой любви на примере своих знакомых, родственников, используя материал литературы, кино;

– посмотрите видеозарисовки, выскажите предположения, что чувствуют эти люди: женщина (молодая мать, играющая со своим малышом.); молодой человек (юноша на прогулке со своей горячо любимой собакой); мужчина и женщина (он и она бегут навстречу друг другу, обнимаются, целуются);

– работник ЗАГСа подготавливает статистические сведения о разводах за прошедший год, указывает количество и их причины;

– задание в парах: друг удивляет выбор жениха их третьей подруги, диалог заканчивается фразой «Любовь зла.»

– ответьте на вопрос: говорят, что от любви до ненависти один шаг. Почему так происходит?

– предположите: какая история любви достойна экранизации? Опишите эти отношения.

На втором этапе работы следует самостоятельное знакомство с повестью. Учащиеся, подключая свои языковые, интеллек-

туальные, эмоциональные ресурсы, создают собственную проекцию текста, вырабатывают личностное отношение к героям и событиям, описанным в тексте. Перед чтением студенты получают задание установочного характера, ориентированное на общее понимание текста, им задаётся вопрос, *что мы узнаем о чувствах главных героев повести*, и предлагается заполнить таблицу, данную ниже.

Домашнее чтение текста ненамного изменило предположения, выдвинутые на первом занятии. Выполняя задание пересказать повесть близко к тексту, учащиеся начинали свой ответ словами о том, что «повесть представляет собой воспоминание сорокалетнего Владимира Петровича о своей первой любви в возрасте шестнадцати лет, когда он был ранимым, наивным юношей, скачущем на своей лошадке и воображающий себя рыцарем на турнире, «принимающий лазурь неба в разверстую душу». С этим нельзя не согласиться. Душевные переживания Владимира подготовили встречу с особой противоположного пола, Зиной, поселившейся на даче по соседству. Юноша влюбился в милую, нежную девушку с умными глазами, доброй улыбкой, до встречи с которой, по его словам, он словно и не жил. Какие чувства испытывает герой? Насколько глубоко и серьёзно его чувство, и можно ли это назвать любовью? Вот Владимиру кажется, что он спасает Зинаиду из плена неприятелей. Правда, в его поле зрения появляется дядя, и молодой человек уже забывает о своих душевных переживаниях. Или хочет посвятить ей стихи, но кроме последней строчки «О Зинаида! Зинаида!» более ничего не рождается. Будущий студент вступает во взрослую жизнь, и один из этапов взросления – проявление первой симпатии, первой юношеской любви. Взаимное ли это чувство? Детальное рассмотрение отношений между главными героями произведения проливает свет на вопрос о видах любви и о счастливых, которым было дано испытать это чувство. Заполненная дома таблица, демонстрирующая отношения между главными героями (в таблице отсутствуют фамилии кавалеров Зинаиды, так как они по определению все были готовы предложить девушке руку и сердце), их самооценку, может выглядеть следующим образом:

Кто о ком?	Владимир	Зинаида	Пётр Васильевич	Марья Николаевна
Владимир	Я не мальчик! Ревнивый Отелло	Лицо – свет проливался во всём. Пушистые золотистые волосы, покатые плечи, спокойная грудь. Ласковые глаза сияют. Я понял, что я дитя в её глазах. С какой новой силой разгорелась во мне любовь! Ты сама эта королева! Вот это -- любовь, это - - страсть, это - - преданность... Печальное, серьезное, красивое и с непередаваемым отпечатком преданности, грусти, любви и какого-то отчаяния.	Отец обходился со мной равнодушно-ласково. Женился по расчету. Не допускал меня до себя. Разумный друг, снисходительный наставник. Я любил его. Казался образцом мужчины. Умное красивое, светлое лицо. Ласкает вседневною холодною лаской. Вот это любовь, это страсть!	Матушка почти не обращала на меня внимания, хотя у ней, кроме меня, не было детей: другие заботы ее поглощали. Матушка вела печальную жизнь.
Зинаида	Будем друзьями! Вы совсем большой!	Я- престранная (при первой встрече с	Легко упоминает его имя в сцене о лошади.	В гостях у М.Н. Зинаида держала себя очень строго,

	<p>Милый мой мальчик! Шалун безумный! Милый, хороший ребёнок, которого я люблю. Жалую к себе в пажи!</p>	<p>Владимиром) Я кокетка, я без сердца, я актерская натура (с Лушиным). Сколько во мне дурного, тёмного, грешного.</p>	<p>В разговоре слушает молча, строго опустив глаза, сжав губы. Целует рубец от хлыста П.В.</p>	<p>почти надменно, настоящей княжной. При М.Н на ее лице холодная неподвижность и важность.</p>
<p>Пётр Васильевич</p>	<p>Сам бери, что можешь, а в руки не дайся; самому себе принадлежать - в этом вся штука жизни. Свобода, - повторил он, - а знаешь ли ты, что может человеку свободу! Воля, собственная воля, и власть она даст, которая лучше свободы. Умей хотеть - и будешь свободным, и</p>	<p>Милая образованная девушка. Разговаривает с ней, улыбаясь. Кутаясь в тёмный плащ, с надвинутой на лицо шляпой в ночи на цыпочках идёт к Зинаиде. Настаивает на своём, ударяет по руке хлыстом.</p>	<p>Презирал робких. Сильно взволновался из-за письма из Москвы. Умирает в срок два года.</p>	<p>Разговаривает ровно. Просит не затевать истории, вернуться в город без скандала. Получив письмо из Москвы, просит о чем-то матушку и, говорят, даже заплакал.</p>

	командовать будешь. Предсмертное письмо: Сын мой, - писал он мне, - бойся женской любви, бойся этого счастья, этой отравы..."			
Марья Николаевна	Сомневается в поступлении сына в университет.	(о Засекиных) Вздор! Какие это гости! Люди не comme il faut; (о Зине) Гордячка, с внешностью гризетки! Авантюрьерка!	Упрекает в неверности.	После смерти мужа посылает в Москву значительную сумму денег.

Языковой материал таблицы подтверждает иллюзорность чувства Владимира. Между тем Зина любит его как брата, здесь любовь выступает в первом её значении. Зина не любила своих поклонников, которые толпились у неё в доме и которые представлялись Владимиру соперниками, и поэтому в каждом мужчине юноша видит больше изъянов, чем положительных черт: один рябой до безобразия, другой сутуловатый и кривоногий, третий с слепыми глазками, или просто безобразный.

На фоне описания окружающих Зинаиду мужчин девушка - сам идеал. Впервые она получает быструю, в двух словах, характеристику от отца Владимира, припоминая её отца, Пётр Васильевич цитирует чьё-то мнение о девушке, о том, что она милая и

образованная. И действительно потом уже глазами Владимира мы знакомимся с умной, красивой девушкой, которая весела, стройна, в высшей степени обаятельна – всё это так подходит девушке с греческим именем Зинаида, имеющим значение «рождённая Зевсом» Считается, что носящие это имя женщины – честолюбивые, идут к намеченной цели, всегда знают, что хотят. Про Зинаид говорят, что в детстве они холодноваты и высокомерны. Доктор Лушин замечает, что каприз и независимость – вот два слова, которые определяют натуру Зинаиды. Девушки наделены обаянием, страстны, имеют лидерские наклонности, стараются во всем повелевать. Что собственно Зинаида и делает с потенциальными женихами, которые бывают у неё в доме и про которых она говорит: «Нет; я таких любить не могу, на которых мне приходится глядеть сверху вниз. Мне надобно такого, который сам бы меня сломил... Да я на такого не наткнушь, бог милостив! Не попадусь никому в лапы, ни-ни!». Но её возлюбленным стал отец мальчика, человек с умным, красивым лицом, хорошим образованием, манерами. Любовь приносит девушке страдания от несвободного мужчины. Поэтому перемены в жизни Зинаиды автор подчеркивает её бледностью, вызванной страданиями и метаниями души. Она и сама признается, что ей всё опротивело и она готова уйти на край света, что не может она это вынести. «И что ждет меня впереди!.. Ах, мне тяжело... боже мой, как тяжело!». Горестное состояние героини описывается на фоне безмятежности природы, света и зелени, лёгкого, играющего в траве ветерка, под монотонное жужжание пчёл и воркование голубей, ласково синеющего над головой неба. Героиня неслучайно просит прочитать стихотворение «На холмах Грузии», о безнадежной любви. (В повести Тургенева лишь упоминается название этого стихотворения, поэтому на уроке необходимо прочитать это стихотворение.). Как и лирический герой Пушкина, Зина соглашается, что есть постоянная потребность в любви. «И сердце вновь горит и любит оттого, что не любить оно не может». Зинаида впервые полюбила, полюбила несвободного мужчину, отца Владимира, и эта любовь приносит девушке тяжелые страдания, но отказаться от любви она не в силах.

В русском литературоведении принято считать Петра Васильевича эгоистичным человеком, женившимся на деньгах и никого не любящем, думающем только о себе. Кажется, весь смысл его жизни заключен во фразе: "Сам бери, что можешь, а в руки не давайся; самому себе принадлежать - в этом вся штука жизни". Автор называет своего героя Петром, мужчины с этим именем тверды, как камень, стойки, упрямы, но ранимы. Они независимы, воинственны, с ними нелегко. Об этом герое трудно говорить, потому что его характер описывается имплицитно, читателю приходится дорисовывать, домысливать его образ и чувства, как пазл собирать из разрозненных фрагментов повести. Чувства Петра Васильевича, на тот момент сорокадвухлетнего мужчины, описывает влюблённый шестнадцатилетний юноша, мало что понимающий в сердечных делах, находящийся в позиции стороннего наблюдателя, который слышит, видит, но не проникает в состояние людей, окружающих его, что по замечанию В.М. Марковича характерно для прозы, особенно романов Тургенева. [Маркович 1975: 12]

Внимательное обращение к тексту позволяет нам сделать вывод, основываясь на ремарках его сына, что холодность отца Владимира только лишь на словах. На самом деле это страстная натура, горячая, нетерпимая, но вместе с тем нежная. В подтверждении этого замечания - сцена с хлыстом, когда герой, разговаривая с Зиной, долго настаивает на своем, не мирится с возражением и ударяет девушку, бросает хлыст в сторону, вбегает в дом, а ему уже навстречу протягивают руки. И в завершении полученный в Петербурге смертельный удар от известия из Москвы, где осталась Зина. О чем просил Петр Васильевич, мы только догадываемся, возможно, дать развод, но мы точно знаем, что ему отказали в просьбе, для таких, как Мария Николаевна, было бы неприлично прослыть разведенной женщиной, и Петр Васильевич плакал, всегда спокойный и рассудительный человек, чем вызвал сильное удивление у сына. Скорее всего, он лишь терпит свою супругу, нигде в тексте не говорится о нежности по отношению к ней, но сына он любит, что бы ни казалось Владимиру. Тому много доказательств, он и смотрит на сына нежно, и может приласкать, и письмо – предостережение, написанное в день смерти, в котором отец пытался оградить своего ребёнка от душевных

терзаний. Тщательная работа с лексическими средствами создания образов главных героев помогает проследить их взаимоотношения, выявить имплицитные смыслы, понять содержание художественного текста, и развить навыки речевого общения иностранных учащихся.

Анализ лексического материала повести, организованный в таблицу и суммированный, позволил нам взглянуть на сочинение Тургенева как на своеобразный трактат о любви и предложить свою классификацию видов любви: любовь-дружба (между Зиной и Владимиром), любовь - жертва (чувство Зинаиды к Петру Васильевичу), преступная любовь, он соблазнил, скомпрометировал девушку (чувство Петра Васильевича к Зинаиде, для которого любовь была первой и последней). По-разному любят Зинаиду её кавалеры: здесь мы встречаемся с любовью-самоотречением гусара Беловзорова (после истории с Зиной он уехал на Кавказ, без вести пропал), любовью-благоговением доктора Лушина, но в этой статье мы остановились только на рассмотрении отношений главных героев книги.

На завершающем этапе работы учащимся предлагается посмотреть два фильма, снятые по одноименной повести Тургенева, и определить достоверность характеров, с учетом раскрытых смыслов текста.

– посмотрите фильм В. Ордынского «Первая любовь» (1968) и Р. Балаяна «Первая любовь» (1995г.). Сравните ваши представления о главных героях с представлениями режиссеров. Аргументируйте свою точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

Успенский Б.А. Ego Loquens: Язык и коммуникационное пространство. М. 2007.

Русский семантический словарь. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / РАН. Ин-т рус.яз.; Под общей ред. Н.Ю. Шведовой. М. 2003

Маркович В.М. Человек в романах Тургенева. Л., 1975

Irina A. Starovoitova

**IVAN TURGENEV'S «FIRST LOVE» AS A TREATISE ON LOVE
(READING AND SPEAKING ABOUT THE NOVEL «FIRST LOVE» BY IVAN
TURGENEV IN A FOREIGN AUDIENCE)**

The article analyzes Turgenev's novel "First love" and proposes a model of work with the text of the work in groups of foreign trainees who speak Russian at the level of B2.

Key words: analysis of literary text, types of work with the text, implicit meaning.

Лахти Кэтрин

доцент Отделения языков и культуры, Тринити
Колледж, США, Хартфорд (Коннектикут)

Katherine.Lahti@trincoll.edu

ИДЕОФОНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО

В статье рассматривается вопрос об идеофонах в творчестве Маяковского. Анализируется звуковое восприятие нескольких его стихотворений. Маяковский сопоставляется с другими футуристами и с филологами из Московского Лингвистического кружка.

Ключевые слова: Маяковский, идеофоны, футуристы, Московский Лингвистический кружок.

Вопрос об идеофонах в творчестве Владимира Маяковского практически не рассматривался как явление на стыке лингвистики и футуристической поэтики.

Идеофоны – это звукоподражательные слова, которые часто не интегрированы в предложение. Они могут не иметь окончаний и префиксов.

Многие ученые утверждают, что в европейских языках нет идеофонов. Это мнение специалистов по языкам малых народов Африки или Азии, оно опирается на расистское утверждение, что идеофон—ключ к примитивному уму, для которого знаки должны быть иконическими. Такое представление соответствует семиотической системе американского философа и логика Чарльза Сандерса Пирса, утверждавшего, что произвольность – признак развитой цивилизации.

Можно согласиться с тем, что выбор идеофона имеет индивидуальный характер, но нельзя отрицать существования идеофонов в европейских языках.

Идеофоны имеются и в русском языке, например, “бух”, “тик-так”, “шлёп”, “куку”.

Идеофоны, как класс слов, включающих оноματοпею, несут в литературе определенную функцию. Они имеют экспрессивный характер и выражают значение через звук. «Они «штурмуют» чувства, заставляя их участвовать в опыте, который они выражают» [Kulemaka 1995]. Идеофоны придают речи театральность:

человек, их употребляющий, играет некую роль [Voeltz and Katz 2001]. Вероятно, поэтому идеофонами часто сопровождаются жесты [Nuckolls 1999: 243]. Произнесение идеофона – это не только средство общения, это событие.

Итак, идеофоны экспрессивны, театральны и сопровождаются жестами. Эти свойства идеофонов в полной мере проявляются в поэзии Маяковского. На каждой странице первого и второго тома его сочинений обнаруживается как минимум один идеофон. Об этом можно написать целую книгу.

Маяковскому были свойственны острый слух и повышенное внимание к звуковому окружению. Вот фрагменты его первого стихотворения «Ночь»:

«громаду из смеха отлитого кома»; «чувствуя платья зовущие лапы»; «пугая ударами в жель, хохотали арапы» (33)¹.

Читая стихотворение, мы попадаем в мир звуков: громада из смеха, зовущие лапы платья и хохот, как удары в жель.

Нужно сказать и о другой важной особенности поэзии Маяковского. Он был художником и нередко сам иллюстрировал свои стихи. В его стихах можно обнаружить как звуковые, так и зрительные образы. В стихотворении «Ночь» первые две строфы содержат зрительные, а последние две – звуковые образы. Вышеприведенные цитаты взяты из последних двух строф. Слово «хохотали» – идеофон, оно более идеофонично, чем «смеялись».

Из дореволюционных произведений Маяковского наиболее репрезентативно в звуковом отношении стихотворение "Шумики, шумы и шумищи":

По **эхам** города проносят **шумы**
на **шепоте** подошв и на **громах** колёс,
а люди и лошади - это только **грумы**,
следящие линии **убегающих кос**.

Пронесят девоньки крохотные **шумики**.
Ящички **гула** пронесет **грузовоз**.
Рысак **прошуршит** в сетчатой **тунике**.
Трамвай **расплещет** **перекаты гроз**.

¹ Здесь и далее ссылки на произведения Маяковского даются по изданию: Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13тт. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т.1.

Все на площадь сквозь туннели пассажиров
плывут каналами перекрещенных дум,
где мордой перекошенный, размалеванный сажей
на царство базаров коронован шум.

Первые три строфы ориентированы на слуховое, а последняя – на зрительное восприятие. Слово “шум” повторяется трижды. Встречаются слова “эхо” (ономатопея?), “шепот”, “гром”, и “гул”. Если говорить об индивидуальном восприятии, то слова “эхо”, «гул», “прошуршит” и “расплещет” автору данной статьи представляются идеофонами. Чтобы опознать идеофон, нужно задать себе вопрос: что представляет собой данное слово – жест или событие?

Маяковский творит идеофоны из обыкновенных слов. В стихотворении "Ничего не понимают" он пишет:

Ругань металась от писка до писка,
и до-о-о-о-лго
хихикала чья-то голова...

В этом фрагменте два обычных идеофона: «писк» и «хихикать». Маяковский добавил третий – слово «до-о-о-о-лго». В мировой лингвистике принято считать, что гласные в идеофонах часто длиннее чем обычно [Kulemaka 1995]. Вероятно, длинное «о» в «до-о-о-о-лго» – ономатопея, в которой значение слова (долгота) повторяется в его растянутом звуке. Лингвисты, изучающие идеофоны, говорят о «символизме величины», имея в виду, что долгота звука (как правило, гласного) дает иконическое значение слову. Обычно короткие высокие гласные связывают с малыми, а низкие звуки – с большими величинами. Здесь Маяковский в четыре раза увеличил долготу гласного «о».

Так как поэт сосредоточен на произношении своих стихов, вполне естественно, что он пишет об органах артикуляции – о своем рте, языке, губах, горле и т.п. В поэме «Человек» рот является местонахождением поэта:

Кто целовал меня –
скажет,
есть ли
слаще слюны моей сока.
Покоится в нём у меня

прекрасный
красный язык.
«О–го–го» могу–
зальётся высоко, высоко.
«О–ГО–ГО» могу –
и – охоты поэта сокол —
голос
мягко сойдёт на низы.

Иванюшина цитировала первые строки ("Кто целовал меня– / скажет,/ есть ли /слаще слюны моей сока.") как пример футуристической ономотопеи [Иванюшина 2003: 202]. Но эти стихи не только ономотопеические, они идеофонические. Специалисты, изучающие идеофоны, говорят о том, что они заставляют слушателей слышать, видеть или иначе чувствовать то, о чем идет речь. Произнося "Кто целовал меня–/скажет,/есть ли /слаще слюны моей сока" мы чувствуем слюну во рту: это идеофон.

После этой потрясающей ономотопеи (идеофона) Маяковский говорит о своем языке, красивом и красном. Затем он употребляет идеофон «О-го-го», который сначала пишется строчными, а потом прописными буквами, что, вероятно, обозначает усиление мощности голоса (опять символизм величины). И этот звук оживает и улетает в воздух. Восклицание «О-го-го» – идеофон, «маркированное слово, которое обозначает чувствительные образы» [Dingemanse 2012]. «О-го-го» имеет типичные черты идеофона: оно не включается в синтаксис предложения и не имеет обыкновенных окончаний и префиксов русского слова. У Маяковского много таких идеофонов: Эй! Нател! (заглавия стихотворений), би–ба–бо, хе!, А?, же и ж, Allo!, "цаца, цаца, цаца!," Ха!, Ох! – и многие другие (56, 59, 67, 101, 130, 167, 179, 187, 194, 207). Кроме того, «О-го-го» содержит удвоение, что вообще характерно для идеофонов [Dingemanse 2012].

«О-го-го» находится в предложении «О-го-го могу». Поэт помещает его в ситуацию, типичную для идеофонов, – ставит его рядом со словом «могу», которое сочетается с глаголами «говoreния» или «делания». Значение идеофонов включает в себя факт их произношения: фраза « «О-го-го» могу» значит « «О-го-го» могу произносить». Отметим кстати, что идеофоны во всех языках обычно пишутся в кавычках [Dingemanse 2012: 657].

Далее Маяковский говорит о своем голосе, называя его «охоты поэта сокол». У трех слов (охоты, сокол, голос) обнаруживается фонетическое сходство: все они содержат велярные согласные *х, з, к*, объединенные в один слог с ударным или безударным *о*. Эти три слова составляют единство с «О-го-го» в котором дважды звучат велярный *з* с гласным *о*. И так «голос», «охота», «сокол» объединяются звуковой анафорой «о-го-го». И эта идеофоничность проявляется не только в поэме «Человек», но и во всем творчестве Маяковского.

Почему Маяковский так часто прибегал к идеофонам в своем дореволюционном творчестве? С возрастом он употреблял их все реже и реже, но они сохраняли свое значение в его поэтике. В поэме «Во весь голос» есть строки:

«Тара-тина, тара-тина,
т-эн-н...» (280)

Может быть, с возрастом Маяковский отказался от «причудливого и детского» [Nuckolls 1999: 240] и заговорил голосом более серьезным и взрослым? Но такому предположению противоречат ранний примитивизм поэта, его увлечение футуризмом и знакомство Маяковского с лингвистами Романом Jakobсоном и Евгением Поливановым.

Общеизвестно, что русские футуристы придавали большое значение звуку. Футуристы были создателями зауми, которая ведет от «правительства рассудка» в «бурный народ чувств» [Иванюшина 2003: 191]. Слушатель зауми должен был уловить смысл в звуках, не являющихся словами. В зауми доминирует эмоциональная, интуитивная сторона, и «если смысловое значение их (заумных слов –*И.И.*) темновато, то одно ясно всем: их *эмоциональная* выразительность, их звукообраз» [Иванюшина 2003: 191–193]. В зауми все значение сосредоточено в звуке.

Если задать вопрос, чем отличаются идеофоны и заумь, то ответить на него будет непросто. Все, что говорится о зауми, относится также к идеофонам. Товарищи Маяковского, Хлебников и Крученых, писали, что язык зауми должен быть «ясный, чистый, честный, звучный, приятный (нежный для слуха), выразительный (выпуклый, колоритный, сочный)» [Markov 1967: 56]. Маяковский

не создавал зауми. Новые слова он творил из всем знакомых морфем. Однако употребление идеофонов сближало его с друзьями-футуристами.

Начиная с 1913 года Роман Якобсон стал общаться с Маяковским и другими футуристами и даже публиковал манифесты и стихи в футуристических сборниках под псевдонимом «Алягров». Будучи лингвистом, он всю жизнь любил поэзию; он говорил, что в поэзии проявляется «творческая энергия» языка [Stankiewicz 1974: 630]. В 1915г. Якобсон основал Московский лингвистический кружок, на собрания которого ходил Владимир Маяковский. Творческие искания футуристов были близки русским формалистам. Формалисты доискивались сути языка, и особенно поэтического языка. В этом общении Маяковский стал осознавать природу языка вообще и поэтического языка в частности, в котором творческая энергия передается через идеофоны.

Примерно в 1914г. Маяковский подружился с лингвистом Евгением Поливановым. Поливанов, студент Бодуэна де Куртенэ и основатель ОПОЯЗа в Петербурге, подобно Якобсону, увлекался поэзией и сам писал стихи. Он первым дал серьезную критическую оценку поэзии Маяковского в своей работе «Рифмология Маяковского», уделив важное внимание вопросам поэтической формы. В 1916г. в первом номере журнала ОПОЯЗа «Сборники по теории поэтического языка» Поливанов опубликовал статью об идеофонах «По поводу «звуковых жестов» японского языка». Эта публикация Поливанова занимала центральное место в сборнике и определяла тематику других статей: «О поэзии и заумном языке» Шкловского, «О звуках стихотворного языка» Якубинского, «О звуковой стороне поэтической речи» Кушнера, «Звук как средство выразительности речи» Grammont'a. Маяковский, несомненно, был знаком со статьей Поливанова об идеофонах и, возможно, испытал его влияние, создавая поэму «Человек». Таким образом, близкие отношения с лингвистами могли отразиться на поэтике Маяковского, открыв ему выразительные возможности идеофонов.

ЛИТЕРАТУРА

<http://ruskiyazik.ru/298/>

Dingemanse, Mark. Advances in the Cross-Linguistic Study of Ideophones// Language and Linguistics Compass. 2012. № 6(10). P. 654-72.

Иванюшина И. Русский футуризм: идеология, поэтика, прагматика... дис... канд. филол. наук. Саратов, 2003.

Kulemaka, Andrew Tilimbe. Sound Symbolic and Grammatical Frameworks: A Typology of Ideophones in Asian and African Languages// South African Journal of African Languages/Suid-Afrikaanse Tydskrif vir Afrika-katale. 1995. №15(2): 73-84.

Лахти К. Идеофоны и стихи Велимира Хлебникова // Творчество В.В. Маяковского: Мат-лы Междунар. науч. конф., Москва, июнь 2009 г. / ИМЛИ РАН. М., 2015. С. 101-108.

Ларцев, В.Евгений Дмитриевич Поливанов: Страницы жизни и деятельности. М: Наука, 1988.

Леонтьев А.А. Евгений Дмитриевич Поливанов и его вклад в общее языкознание. М: Наука, 1983.

Markov, Vladimir. Manifestos and Programs of the Russian Futurists. Munich: Fink Verlag, 1967.

Маяковский В. Полное собрание сочинений в 13тт. М: Изд-во АН СССР, 1955. Т.1.

Nuckolls, Janis B. The Case for Sound Symbolism // Annual Review of Anthropology. 1999. №28. P. 225-52.

Поливанов Е. Рифмология Маяковского // Известия АН СССР. Сер. литературы и языка. 1980. Т. 39. С.153-62.

Stankiewicz, Edward. Structural Poetics and Linguistics, in Thomas Sebeok (ed.) // Current Trends in Linguistics. XII. The Hague: Mouton. 1974. P. 629-659.

Voeltz, F. K. Erhard and Christa Kilian-Hatz (eds.) // *Ideophones*. Typological Studies in Language. № 44. Amsterdam: John Benjamins, 2001.

Katherine Lahti

PhD, Trinity College, USA. Hartford (Ct)

Katherine.Lahti@trincoll.edu

IDEOPHONES IN VLADIMIR MAYAKOVSKY'S WORKS

The article addresses the issue of ideophones in the work of Mayakovsky. The sound perception of several of his poems is analyzed. Mayakovsky is compared with other futurists and philologists from the Moscow Linguistic Circle.

Key words: Mayakovsky, ideophones, futurists, Moscow Linguistic Circle.

Вавулина Анастасия Владимировна
кандидат филологических наук, доцент ка-
федры русского языка для иностранных
учащихся гуманитарных факультетов МГУ
имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
avavulina@mail.ru

Кольцова Наталья Зиновьевна
кандидат филологических наук, доцент
кафедры новейшей русской литературы и
современного русского языка МГУ имени
М.В.Ломоносова, Россия, Москва
koltsovaru1@yandex.ru

ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН В КОНТЕКСТЕ БУЛГАКОВСКОЙ «МИСТЕРИАНЫ»

В статье рассматривается «Театральный роман» М.Булгакова в контексте творчества Булгакова как единого дискурса. В качестве доминанты так называемой булгаковианы, единства текста писателей, авторы видят мистерию. Последняя рассматривается как современный модернистский вариант пражантра мистерия буфф. Подобный подход позволяет увидеть типологию и переключку на всех уровнях поэтики, архитектоники и семантики итоговых мистерий писателя о творцах.

Ключевые слова: мениппея, макабрическая, доминанта

Не вызывает сомнения тот факт, что внутреннее единство творчества того или иного художника обеспечивается не столько постоянством жанровых и стилевых предпочтений, не повторяемостью тем и мотивов, не узнаваемостью образного ряда и тропеической системы, но прежде всего аксиологией. Так, ядром булгаковианы, безусловно, можно считать ключевую для всех произведений писателя оппозицию света и тьмы, добра и зла, жизни и смерти [Яблоков 2001: 192], которая и определяет звучание основных тем – в том числе темы искусства, судьбы художника, что с наибольшей наглядностью проявилось в структуре романа «Мастер и Маргарита». Однако в «Театральном романе»

тема творчества подана столь ярко, что, кажется, карнавальная атмосфера и по сей день заслоняет философскую проблематику произведения не только от рядовых читателей, но и от большинства исследователей, сосредоточенных прежде всего на вопросах жанровой природы романа (прежде всего на вопросах синтеза эпического и драматического), на поиске прототипов того или иного персонажа, на составлении т.н. «реального комментария». Известно, однако, что самого писателя ранило восприятие текста исключительно как своего рода литературного аналога театрального «капустника», основу которого составляют шаржи и карикатуры на известные «лица». Булгакову настолько важно было подчеркнуть вневременной и трагический смысл произведения, что он счел необходимым подзаголовком (а точнее, названием – «Записки покойника») привлечь внимание к ключевой проблеме – проблеме смерти, выводя ее за пределы частной человеческой судьбы, заставляя читателя вглядываться в лики и «пляски смерти». Думается, специфические «траурные» тональность и символика булгаковских «Записок покойника» вводят произведение в русло «макабрической» культуры, для которой, кстати, весьма характерно столь осязаемое у Булгакова соединение трагического пафоса и шутовского, балаганно-сниженного, карнавального начала (явственно проступающего в таких прецедентных текстах, как «Бобок» Ф.М.Достоевского и «Поминки по Финнегану» Дж.Джойса). Не случайно А.Варламов отмечает, что «Театральный роман» - едва ли не самое веселое произведение М.А.Булгакова: «... все равно... общий тон романа оставался веселым, невероятно жизнелюбивым, праздничным» [Варламов 2012: 685]. «Похоронный юмор» писателя сказывается уже в самом названии произведения, настраивающем читателя на абсурд, стихию которого Булгаков, несомненно, осваивал прежде всего «по Гоголю», владевшему искусством мгновенных переходов от сакрального к профанному, от темы рождения к теме смерти (напомним, что подобное сочетание несочетаемого в гоголевском творчестве осуществляется благодаря самой интонации, с которой ведется повествование о высоком, «взрываясь» подчас одним словом: так, маменька Акакия Акакиевича, прожившая, вероятно, довольно долгую жизнь и умершая ко времени начала по-

вестования о ее взрослом и даже состарившемся сыне, уже в самый момент произведения героя на свет именуется не только «старухой», но и «покойницей» - такого рода «перескоки» во времени, обусловленные «неумелой» сказовой манерой, предельно острают текст, заставляя его «двоиться» и «подмигивать» читателю, в сознании которого сталкиваются прямое и контекстуальное значение слова). Безусловно, на подобный эффект рассчитывает и Булгаков, с помощью катахрезы, вынесенной в название, программируя «поэтику недоверия» к своему тексту: дело не только в том, что в центре произведения оказывается герой, подверженный припадкам неврастения, но и в том, что подобная участь – сомневаться во всем и прежде всего в слове и интонации – уготована читателю, первая реакция которого не только учитывается, но и оказывается, как это ни парадоксально, самой верной. Именно буквальное прочтение слов «Записки покойника» многое проясняет в структуре этого загадочного и незавершенного произведения (в определенном смысле – отчете с «того света»: Булгаков словно выполняет то обещание, которое «не сдержал» Л. Андреев в своем «Елезаре», так и не приоткрыв завесу над загадочным царством смерти, которой причастился его герой, вынесший из мира небытия только знание о «Nada», подобно Гойе, 69 офорт которого и самим названием (Nada - ничто), и ориентацией на традицию изображения «Плясок смерти» вдохновил писателя на создание новой версии притчи о Лазаре).

«Похоронная» символика булгаковского романа заявляет о себе на всех уровнях художественной структуры – от сюжетики, композиции отдельных эпизодов до образного ряда и цветового решения картин и декораций. Так, сцена с организацией героем собственных поминок и телеграмма, отправленная им актеру Бомбардову («Приходите поминки. Без вас сойду с ума, не понимаю»; «Вечером на другой день мы сидели с Бомбардовым за накрытым столом. Упомянутая мною раньше жена мастера внесла блины. Бомбардову понравилась моя мысль устроить поминки, понравилась и комната, приведенная в полный порядок» [Булгаков 2010: 382]), при том, что выдержана в шутовском тоне, заостряет трагическое содержание всего произведения. И «поминки», тризна не только по пьесе, но и по самому герою осуществляются с соблюдением всех правил ритуала: есть и блины,

и «заупокойные» речи. Кроме того, герой становится свидетелем и настоящих похорон (некоего неизвестного пожарного), организуемых незаменимым Филей – персонажем, в котором в полной мере воплотился двойственный, противоречивый характер театра, причастного сакральному и профанному, бытийному и бытовому. Филей, которого, кажется, знает вся театральная Москва, – своего рода Харон, без него невозможно перемещение из одного мира в другой. Следует подчеркнуть, что это перемещение подразумевает переход в другое пространственно-временное измерение (несложно заметить, что в театре действует не линейная, а циклическая модель времени, учитывающая лишь смену «сезонов»). И герой, «выпадая» из реального времени, ведет счет своей жизни (а точнее, судьбы своей пьесы) по театральным сезонам и по календарному кругу. Как и в гоголевском «Ревизоре», действие булгаковского романа укладывается в некий промежуток между сообщением о «происшествии» и собственно происшествием: все события происходят между двумя попытками самоубийства героя-повествователя, первая из которых выглядит неудавшейся – от рокового выстрела героя спасает визитер – «Мефистофель», в роли которого выступает загадочный редактор и издатель Рудольфи. Однако именно после того как герой заключает сделку с «Мефистофелем», он *уже* оказывается в «потустороннем» пространстве – сначала в отвратительном и пошлом, но еще «околоземном» мире литераторов, а затем в таинственном и волшебном, чарующем, но отнюдь не приветливом мире театра – с тем, чтобы наконец по завершении мытарств прийти к намеченному итогу – покончить с собой, на этот раз бросившись с моста. Двигаясь по «кругам» если не ада, то лимба, герой постепенно теряет связь с земной жизнью, время от времени напоминающей о себе погодными и бытовыми неурядицами. И чем больше Максудова затягивает мир театра, тем менее прочной становится связь героя с реальностью. Именно театр, этот новый для героя мир, обладает всеми признаками потусторонности: героя окружают «тени»: «Мы шли наверх. Еще кто-то пролетел беззвучно мимо и поднялся в ярус. Мне стало казаться, что вокруг меня бегают тени умерших» [Булгаков 2010: 375]. Время застывает или движется по кругу, как в волшебной сказке. Однако, забегая вперед, отметим, что булгаковский герой, попадая в запредельное,

сказочное пространство «тридевятого царства» (или, по Проппу, загробного мира), в отличие от Иванушки-дурачка, не может освоиться в нем, стать «своим», хотя и страстно желает этого. При том, что сказочный колорит романа поддерживается в первую очередь именно хронотопом (время и пространство теряют свои очертания и словно перетекают одно в другое [Кольцова 2012: 167]), в структуре произведения можно обнаружить и другие признаки волшебной сказки – и на уровне сюжета, и на уровне системы персонажей и образного ряда романа. Так, важен мотив «посвящения», или «инициации», которая происходит после пересечения героем некоей границы, отделяющей мир реальный от мира потустороннего, каковым выступает, как уже было отмечено, пространство творчества – будь то литература или театр. Более того, у героя есть и «чудесные помощники» – это прежде всего актер Бомбардов (который, разумеется, ассоциируется и с Вергилием, поскольку источники романа не сводятся исключительно к фольклорным ассоциациям, но включают в себя пространство всей мировой культуры – и прежде всего литературы и театра). Симптоматичны и сопоставление самого героя с волком («Брюки те же самые, втянутая в плечи голова и волчьи глаза... Ну, я, одним словом!» [Булгаков 2010: 302]), и неоднократные упоминания коня («Золотой конь стоял сбоку сцены, действующие лица иногда выходили и садились у копыт коня или вели страстные разговоры у его морды, а я наслаждался» [Булгаков 2010: 308]): волк и конь – едва ли не центральные сказочные образы-символы, выполняющие, к тому же, функции «медиаторов», посредников между двумя мирами («земным» и «потусторонним»).

Зловещее очарование театрального мира сказывается и в цветовой палитре, в которой преобладают насыщенные, глубокие, поистине траурные тона, кроме того, в мир «закулисья» нет доступа дневному свету: «Адский красный огонь из-под стола палисандрового дерева (...) Огонь отраженный, с потолка. Пол кабинета был затянут сукном, но не солдатским, а бильярдным, а поверх его лежал вишневый, в вершок толщины, ковер. Колосальный диван с подушками и турецкий кальян возле него. На дворе был день в центре Москвы, но ни один луч, ни один звук не проникал в кабинет снаружи через окно, наглухо завешенное

в три слоя портьерами. Здесь была вечная мудрая ночь, здесь пахло кожей, сигарой, духами. Нагретый воздух ласкал лицо и руки...» [Булгаков 2010: 317]. Более того, переход в этот мир сопряжен прежде всего со спуском и даже падениями, благодаря чему «волшебная коробочка», внешне напоминающая черепаху и извне кажущаяся совсем небольшой, обретает черты глубокой пещеры, необъятного грота, а упоминание «скалы» и вовсе выводит ее за пределы городского топоса, мира современной цивилизации. Произнесенное, казалось бы, «невзначай» и лишь для усиления художественного эффекта слово «скала» («Он на скале сидит, видит на сорок километров кругом», - говорит Бомбардов о Гаврииле Степановиче» [Булгаков 2010: 395]) оказывается далеко не случайным: впоследствии, в романе «Мастер и Маргарита» именно этим словом-сигналом скрепляются две темы – оперно-театральная и «дьявольская», inferнальная: насмерть перепуганный вторжением нечистой силы Варенуха слышит в телефонной трубке слова романса «Скалы, мой приют».

Амбивалентность едва ли не всех действующих лиц романа также предопределена законами потустороннего сказочного мира, в котором «добрые» или «злые» герои определяются как таковые лишь на том основании, что они по-разному проявляют себя по отношению к протагонисту – помогают или вредят ему. Помощники героя (Бомбардов, Торопецкая и др.) – оборотни в той же мере, что и враги, и вписаны в сказочную потустороннюю систему законов, не поддающихся рациональному объяснению – герою лишь нужно прислушаться к советам, не вдумываясь в их логику (возможно, трагедия Максудова не в последнюю очередь предопределена тем, что он нарушает эти законы самым желанием их понять, то есть перевести на язык рации; еще одно ключевое отличие Максудова от Иванушки-дурачка кроется в его стремлении навсегда остаться в мире тридевятого царства, тогда как Иванушка, уважающий законы чужого, или «тридесятого», государства, жаждет вернуться домой, в свою «настоящую» жизнь).

Как уже отмечалось, потусторонняя символика романа актуализируется отнюдь не только с помощью сказочных ассоциаций: так, тема самоубийства как путешествия в иной мир со времен Достоевского и его героя Свидригайлова ассоциируется с

Америкой, «новым светом». Булгаков расширяет «иностранный» поле загробного мира, который наряду с Америкой включает в себя и Индию с ее Гангом-Стиксом, и Париж, и Европу, по которой путешествует «мнимый больной» Герасим Николаевич, получающий такую возможность именно благодаря тому, что каждой весной «умирает», чтобы к осени «воскреснуть» и вернуться из заграничного путешествия.

Всемогущество бессменных властителей загробного царства обеспечивается не только их гениальностью, но и бессмертием: напуганный зримыми доказательствами знакомства Аристарха Платоновича с Гоголем, Толстым, Тургеневым, Максудов задает тот вопрос, который в мире театра задавать не положено – «Сколько же лет Аристарху Платоновичу?» (пародийную огласовку тема преодоления времени «великими» получает в сцене истерики Пряхиной, не желающей отвечать на вопрос о возрасте).

Итак, булгаковские записки покойника – отчет о путешествии в загробный мир. «Жизнь кипит, а я как будто погребен» [Булгаков 2010: 400] - этими словами героя высвечивается двойственный, похоронно-карнавальный характер того существования, которое он ведет после своего первого, как будто несостоявшегося самоубийства. Дух и сущность романа – это стихия пышной тризны, представления и игры в честь покойника, двойственное положение которого как раз и заключается в том, что ему, виновнику происходящего, нет места на «празднике». Находясь в самом центре карнавала, он вынужден наблюдать его «со стороны», подобно герою Достоевского, в рассказе «Бобок» изображающего мир литературной и журнальной полемики как загробное царство, в котором, однако, кипят нешуточные и вполне земные страсти и склоки. Эта «нежизнь» за пределами жизни не только лишена сакрального ореола, но и показана как пространство пошлости, разложения и мерзости. Эти «могил и рая верные жители» далеки от возвышенного – элегического или готического – мира Жуковского: напротив, они сосредоточены на вопросах пола, еды и пр., они и после смерти сводят счеты друг с другом и подвержены худшим из людских пороков, которые тем более отвратительны, что представлены в самом ничтожном, ме-

лочном варианте. Так и в романе Булгакова героя окружают отнюдь не столько «тени» великих драматургов и актеров прошлого, сколько режиссеры с «траурными глазами» (Миша Панин) и цепляющиеся за земное (точнее – сценическое) существование «старейшины» театра, ассоциирующиеся с миром нежити, упырей, вурдалаков: «Я повернул голову и увидел в углу полного пожилого человека в темной блузе... Глаза его глядели мягко, лицо вообще выражало скуку, давнюю скуку» [Булгаков 2010: 380].

В свете очевидного диалога Булгакова с Достоевским их совпадение в отношении к миру искусства как к пространству «между» жизнью и смертью может показаться далеко не случайным, однако, вероятно, в данном случае уместнее рассуждать не столько о феномене интертекстуальности (не о сознательной ориентации Булгакова на тот же «Бобок»), сколько о «памяти жанра», как это делает Бахтин, вписывающий произведения Достоевского в традицию мениппеи («Говоря несколько парадоксально, можно сказать, что не субъективная память Достоевского, а объективная память самого жанра, в котором он работал, сохраняла особенности античной мениппеи. Тем не менее несложно заметить, что понятие «мениппеи» применительно к роману Булгакова оказывается одновременно и слишком узким и слишком широким. Действительно, с одной стороны, толкование «Театрального романа» как мениппеи, которого придерживается и Лена Силард, и многие другие современные исследователи, все же сводит жанровую специфику произведения именно к романической традиции (по Бахтину, мениппея – предшественник современного романа, занимающего, безусловно, в бахтинской иерархии жанров самое высокое положение), тогда как для Булгакова важным представляется синтез эпики и драмы, на которую черты мениппеи могут быть перенесены с известными оговорками (аналогом подобного жанра, вероятно, можно считать «мистерию-буфф», укоренившуюся не только в отечественной, но и в мировой культуре – см. «Mistero buffo» Дарио Фо); кроме того, булгаковский текст вырывается за пределы собственно литературы, вбирая в себя различные виды искусств – музыки, живописи и пр. С другой стороны, рассмотрение роли «траурного смеха» в булгаковском произведении в свете амбивалентности мениппейного мира, не являясь

неверным, не захватывает той специфической смысловой «доминанты», которая легко обнаруживается в романе, если ориентироваться на подход Р.Якобсона, соотносящего категорию «доминанты» с представлениями о «поэтической» (эстетической, «литературной») «функции» высказывания и рассуждающего об уникальности стиля того или иного художника. Иными словами, метод исследования текста в ракурсе «тема+стиль», оказывается не менее плодотворным, чем комбинация «тема+жанр». Введенное Р.Якобсоном понятие доминанты обнаруживает свою продуктивность не только в контексте постижения идиостиля художника, но и в перспективе выявления концептуальных основ его творчества и даже его связи с определенной традицией мировой культуры.

Как нам представляется, рассмотрение булгаковского романа в соотнесении с традицией мистерии учитывает оба подхода. М.Бахтин видит теснейшую связь мениппеи и мистерии как жанров. При этом мистирию Бахтин поднимает и как средневековую христианскую драму, и как своеобразное ритуализованное действие, таинство перворелигий античных народов и народов Древнего Востока. В первом случае он видит в мистерии «не что иное, как видоизмененный средневековый драматургический вариант мениппеи». Главной общей чертой мениппеи и мистерии ученый называет масштабный символический хронотоп: «Действие происходит не только «здесь» и «теперь», а во всем мире и в вечности: на земле, в преисподней и на небе». Конфликт же, «центральную образную идею», философ интерпретирует в духе мистерии как «пражанра», обращаясь к традиции наиболее сакральной из античных мистерий, элевсинской. М.Бахтин видит отражение ее мистической идеи смерть–воскресение в ключевом для карнавального мироощущения писателя рассказе «Бобок», о котором мы упоминали выше: «Современные мертвецы» – бесплодные зерна, брошены в землю, но не способны ни умереть (то есть очиститься от себя), ни возродиться обновленными ...» Примечательно, что Бахтин сравнительно мало внимания уделяет мистерии в своей концепции карнавальной культуры, вероятно соznавая глубину и сложность ее природы с точки зрения памяти жанра.

Однако именно очерченные им приметы мистериального начала в рассказе Достоевского станут ключевыми для поэтики М.Булгакова. На наш взгляд, применительно к творчеству писателя именно мистерия становится способом особого карнавального мироощущения, вбирая сценическое начало поздних средневековых мистерий с их манишейным размахом и сакральное ядро древних мистерий – таинство смерти и воскрешения.

Мистериальное начало объединяет тексты «Булгаковианы» в единый дискурс. Примечательно, что на единство булгаковских произведений неоднократно указывали булгаковеды. Многие исследователи (М.Чудакова, В.Б. Соколов, В.Немцев, О.Есипова) исходили в своих исследованиях из того, что написанное Булгаковым может «быть прочитано как единый текст», а «отдельные произведения продолжая и дополняя друг друга, связаны общностью замысла». При этом театральность и карнавализация неоднократно назывались учеными как основы поэтики писателя, связывающие тексты Булгакова (фельетоны, киносценарии, пьесы, повести, романы) независимо от их жанровой природы. Объединяя карнавальное и театральное начала, М.Петровский и вслед за ним или независимо от него многие ученые характеризуют различные произведения писателя с точки зрения метажанровой природы как мистерии нового типа – мистерии-буфф. По мнению литературоведа, жанровую мозаичность произведений Булгакова, где сосуществуют трагедия и буффонада, комедия масок, балаган и детектив, может вобрать лишь жанр, название которому «придумал» Маяковский. В нем, по словам исследователя, «мистерия – театральное действо на библейский или апокрифический сюжет», «мистериальность» способ художественного обобщения, придающий происходящему смысл «вечности», а буфф – острое и эксцентрическое зрелище, захватывающее низменный быт, шутовство, гаерство, клоунаду. М.Петровский считает, что каждая вещь Булгакова – «своего рода мистерия-буфф», т.е. метажанр определяет типологические особенности практически всех произведений писателя. Мистерия-буфф не только отражает суть эстетического мироощущения Булгакова, чувствовавшего себя то «артистом», то «мистическим писателем», но и дух переломной эпохи, в которую он жил. Как писал А.Смелянский,

«Театральные направления, жанры и стили диковенно перемешались чтоб в конце концов выплавить главный жанр эпохи, который можно было назвать... – мистерия-буфф».

Являясь некой типологической доминантой творчества писателя, мистерия-буфф, бесспорно, сохраняет теснейшую связь с мистерией как «пражанром», теургическим ритуалом. Отметим, что, по мнению Е.Торчинова, сопоставившего ключевые мистериальные культы божеств Древнего Востока (Аттиса, Осириса, Адониса, Таммуза) и греческие мистериальные культы, связанные Деметрой и Персефоной (Элевсинские мистерии), богом Дионисом (Самофракийские таинства), Орфеем, «как бы ни варьировались детали и сюжет мистерий, их сутью оставалось таинство смерти и воскресения». Именно мистерии, по Е.Торчинову, в качестве «главного момента» выявляли страдания, смерть и воскресение Бога, не акцентируемые или отсутствующие при этом в мифах, на которых они были основаны.

При этом, на наш взгляд, буффонное начало в зрелом и позднем творчестве писателя помогает уравновесить или видоизменить мистериальное. В булгаковских мистериях-буфф фактически невозможно воскрешение, лишённое игровой амбивалентности, как невозможно и бессмертие пророка или спасительное обновление мира. Необходимо отметить, что мы не относим к мистериям такого типа первый роман Булгакова «Белая гвардия» и пьесу «Дни Турбиных», где максимально сильно поданы христианские мотивы. Как писал о романе А.Тарасов, «образы откровения... повествования о гибели греховного мира, мучительном очищении, возрождении человечества пронизывают весь роман, начиная с предсказаний отца Александра, друга семьи Турбиных, о грядущих испытаниях». В последующих же произведениях идея спасения души, мира для вечности в христианской огласовке сменяется размышлениями о зависимости спасения мира или бессмертия от самого человека. (Подобная огласовка мистерии абсолютно органична для эпохи модерн с ее теургическими экспериментами по переустройству мира. В искусстве Серебряного века она находила отражение прежде всего в символистических драмах-мистериях, грандиозных сценических действиях, разрешающимся, по выражению В.Иванова, «трансесом» – побе-

дой над смертью, утверждением личности, ее воскресением). Однако у Булгакова буффонное начало помогает либо травестировать, низвести такого типа мистерию до пародии, либо перенести саму идею бессмертия в мир буффонады как пространство культуры.

Примечательно, что буффонизируются мистерии у Булгакова исходя из типологии конфликта. Ученые давно обратили внимание на особую типологию конфликта большинства булгаковских произведений, не связывая его напрямую с мистерией. Одной из его обязательных сторон, движущих действие, оказывается гений-пророк (изобретатель, художник). «Творец обрекает себя на крестный путь объективно, самой своей природой...» – так комментирует специфику такого рода конфликта у М.Булгакова А.Смелянский. Суть и исход конфликта зависит у писателя от образа человека-творца. Так, для мистерий о пророках-изобретателях («Адам и Ева», «Блаженство», «Иван Васильевич», «Роковые яйца», «Собачье сердце») обычен карнавалено представленный крах замысла гения или его смерть. Как обобщенно комментирует суть такого типа конфликта, А.Кораблев, «технический прогресс, расширяя возможности человека, не меняет его сути и ведет его к гибели». Важно, что именно карнавальное, буффонное начало сопряжено в своей архаической сути с языческой идеей о круговом времени, постоянному возвращению к исконному состоянию, к изначальному положению. Обновление мира и человека посредством науки не случается, комически отбрасывается. Ярким примером травестирования мистерии о творце-ученом, его краха может служить повесть с говорящим в духе мистерии-буфф названием «Роковые яйца». Главный герой повести ученый Персиков не только не становится демиургом новой эволюции, но оказывается лжемучеником, его крестный путь оборачивается антидарвиновской мистерией. Некогда распинавшему лягушек («обмершая от страха лягушка распята на штативе») творцу новой жизни «раскраивает голову низкий человек на обезьяньих кривых ногах»; оставляя его лежать «распростерши руки как распятый». По наблюдениям Е.Яблокова, блистательно травестируется в повести и спасение мира от зооапокалипсиса. Явление буффонного «морозного Бога на машине, оста-

навливающего гибель мира, подсвечивается тонкой игрой с христианской символикой. В 12 главе приезд «Морозного бога» приходится на Яблочный Спас. Буффонный повествовательно-словесный оборот «мороз спас» смешивает времена и переносит в сферу одного праздника функции другого (Никола Зимний – Преображение), Святой Николай – Дед Мороз принимает участие в травестийном спасении мира от преобразования его человеком.

Особое место занимают в творчестве М.Булгакова мистерии-буфф о художниках. И, бесспорно, центральным в контексте мистериального начала в творчестве М.Булгакова является закатный роман «Мастер и Маргарита». Осмыслить специфику авторской идеи жизни-смерти, воскресения Мастера можно лишь благодаря прочтению романа в контексте других мистерий писателя о художниках, их гибели и посмертия, бытовании на границе жизни и искусства. Соотношение таких тесно связанных по замыслу и времени написания с «Мастером и Маргаритой» мистерий о художниках, как «Каббала святош», «Жизнь господина де Мольера», «Мольериана», «Последние дни», позволяет выявить определенную типологию в осознании бессмертия художника самим автором. Именно в этих последних текстах с особой силой для предугадавшего год собственной кончины мистического писателя звучат мысли о жизни художника после смерти. «Мне мерещится иногда, – делился Булгаков с С.Ермолинским, – что смерть – продолжение жизни». В мистериях-буфф писателя само буффонное начало как реализация пространства игры, культуры оказывается способом постичь мистериальную тайну воскресения через катарсическое переживание, к которому приводит искусство. При этом доминирующим видом искусства, вводящим мотив бессмертия, для каждого из мастеров в итоговых мистериях Булгакова будет свой. Таким образом, мы можем говорить о максимальном раскрытии интермедийной природы мистерии в творчестве Булгакова. Так, в «Каббале святош» смерть Мольера «разыгрывается» как «театр в театре»: герой в буквальном смысле этого слова умирает, играя «мнимого больного» в одноименной комедии. Мольер Булгакова умирает на сцене в верхнем пространстве, то есть знаменитый буффон сразу оказывается в «райке», театральном раю. В.Хенри отмечала, что писатель намеренно разделит нижнюю и верхнюю сцену, на которой играет

Мольер, иными словами, разделил пространство, как в кукольном вертепе, на рай и ад. В вертепе именно в верхней части разыгрывали мистерии, а в нижней – комедии. Так Театр дает умершему без покаяния Мольеру вечную жизнь. Вновь реализует метафору «творческого бессмертия» Булгаков в «Жизни господина де Мольера»: «Человек, который живет уже четвертое столетие, несомненно, бессмертен».

В «Последних днях» идея бессмертия любимого Булгаковым Пушкина выражена благодаря приему логоцентризма. Поэт на сцене не появляется, вместо него есть его слово, цитаты стихов, которые в начале читаются, произносятся, а в финале начинают жить вместо него. В финале Булгаковым разыгрывается стихотворение «Я памятник себе воздвиг нерукотворный». Столп света, символ вечной жизни из комнаты поэта переносится после его смерти на толпу, народ, в памяти которого поэт «убежит тленья», а звукопись строчек «Буря мглою небо кроет» перерастает в бурю-реквием по нему. В «Мастере и Маргарите» видом искусства, вводящим мотив бессмертия, становится опера. Работая во время создания романа оперным режиссером и либреттистом в Большом театре, Булгаков фактически развязывает роман в духе оперных финалов, в рамках переключки с либретто любимой им «Аиды». Знаменитые строки («Боги, боги мои! Как грустна вечерняя земля!...кто много страдал перед смертью, кто летел над этой землей, неся непосильный груз... тот знает ... И он, без сожаления отдается в руки смерти») переключается с арией Радамеса и Аиды на пороге смерти («Прощай земля, где мы так долго страдали... Летим туда, где счастьем нет конца»). Намек – зачин «Боги, боги», восходящий к рефрену «Аиды», клише из «прощания», характерные для арии скорби, погружают финал романа в атмосферу так называемого «LibesTod», жизнесмерти, финала, реализующего катарсическую идею оперного бессмертия в «Тристане и Изольде» Вагнера, в «Аиде» Верди и в романе самого Булгакова.

Возвращаясь к «Театральному роману», отметим, что не только интерес к противоречивой личности творца, внимание к проблемам творческого процесса, но и (прежде всего!) мучительное желание писателя проникнуть в тайны мироздания, познать,

«увидеть» смерть позволяют рассматривать «Записки покойника» не как «подступы» к закатному роману, но как внутренне цельное и даже по-своему завершенное произведение, проливающее свет как на позднее, так и на раннее творчество художника.

ЛИТЕРАТУРА

Булгаков М.А. Сочинения: О том, что было / Михаил Булгаков [вступ.ст.А.Варламова] – М.: ПРОЗАИК. – 480 с.

Варламов А.Н. Михаил Булгаков – 3-е изд. – М. Молодая Гвардия. 2012 (Жизнь замечательных людей. Серия биографии: вып. 1362) – 840 (8) с.: ил

Кольцова Н.З. «К вопросу о жанровом своеобразии «Театрального романа» М.А.Булгакова (Булгаков и театрализация романа) / Российское историко-культурное наследие, 2012, № 6-7, с. 164-171

Яблоков Е. А. Художественный мир Михаила Булгакова. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 424 с.

Anstasiya V.Vavulina

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
avavulina@mail.ru

Nataliya Z. Koltsova

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow
koltsovaru1@yandex.ru

THE THEATRICAL NOVEL IN THE CONTEXT OF BULGAKOV'S MYSTERY PLAYS

In this article «The theatrical novel» by Bulgakov is examined in the context of the creative work of the writer as the integral discourse. As the dominant of so the called bulgakoviana, the unity of the text of the writers the authors see mystery. It is viewed as a contemporary modernistic variant of pre-genre which is namely mystery buffo. This approach shows typology and correlation at all levels of poetics, architectonics and semantics of final mystery plays of the writer about the creators.

Key words:menippea,macabre, dominant

Октябрьская Ольга Святославовна
доктор филологических наук, доцент кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
svyatoolga@yandex.ru

ТЕМА ПАМЯТИ В ПОВЕСТИ А. П. ГАЙДАРА «ВОЕННАЯ ТАЙНА»

В статье выявляются принципы реализации темы памяти в повести А.П. Гайдара «Военная тайна» на общественном, личностном и семейном уровнях. Границей памяти в произведении становятся события революции и Гражданской войны, к которым герои постоянно возвращаются в своих воспоминаниях и которые дают мощный импульс развития новой истории. Рассмотрено осмысление этого периода советской истории в произведении в историческом, духовном и религиозном планах.

Ключевые слова: детская литература, тема памяти, повесть А.П. Гайдара, семейная память, память общества, личностная память, воспоминания-размышления.

Тема памяти не всегда актуальна в произведениях для детей о современности – слишком краток период прожитой ими жизни, весьма насыщено их настоящее. Маленький ребёнок, скорее, устремлён вперёд, чем назад, в прошлое. Однако в некоторых повестях А.П. Гайдара тема памяти становится одной из ключевых. Писателю важно показать не только не столь далёкое прошлое страны, но и события, важные лично для конкретного персонажа, затронувшие его душу и сердце. Воспоминаниями такого характера насыщены многие повести Гайдара, а особенно повесть «Военная тайна». Это произведение, написанное в 1935 году, актуализирует, в первую очередь, события современной героям жизни. Каникулярная повесть рассказывает об одной из артековских смен. Сугубо мирное повествование о ребячьей жизни в лагере насыщается драматическими подробностями и становится динамичным, напряжённым и наполняется трагическим пафосом, в том числе и благодаря наличию темы памяти.

Параллельно развиваются три основные сюжетные линии – обыденная жизнь октябрят, пионеров и их вожатых в Артеке, ликвидация аварии на водопроводной линии у Верхнего Озера, семейная история Ганиных. Для каждой из этих сюжетных линий реализация темы памяти уникальна и своеобразна.

Так, «взрослая» сюжетная линия возводит тему памяти к событиям Гражданской войны. Это самое яркое событие в их биографии, вызвавшее самые разные эмоции, но оставившее след в памяти на всю жизнь. Более того, практически для каждого из взрослых героев события Гражданской войны глубоко затронули их личную жизнь. Сергей Ганин, влюбившийся в молоденькую молдаванку, стал её мужем, отцом их общего ребёнка, а затем и вдовцом. Грозные события военного времени смягчены любовной составляющей, рождением сильного и нежного чувства. Однако и драматизм этого периода не просто сохранен в памяти Сергея, но стал частью его природы. К примеру, видения прошлого не дают покоя его подсознанию даже спустя десятилетие после окончания войны. Так, после тяжёлого и напряжённого, насыщенного сложными проблемами дня, задремавшему Сергею снится смутный и тяжёлый сон, воспроизводящий в памяти события начала 1920-х гг., но предстают они в фантазмагорическом ключе – сменяющимися с калейдоскопической быстротой картинками. Шум на дороге герой во сне принимает то за наступление белых, то за спасение табора беженцев. Наступление белогвардейцев воспринималось в крайне негативном ключе – это тревога, предательство, гибель армии. В противовес этому воспринимается явление беженцев, которое ассоциируется с чем-то приятным, поэтому подсознание требует скорейшего избавления от негатива и замены его позитивными эмоциями. Беженцы вызывают такого рода чувства, так как в их рядах он и находит свою будущую любовь – Марицу Маргулис. Именно этим объясняется жесткая фантазмагория, возникающая во сне сильно уставшего и измученного человека: «– Это беженцы! – крикнул возвратившийся Сергей. – Это не белые, а просто беженцы. <...> И тогда всем стало так радостно и смешно, что, наскоро расстреляв проклятого Каплаухова, вздули они яркие костры и весело пили чай, угощая хлебом беженских мальчишек и девочек, которые смотрели на них огромными доверчивыми глазами» [Гайдар 1973: 38].

В этой, как и в других сценах повести, Т.А. Круглова усматривает нравственную составляющую, заданную на нечувствие героев к физической боли, а также сознательное подавление эмоций, что, с точки зрения исследователя, отвечает системе ценностей социалистического реализма [Круглова 2010: 39]. Учёный приходит к выводу о бесчувствии такого типа героев в связи с актуализацией архетипа жертвы и героизма, который «напрямую соотнесен со скрытой метафизикой террора» [Круглова 2010: 42]. Однако это не воспоминание Сергея о Гражданской войне, а именно воспроизведение тяжёлого и путаного сна сильно утомлённого авраль-ной работой человека, задремавшего в машине, идущей по серпантину крымской дороги. Он постоянно пробуждается и тут же снова проваливается в сон. Сам Сергей всячески старается дистанцироваться от этого сна-бредя, в котором переплелось прошлое и настоящее, трагическое и радостное. Герой пытается усилием воли вернуться к реальности и оттолкнуть от себя всё тяжёлое и страшное. Очевидно, этим, прежде всего, объясняются такие перепады настроения персонажа. Память здесь срабатывает эмоциональная. Она не может избавиться от ужасов и трагизма войны полностью, но максимально смягчает это.

Гражданская война проходит и через судьбу других героев – сослуживцев Ганина – Гитаевича и Шегалова. Оба не любят рассказывать об этом времени другим, но готовы вспомнить друг с другом отдельные эпизоды этого времени, причём чаще всего они касаются не собственно трагических моментов, а более или менее благополучных: смелость и настойчивость Гитаевича или красавицу Марицу. Если Гитаевичу приятны воспоминания сослуживца о лихих годах гражданской войны как о времени собственной молодости, то воспоминания Шегалова связаны прежде всего с тем, что близко и дорого лично ему, а также что беспокоит и тревожит его до сих пор. Так, дядя Натки с грустью и нежностью вспоминает свою дочь Маруську, погибшую на фронтах Гражданской войны, и видит черты сходства старшей дочери с племянницей. С неохотой и болью он вспоминает и непростой период из своей военной биографии, когда бравый военный отозван с мест боевых действий в тыл выполнять важное партийное задание: «А вот однажды сняли меня с отряда, отозвали с фронта. И целые три месяца, в самую горячку, считал я вагоны с овсом и

сеном, отправлял мешки с мукой, грузил бочонки с капустой. И отряд мой давно уже разбили. И вперед наши давно уже прорвались. И назад наших давно уже шарахнули. А я все хожу, считаю, вешаю, отправляю, чтобы точнее, чтобы больше, чтобы лучше» [Гайдар 1973: 5–6]. Так в произведение для детей входит мотив жертвенности.

Детские воспоминания тоже отчасти восходят к событиям Гражданской войны и революции. У Натки романтико-героические воспоминания о дяде – красном командире. Она помнит лишь некоторые детали, но они настолько красочны, что надолго врезаются в память героини: «В черной папахе. Сбоку у тебя длинная блестящая сабля. Шпоры: грох, грох» [Гайдар 1973: 5]. Манипуляции маленьких девчонок с саблей представлено как священнодействие – притихли, вытащили саблю, спрятались за печку, рассматривали. Сходная ситуация с восприятием сестрой Владика Дашевского фигуры Феликса Дзержинского: «У нас дома висит его портрет, и сестра под ним написала по-польски: "Милый рыцарь. Смелый друг всего пролетариата". А когда он умер, то сестра в тюрьме плакала и вечером на допросе плюнула в лицо какому-то жандармскому капитану» [Гайдар 1973: 24]. Это девическое увлечение рыцарством революционеров определило её дальнейшую судьбу – она не выходит из тюрем, верна идеалам русской революции и тоже становится жертвой, но не только обстоятельств, сколько своих убеждений.

События в стране, определённый тип воспитания корректируют идеалы и жизненные убеждения героев-детей. Они сохраняют обаяние детства, шалят, резвятся, их будни насыщены приключениями и романтикой (особенно Тольки Шестакова и Владика Дашевского), но воспоминания о прошлом делают их максимально серьёзными и сильно овзросляют. Так, Баранкин вспоминает о крестьянско-колхозной жизни семьи, причём рассуждает больше о коровах, быке и т.д. Он с восхищением вспоминает брата, который служит в Красной Армии, в броневом отряде, гордится другим братом – старшим конюхом колхоза. Социальное маркирование выходит на первый план и доминирует над личностным. Так, упоминание о матери дано вскользь, больше мы узнаём о быке, который её боднул и фактически искалечил: «Александра Тимофеевна. Она у нас в колхозе скотницей. Всю

эту весну пролежала. Теперь ничего... поздоровела. Бык ее в грудь боднул. У нас хороший бык, породистый. В Моршанске прошлую зиму колхоз за шестьсот рублей купил...» [Гайдар 1973: 27]. Детская эмоциональность остаётся достаточно сильной, но обретает совсем иную реализацию. Личные интересы и переживания уступают место общественно-значимым, поэтому Александра Тимофеевна, в первую очередь, скотница в колхозе, а потом уже мама Баранкина. Сообщение о её болезни и страшной травме представлено в интерпретации сына буднично и обыденно. Так и Натке неинтересным и вторичным кажется сообщение матери о возможном переезде семьи в «сторону <...> чужую» [Гайдар 1973: 68]. Более важными для неё становятся воспоминания-размышления о выборе жизненного пути. Натка понимает важность пионерработы, она хорошо и добросовестно её выполняет, но не любит, хотя и вынуждена ею заниматься по распоряжению и распределению Совпартшколы. Личные интересы опять подчиняются общественной необходимости, но для молодой девушки это непростое решение. Правда, сначала она смиряется с необходимостью заниматься нелюбимой деятельностью, но постепенно заинтересовывается ею и принимает эту работу как близкую и дорогую для себя, но и нужную обществу. Натке хочется быть «на передовой», быть в гуще событий и эпицентре современной ей жизни. Примечательно, что судьбы её подопечных прошли через её душу. Но коренным образом изменила Натку смерть Альки. А память об этой артековской смене, о каждом пионере её отряда, об октябрёнке Альке сохраняется надолго. Эта память необходима для осмысления произошедшего, для лучшего понимания и своего призвания, и мотивов поведения ребят, и особенностей детской души. Только мысленно возвращаясь вновь и вновь к конкретным событиям и отдельным деталям, осмысляя и переосмысляя их, Натка подходит к пониманию происходящего. Она открыта для внешнего мира и во многом наивна. Натка ещё не научилась прятать и маскировать собственные эмоции, в отличие от Сергея. Именно поэтому Натка удивляется спокойствию и сосредоточенности Ганина в Москве: «Но что поразило Натку – это то, что он был не угрюмый, не молчаливый и вовсе не одинокий. Слегка наклонившись, он внимательно и серьёзно слушал то, что вполголоса ему говорили» [Гайдар 1973:

109]. Оба понимают ненужность и неуместность совместных воспоминаний о прошлом: «Что-то хотелось обоим напоследок вспомнить и сказать, но каждый из них чувствовал, что начинать лучше и не надо» [Гайдар 1973: 110]. Герои учатся преодолевать слабости, но и сохраняют в памяти то главное, что было у каждого. Общая память не нуждается в индивидуализации, а личная сохраняет то, что необходимо для дальнейшей жизни, обретения опыта, формирования характера.

Личная память более гибкая, эмоциональная, яркая. Так, если Натка и другие помнят молдавскую коммунистку Марицу Маргулис как смелую и несломленную революционерку, как знак и символ времени, то для Сергея это близкий и дорогой человек, а для Альки – любимая мама. Память не только сохраняет значимые моменты прошлого, но и имеет материальную реализацию. Альке от матери достались «смелые нерусские глаза» [Гайдар 1973: 110]. И Сергей, и Алька бережно хранят в памяти эпизоды встречи с дорогим и ушедшим человеком. И в минуты наивысшего откровения делятся дорогими воспоминаниями с близкими по духу людьми – Наткой и Владиком.

Личную память, как и память общую, консервируют фотографии. Для близких – дорогие черты любимого человека, для общества – значимым становится не где, как и по какому поводу сделан снимок, а сам факт наличия фотографии человека, ставшего определённым символом времени. Память общества всегда реагирует на ярких и выделяющихся личностей. Память о них – память о тех их качествах, поступках, поведении, которые так или иначе возвышают человека над обществом. В памяти многих остаются герои нового времени – Марица Маргулис, Дзержинский и т.д. Своеобразным символом такого типа становится Мальчиш-Кибальчиш из сказки Альки. Однако Мальчиш-Кибальчиш – ребёнок, маленький мальчик, который по сути совершает подвиг, посильный для взрослого человека. Кибальчиш не только не выдаёт тайну патриотизма, но и заплатил жизнью за неё. Именно поэтому память о нём заключена не в эмоциях вспоминающих его людей, как это было у Лермонтова в «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»:

Пройдёт стар человек – перекрестится,

Пройдёт молодец – приосанится;
Пройдёт девица – пригорюнится,
А пройдут гусяры – споют песенку... [Лермонтов 1956: 21].

а в военной мощи современного общества:

Плывут пароходы - привет Мальчишу!
Пролетают летчики - привет Мальчишу!
Пробегут паровозы - привет Мальчишу! [Гайдар 1973: 55].

Гайдару важно показать также готовность нынешних мальчишек повторить подвиг Кибальчиша:

А пройдут пионеры - салют Мальчишу! [Гайдар 1973: 55].

Своеобразным символом, коррелирующим с символичностью Мальчиша-Кибальчиша, становится образ Альки Ганина. Трагическая случайность, приведшая к гибели ребёнка, абсолютизируется и символизируется. Самый трогательный и маленький персонаж повести Гайдара погибает. Его хоронят, как и Мальчиша, как и героиню повести А. Платонова «Котлован», не в землю, а в камень. Могила Альки находится не внизу, а поднимается на высоту – в скале: «На скале, на каменной площадке, высоко над синим морем, вырвали остатками динамита крепкую могилу <...> Они навалили груды тяжелых камней, пробили отверстие, крепко залили цементом, забросали бугор цветами. И поставили над могилой большой красный флаг» [Гайдар 1973: 102–103]. Это не только символ новой жизни, новой эпохи, которая закладывает свою память и формирует свой иконостас, по сути свою новую религию. Эта новая «религия» потребовала и особые кровавые, даже детские, жертвы, причём такого рода жертвы были и в самом начале новой «истории» – во время Гражданской войны, продолжают они и в мирное время, потому что сама война не окончена. Новая «вера» старательно вытесняет прежнюю, даже борется с памятью прошлого. В самом конце повести разрушается старая часовня. Это явлено как необходимость – чтобы осознать новую «веру», надо уничтожить прежнюю: «Тут

Натка услышала тяжелый удар и, завернув за угол, увидела покрытую облаками мутной пыли целую гору обломков только что разрушенной дряхлой часовенки. Когда тяжелое известковое облако разошлось, позади глухого пустыря засверкал перед Наткой совсем еще новый, удивительный светлый дворец. У подъезда этого дворца стояли три товарища с винтовками и поджидали веселую девчонку, которая уже бежала к ним, на скаку подбрасывая большой кожаный мяч» [Гайдар 1973: 111]. На эту картину процедируется предшествующая – Сергей, переживший страшную трагедию – гибель сына, – преображается. Он не предается унынию, а сосредоточен, серьёзен, по-деловому собран. Он весь устремлён в завтрашний день, готов подчинить личные интересы интересам общества. Фактически это пытается понять Натка и примерить на себя. Однако у неё, человека не военного, многое вызывает сомнение, удивление и в какой-то степени неприятие. Она принимает необходимость заниматься пионерской работой, но судьба каждого её воспитанника проходит через её душу и сердце. Она на глазах взрослеет и мудреет, хотя и остаётся эмоционально отзывчивым человеком.

Таким образом, тема памяти решена в повести на личностном, семейном и общественном уровнях. Точкой отсчета нового времени стала революция, которая воспринималась как утверждение новой веры с присущими ей атрибутами (святыни, Святыне, крест – красный флаг, жертвы и т.д.). Гражданская война – средоточие воспоминаний взрослых героев и героев юношеского возраста. Там истоки новой жизни, новых идеалов. Это событие даёт импульс развитию новой истории, к разным этапам которой обращается память героев. Тема памяти связана также с историей семьи (Ганины, Шегаловы, Дашевские) и важными событиями в жизни каждого из персонажей. Личностный аспект уступает общественному, но остаётся важным и знаковым в жизни многих.

ЛИТЕРАТУРА

- Гайдар А.П. Военная тайна. – М.: Детская литература, 1973. 112 с.
Круглова Т.А. Произведения соцреализма как свидетельства «революции чувств». Экзистенциальные проблемы героев Аркадия Гайдара. // Политики культурной идентичности. №1. 2010. С. 37–51.

Лермонтов М. Ю. Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова // Лермонтов М. Ю. Поэмы. М.: Государственное издательство детской литературы Министерства Просвещения РСФСР, 1956.

Olga S. Oktyabrskaya

Doct. Of Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow

svyatoolga@yandex.ru

THEME OF MEMORY IN A. P. GAIDAR'S STORY "MILITARY SECRET"

The article reveals the principles of the realization of the theme of memory in A. Gaidar's novel "Military Secret" at the public, personal and family levels. The boundaries of memory in the novel are the events of the revolution and the Civil War, to which the heroes constantly return in their memories and which give a powerful impetus to the development of a new history. Considered the interpretation of this period of Soviet history in a work in the historical, spiritual and religious plans.

Keywords: children's literature, theme of memory, Gaidar's novel, family memory, public memory, personal memory, memories-reflections.

Наполитано Мартина
аспирант по лингвистике и литературоведению
университеты Удине и Триесте, Италия, Удине
martinapo92@hotmail.it

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА — ПЕТУШКИ». ПОЭМА ИГРЫ СВОЕГО-ЧУЖОГО.

Статья вторая

В статье рассматривается интертекстуальность поэмы Венедикта Ерофеева «Москва — Петушки», ее источники в художественной литературе, в языке советской пропаганды, в Библии, в музыке. Говорится о влиянии на поэму творчества Гоголя, сказок «Тысячи и одной ночи», о пародийной революции в Петушках, о библейской нумерологии.

Ключевые слова: Ерофеев, «Москва – Петушки», Гоголь, Библия, советский язык, нумерология, музыка.

Т в о р ч е с т в о Г о г о л я. Кроме прямых цитат из творчества Гоголя или указаний на его имя (в разговоре в поезде говорят, например, о том, как Гоголь у Аксаковых имел свой собственный розовый бокал), о поэтике великого писателя напоминают и жанр (это же «поэма в прозе»), и повторяющиеся ситуации, и повествовательные приемы, и темы, присутствующие в тексте Венедикта Ерофеева. Как мы уже заметили, форма произведения имеет, с одной стороны, аспект «записок», и таким образом поэма продолжает традицию записок Гоголя и Достоевского. С другой стороны, «Москва-Петушки» имеет и черты литературы абсурда, первым и самым ярким представителем которой можно справедливо считать Николая Гоголя (особенно его «Петербургские повести»). У Гоголя абсурд соединяется с обширным употреблением приемов гротеска, который, переплетая элементы смеха (карнавального смеха) и декламативные, высокие (но с патетическим оттенком) моменты, передает повествованию какое-то ощущение фантастического, нереального, невозможного. В творчестве Гоголя все преувеличено, и так сильно оно преувеличено, что сюжеты, персонажи, описания теряют всякую размер-

ность реального, повседневного мира. Ненужные детали добавлены, и они тоже преувеличены до абсурда, так как, в конце концов, перед читателем остаются портреты «неживых» персонажей, даже не персонажей, а масок (это же литературный карнавал), которым не хватает ни глубины духовного, внутреннего мира, ни больших, сложных чувств и размышления. У Ерофеева абсурд тоже соединен со смесью высокого и низкого, которая вызывает смех; однако, в поэме нет «плоских» персонажей, которые Гоголю наоборот нужны (его сюжеты более похожи на анекдоты, вся сила их лежит в употреблении языка, как критики-формалисты, и особенно Эйхенбаум, заметили). Персонажи Ерофеева имеют, на самом деле, очень развитый внутренний мир, у них эмоции и собственное мировоззрение сложные и изысканные. Поэтому, с ними читатель более склонен к отождествлению, и более ярко передается трагизм всего повествования, который является «преображением» гоголевского абсурда.

Эйхенбаум справедливо заметил, что «Шинель» Гоголя получает свою выразительную силу главным образом благодаря скрытым в ней звуковым эффектам. В самом деле, часто в тексте читатель сталкивается со словами, положение которых в предложении вполне неуместно; их употребление, однако, создает момент абсурда и служит «звуковой функции»: портной Петрович, например, объясняет причину своего отказа поправить шинель Акакия Акакиевича словами «дело совсем гнилое, трогаешь иглой – а вот уж оно и ползет»; дальше он предлагает Акакию Акакиевичу новую шинель, у которой будут «серебряные лапки под апплике». В поэме Венедикта Ерофеева тоже этот прием находит место. Например, рассказывая о своей поездке во Францию, Веничка приводит список французских названий частей дома, у которых можно отличать некий звуковой эффект:

«Мансарда, мезонин, флигель, антресоли, чердак — я все это путаю и разницы никакой не вижу»¹.

В другом контексте, герой играет словами и выражениями русского языка, приспособляя неожиданный выбор слов («днище» вместо «дна») к их звуку (повторение [ш]): «с самого

¹ Из главы Назарьево – Дрезна.

днища моей души»¹. Кроме того, слово «днище», поскольку оно обычно используется в отношении «дна лодки или бочки», очень хорошо подходит к контексту записок пьяницы.

Еще свидетельствуют о влиянии творчества Гоголя на поэму Ерофеева некоторые ситуации в тексте. Например, когда Веничка видит плачущую женщину в вагоне, он строго говорит о мире, который он не принимает:

«Женщина плачет – а это гораздо важнее... О, позорники! Превратили мою землю в самый дерьмовый ад – и слезы заставляют скрывать от людей, а смех выставлять напоказ!..»².

Отрывок прямо намекает на хрестоматийно известные слова Николая Гоголя в Мертвых душах, где автор тоже как бы комментирует судьбу, мир своих персонажей:

«И долго еще определено мне чудной властью идти об руку с моими странными героями, озирать всю громадно-несущуюся жизнь, озирать ее сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы».

Еще один пример заимствования/вдохновения, это появление неизвестных четверых, которые будут Веничку убивать. Они за героем следуют от Садового кольца, через Красную Площадь, до неизвестного подъезда, где Веничку убивают. Они берут у него единственную вещь, которой Веничка владеет и которую он старался спасти, убегая в Петушки: они берут у него его жизнь, его душу. Если сопоставить такой конец с концом «Шинели» Гоголя, тогда обнаруживаем, что и в этой повести смерть Акакия Акакиевича вызвана появлением «каких-то людей с усами», которые берут у него тоже самую главную для него вещь, его шинель.

«Ты с я ч а и о д н а н о ч ь». В главе Дрезна – 85-й километр появляется в вагоне контролер Семеныч, и мы узнаем, что на этот поезд купить билет считается отвратительным поступком, поскольку за поездку расплачиваются количеством спиртного. Только к Веничке отношение контролера отличается: он знает уже, что маршрут у него «как всегда: Москва-Петушки», а поскольку у нашего героя алкоголя постоянно нет (было бы у него,

¹ Из главы Воиново — Усад.

² Из главы 113-й километр – Омутище.

скорее всего, он и его бы выпил), он расплачивается каждый раз каким-то рассказом, историей о древности, о литературе, о философии, и т. д. В этом смысле, прозвища «Шехерезада» (для Венички) и султан «Шахриар» (для Семеныча), которыми обращаются друг к другу они, отлично подходят. Они происходят из античного (X век) собрания рассказов разных авторов «Тысяча и одна ночь», в котором жена султана Шахриара, Шехерезада, каждый вечер мужу рассказывает одну историю, чтобы он ее не убил, как он сделал с бывшими супругами, из-за того, что одна из них ему изменила. Шехерезада каждый вечер не рассказывает историю до конца, а обещает султану продолжать ее на следующий вечер. Веничка/Шехерезада пользуется этим приемом, чтобы никогда не платить контролеру. Кроме того, он же очень хорошо знает, какие темы для Семеныча/султана являются более очаровательными и интересными, и поэтому добавляет своим историям-урокам много деталей, особенно эротических, о личной жизни персонажей, как например в случае «скандальной истории с Лукрецией и Тарквинием»¹, или «истории с Гипатией»:

«И вот, по наущению патриарха Кирилла, одержимые фанатизмом монахи Александрии сорвали одежды с прекрасной Гипатии...».

Когда поезд останавливается в Орехово-Зуево, контролер Семеныч спокойно больше не может держаться из-за эмоций и возбуждения, и «старшего ревизора Семеныча, заинтригованного в тысячу первый раз, полуживого, расстегнутого — вынесло на перрон и ударило головой о перила»².

В этом отрывке Ерофеев вводит предварительный знак будущей смерти своего персонажа (или, по крайней мере, знак, что поездка Венички последняя), подчеркивая, что контролер заинтригован «в тысячу первый раз», то есть в последний раз, согласно традиции арабского рассказа.

Венедикт Ерофеев в ситуации диалога героя с контролером пользуется литературным приемом «истории внутри истории», создавая больше метанарративных планов в повествовании. Традиция «метанарратива» в литературе достаточно древняя: уже у

¹ Из главы 85-й километр – Орехово-Зуево.

² Из главы Орехово-Зуево.

Боккачио (Decameron) она играет главную, функциональную роль в создании текста. В поэме другой явный пример употребления данного приема находим, когда пассажиры предлагают, чтобы каждый рассказал о своей истории любви, «прямо как у Тургенева: все сидят и спорят про любовь»¹. Ироничный намек здесь на ситуацию повести Первая любовь Тургенева функционально использован для того, чтобы вводить рассказы разных персонажей.

П е р е р а б о т к а с о в е т с к о г о « я з ы к а ». Поездка из Москвы в Петушки Венички, однако, не только поездка в литературу, как мы в предыдущем разделе обнаружили; читатель, следуя по пути героя, почти неосознанно совершает путешествие и в глубину советской реальности, так как текст соткан не только из литературных цитат, а из официального языка партии, пропаганды, классиков марксизма-ленинизма, агитационной публицистики. Одна из лингвистических основ поэмы, в самом деле, именно тот язык. Однако, тот самый официальный язык пародийно употреблен в речи Венички, поскольку, даже с экстремальной деликатностью ему присущей, он его соединяет с низкой реальностью своей жизни, передавая тем словам парадоксальные, сниженные оттенки. Вот, например, в случае требования Венички «почтить минутой молчания» за то, что он не мог вспомнить то, что делал «от ресторана до магазина и от магазина до поезда»:

«Давайте лучше так — давайте почтим минутой молчания два этих смертных часа. Помни, Веничка, об этих часах. В самые восторженные, в самые искрометные дни своей жизни — помни о них. В минуты блаженства и упоений — не забывай о них. Это не должно повториться. Я обращаюсь ко всем родным и близким, ко всем людям доброй воли, я обращаюсь ко всем, чье сердце открыто для поэзии и сострадания.

Оставьте ваши занятия. Остановитесь вместе со мной, и почтим минутой молчания то, что невыразимо. Если есть у вас под рукой какой-нибудь заваливающий гудок — нажмите на этот гудок.

¹ Из главы Фрязево – 61-й километр.

Так. Я тоже останавливаюсь. Ровно минуту, мутно глядя в вокзальные часы, я стою как столб посреди площади Курского вокзала. Волосы мои то развеваются на ветру, то дыбом встают, то развеваются снова. Такси обтекают меня со всех четырех сторон. Люди — тоже, и смотрят так дико: думают, наверное, — изваять его вот так, в назидание народам древности, или не изваять?»¹.

В данном отрывке многое происходит от сферы официального языка. Весь мотив «минуты молчания» – традиционный советский обряд поминовения погибших или умерших героев войны и труда. Слова и выражения, в нем употребленные, намекают на штампы, лозунги и клише, связанные с этим обрядом, такие как «это не должно повториться» (обычно в отношении ужасов фашизма [Власов 2015: 172]) и «нажмите на этот гудок». Еще присутствуют другие такие слова, какие «люди доброй воли», которые тоже напоминают советские времена: в данном случае, это словосочетание происходит от публикации антивоенного Стокгольмского воззвания в 1950 году [Власов 2015: 173], где говорится: «мы призываем всех людей доброй воли подписать это воззвание».

Употребление официального языка в низком контексте жизни Венички, кроме парадоксального снижения, воспроизводит и своего рода противопоставление высокому, торжественному, «энергичному» стилю советского режима. Последний освящает стихию, силу революции и постоянно их прославляет, а Ерофеев сумел много и многих убедить, что в эпоху сверхвысоких энергий есть особое достоинство в том, чтобы прибавить от себя чуточку энтропии. Плеснуть энтропии в костер энергии. Проявить великодушие путем малодушия [Эпштейн 1995: 21].

Веничка — необыкновенный защитник энтропии, «малодушия», медленности. Даже в «революционных страницах» он не совсем уверен в том, что революция (эта «авантюра») позитивна. В ней он больше всего видит лихорадочность и разрушительную стихию, точно как Блок ее воспринимал, например, в Скифах, а в отличие от Блока, кажется, что, по его мнению, мало или даже

¹ Из главы Москва. К поезду через магазин.

ничего положительного она не может принести стране; она – разрушение без перестройки. В поэме Веничка спрашивает Тихонова, нравится ли ему революция, а сам о ней ничего не говорит:

«Я тихо отвел в сторону канцлера, от него разило пуншем:

– Тебе нравится, Вадя, наша революция?

– Да, — отвечал Вадя, — она лихорадочна, но она прекрасна»¹.

Революция в Петушках. Самой длинной и совершенной пародией в поэме является пародия на Октябрьскую Революцию в районе Петушков. Она развивается с главы Орехово-Зуево — Крутое до главы Воиново — Усад, когда Веничка, оставшись один в вагоне, при алкогольном делирии воображает, что революция произошла в его любимом Эдеме, в Петушках. В этой пародии ссылок много. Революция, в самом деле, начинается тезисами Тихонова; когда они готовы, он «прибил к воротам елисейковского сельсовета свои четырнадцать тезисов. Вернее, не прибил к воротам, а написал на заборе мелом, и это скорее были слова, а не тезисы, четкие и лапидарные слова, а не тезисы, и было их всего два, а не четырнадцать, — но, как бы то ни было, с этого все началось».

Здесь очевидна контаминация реминисценций «Апрельских тезисов» Ленина (1917 г.) и 95 тезисов Лютера (1517 г.). Точно так же, как прежде мы обнаруживали, в данном случае мотив коммунизма (здесь, Октябрьская революция) переплетается с религиозным мотивом (рождение протестантизма). В самом деле, ассоциация этих двух моментов истории обоснована, так как оба революционных течения хотели изменить целиком ситуацию, и им обоим удалось достичь своей цели.

Кроме того, целые разговоры персонажей полны известных цитат из вождей революции². Тихонова спрашивают, например, «назрела ситуация?», напоминая слова Ленина («вооруженное восстание ... вполне назрело», которые он пишет в статье «Марксизм и восстание» в 1917 г.). Тихонов отвечает:

¹ Из главы Крутое – Воиново.

² Замечания на эти цитаты приводятся из комментария Левина [Левин 1996: 76-83] и Власова [2015].

«Я, как немножко выпью, мне кажется, что назрела; а как начинает хмель проходить — нет, думаю, еще не назрела, рано еще братья за оружие...».

Его ответ пародийно повторяет то, о чем уже писал и Маяковский (в поэме Владимир Ильич Ленин), спор между меньшевиками и большевиками, между Плехановым и Лениным, о восстании 1905 г. В самом деле, Плеханов писал, что тогда «не нужно было и братья за оружие», а Ленин возражал, что «напротив, нужно было более решительно, энергично и наступательно братья за оружие». Внедрение в этот спор мотива алкоголя, конечно, снижает ситуацию и память об этих двух важных вождах революции.

Сцены революции пересмотрены как бы в фильме (в историко-революционном фильме, конечно), и фразеологизмы и выбор употребленных слов тоже на этот аспект иногда намекают: «до свидания, товарищ. Постарайся уснуть в эту ночь».

После революции описание действия пародирует шаг за шагом реальные события 1917 г.: организуют «съезд победителей», во время которого «все мололи одно и то же: Максимилиан Робеспьер, Оливер Кромвель, Соня Перовская, Вера Засулич, карательные отряды из Петушков, война с Норвегией», и даже предсказывают и как бы оправдывают следующую гражданскую войну:

«Чтобы восстановить хозяйство, разрушенное войной, надо сначала его разрушить, а для этого нужна гражданская или хоть какая-нибудь война, нужно как минимум двенадцать фронтов».

Потом происходит пленум: «он был расширенным и октябрьским», «посвящен избранию президента, то есть избранию меня в президенты». Как бы смешно и фиктивно ни звучал рассказ об этом пленуме и выборах президента, он полностью выражает сущность советской политической системы: конечно, слова «пленум», «расширенный» и «октябрьский» — квази-советизмы, но даже если должности президента в СССР не было, этот выбор напоминает о том, что «реальных» выборов тоже не существовало, так как кандидат на посту секретаря ЦК КПСС был всегда один, и в этом смысле понятна фраза «то есть избранию меня в президенты».

Первые же декреты, принятые после Октябрьской Революции, — известные декреты о мире, земле и власти: они тоже пародийны в тексте Ерофеева, и им добавляется «декрет», который заставит «тетю Машу в Андреевском открывать магазин в пять тридцать, а не в девять». Писатель пародирует и решение «передвинуть стрелку часов на два часа вперед или на полтора назад, все равно, лишь бы передвинуть», и орфографическую революцию: слово «черт» надо принудить снова писать через «о», а какую-нибудь букву вообще упразднить, только надо подумать, какую.

Напоминаются проекты об изменении календаря («летоисчисление — как думаешь? - сменим или оставим как есть?»), решение «временно перенести столицу из Черкасова в Поломы, то есть на двенадцать верст вглубь республики» (в реальности перенесли из Петербурга в Москву), лозунг Ленина на съезде комсомола в 1923 г. («а уж потом выпьем — и учиться, учиться, учиться...»); слова Ленина были: «во-первых – учиться, во-вторых – учиться и в-третьих – учиться»). Находит место и тема террора, который следует за декларацией прав: «а потом выпьем — и декларацию прав. А уж только потом — террор». В самом деле, после Октябрьской Революции была принята декларация прав по образцу Франции в 1789 г., и здесь можно обнаружить контаминацию реминисценций и Французской Революции, и Октябрьской, так как после обеих начался период «террора» (и, кстати, точнее Тихонова спрашивают «и какой террор открываешь? Белый?»).

На стенку новый режим заставляет повесить «портрет прокуратора Иудеи Понтия Пилата, чтобы дети росли чистоплотными. Прокуратор Понтий Пилат стоит и умывает руки — вот какой это будет портрет».

Здесь, конечно, намек на портрет Ленина, который вешали на стену в офисах, и на фигуру Пилата, особенно, наверное, как его описал Булгаков в Мастере и Маргарите, на которой строится и каламбурный эффект, игра выражением «умывать руки» и прилагательным «чистоплотный».

П е р е р а б о т к а Б и б л и и. Как мы уже замечали по поводу ассоциаций путешествия Венички с путешествием Радищева, поездка в Петушки имеет духовные характеристики, которые передают ощущение, что перед нами не физическая поездка, а поездка души героя-повествователя. Более того, узнав в конце поэмы, что жертва этого «детektива» [Липовецкий 2006] именно тот герой-повествователь, можно допустить две интерпретации: или герой — мертв и начинает свое «загробное путешествие» [Курицын 1992], согласно православному канону, стараясь — однако неудачно — приобрести место в «Эдеме» (Петушки), или он — мертв и воскресает, точно Христос, однако ненадолго, только чтобы принести «глагол Бога» на землю, или по-пушкински «сжечь» людей им. Уместно свидетельство второй жены Венедикта Ерофеева Галины о том, что: «религия в нем всегда была. Наверно, нельзя так говорить, но я думаю, что он подражал Христу» [Эпштейн 1995: 7].

В е н и ч к а – Х р и с т о с ?. Воскресение¹ — основная тема в поэме, где часто повторяются библейские слова «встань и иди» (или «талифа куми»), те же самые слова, которые воскресили Лазаря (Ио. 11: 43), дочь начальника синагоги (Мк. 5: 41) и исцеляемого больного (Мк. 5: 8). Разные персонажи их «произносят», по образу Христа, «помогая» Веничке воскреснуть: это, прежде всего, сам Веничка, который не раз себе их говорит, потом это его соседи, чтобы он пошел в туалет, и, наконец, это любимая девушка:

– А плохая баба? – сказал декабрист. – Разве не нужна бывает и плохая баба?

– Конечно! Конечно, нужна – отвечаю я ему. – Хорошему человеку плохая баба иногда прямо необходима бывает. Вот я, например, двенадцать недель тому назад: я был во гробе, я уж четыре года лежал во гробе, так что уже и смердеть перестал. А ей говорят: «Вот – он во гробе. И воскрес, если сможешь». А она

¹ Паперно и Гаспаров [1981] замечают, что важность темы воскресения Лазаря приближает поэму Ерофеева к роману Достоевского «Преступление и наказание». Дальше утверждают, что важность всего Евангелия в поэме соединяет ее с романом Булгакова «Мастер и Маргарита».

подошла ко гробу – вы бы видели, как она подошла! [...] Подошла ко гробу и говорит: «Талифа куми». Это значит в переводе с древнежидовского: «Тебе говорю – встань и ходи». И что ж вы думаете? Встал – и пошел. И вот уже три месяца хожу замутненный.¹

В данном отрывке ассоциация женщины с Христом и более удивительная, так как Иисус становится «плохой бабой», однако способной его воскресить.

В конце поэмы слова «встань и иди» уже, однако, преобразуются, так как герой понял, что конец для него близок, и еще раз подражая именно Христу (Мк. 15: 34), говорит:

«Весь сотрясаясь, я сказал себе «талифа куми». То есть «встань и приготовься к кончине». Это уже не «талифа куми», то есть «встань и приготовься к кончине», это лама савахфани. То есть: «Для чего, Господь, Ты меня оставил?»

«Для чего же все-таки, Господь, Ты меня оставил?» Господь молчал»².

Смерть Венички во многом напоминает Страсти Господни, даже ряд действий, которые предвещают распятие, идентичен. Когда Христос умирает, «тьма была по всей земле» (Мк. 15: 33); Веничка, обеспокоенный, тоже замечает необычную темноту на улице из окна поезда: «но почему за окном темно, скажите мне, пожалуйста? Почему за окном чернота, если поезд вышел утром и прошел ровно сто километров?»³

Появившегося камердинера Петра Веничка спрашивает, нет ли чего-нибудь спиртного, и тот три раза повторяет, что «выпить нет ничего», «все выпито» (в главе Омутитце – Леоново). В Новом Завете (Мк. 14: 66-72), именно апостол Петр три раза отрекся от Христа:

«Когда Петр был на дворе внизу, пришла одна из служанок первосвященника и, увидев Петра, греющегося, и всмотревшись в него, сказала: и ты был с Иисусом Назарянином. Но он отрекся, сказав: не знаю и не понимаю, что ты говоришь. И вышел вон на передний двор; и запел петух.

¹ Из главы Фрязево – 61-й километр.

² Из главы Москва-Петушки. Неизвестный подъезд.

³ Из главы Усад – 105-й километр.

Служанка, увидев его опять, начала говорить стоявшим тут: этот из них. Он опять отрекся.

Спустя немного, стоявшие тут опять стали говорить Петру: точно ты из них; ибо ты Галилеянин, и наречие твое сходно. Он же начал клясться и божиться: не знаю Человека Сего, о Котором говорите. Тогда петух запел во второй раз. И вспомнил Петр слово, сказанное ему Иисусом: «прежде нежели петух пропоет дважды, трижды отречешься от Меня»; и начал плакать».

Кроме того, само распятие ясно намекает на судьбу Христа, даже если, в случае Венички¹, «О н и в о н з и л и с в о е ш и л о в с а м о е г о р л о».

А почему Ерофеев был так очарован именно фигурой Христа? Как мы уже заметили, он был «сторонником» энтропии, «отсутствия действий», а с другой стороны защищал силу и свободу души, которая тихо противопоставляется силе и порядку всеобщей системы. Христос тоже не был заинтересован разрушить политическую систему древней римской империи (и, точнее, фигура-представитель этой империи, то есть Понтий Пилат, в Евангелии совсем не описана отрицательными чертами, и именно поэтому, скорее всего, является такой интересной и плодотворной для писателей, как Булгакова или самого Ерофеева, например); Христос «только» представлял миру возможность жить духовно, «гуманно» среди окружающих людей, уважая их как самого себя (и в этом его учении лежит важность христианства; в самом деле, европейское современное общество до сих пор плодотворно, иногда неосознанно, развивало и развивает те принципы, которым Христос учил). Христианство тоже оказалось тогда своего рода революцией, только не политической, а общественно-нравственной. Однако, при Христе все это мало людей еще понимало, точно как Веничка в поэме чувствует себя не понятным окружающим миром. Следствие этого непонимания, как известно, распятие, и в случае Иисуса, и в случае Венички. В момент смерти они оба очень страдают, «по-человечески» страдают: Ерофееву могло особенно нравиться то, что в Евангелии Иисус – простой человек, он не Бог на земле, он — воплощение Бога в человека, и ему, следовательно, знакомы все человеческие чувства, в том числе и

¹ Этим Ерофеев удивительно предсказал свою смерть, от рака горла.

страдание. Своим «подвигом», кроме того, и Христос, и Веничка как бы искупают грехи целого человечества и своего времени — в поэме Ерофеева, конечно, это пародийно. Именно в этом, нам кажется, лежит очаровательность фигуры Христа для Венедикта Ерофеева, и в этом смысле жена Галина была права: он как бы «подражал Христу».

Символы и Библейская нумерология. Веничка говорит: «почти каждую пятницу повторялось все то же: и эти слезы, и эти фиги. Но сегодня — сегодня что-то решится, потому что сегодняшняя пятница — тринадцатая по счету»¹. Герой сам признает, что число «тринадцать» — значимое, и что именно поэтому «сегодня что-то решится». И чуть дальше еще он повторяет:

«Как обидно, что я на тринадцатый раз еду к ней совершенно трезвый. Из-за этого мне придется ждать, когда же, наконец, рассветет! Когда же взойдет заря моей тринадцатой пятницы!»².

Тринадцать в поэме еще «глотков» (Никольское – Салтыковская) и «трубок», которые он выкурил (Назарьево – Дрезна). Кроме ссылки на книгу Эренбурга («Тринадцать трубок»), повтор этого числа далеко не случаен. У этого числа фатальный, роковой, злополучный символизм. В Библии он связан, прежде всего, с Тайной Вечерей, то есть последней трапезой Иисуса со своими двенадцатью учениками: он именно тринадцатый человек за столом, и во время ужина он предсказывает предательство одного из них. В этом смысле, к числу «тринадцать» придан символизм «проверки», будущих страдания и смерти. Однако, в Страстную Пятницу умерло физическое тело Христа, а для души та смерть стала «возрождением», именно «воскресением»: поэтому, число «тринадцать» означает, с одной стороны, смерть и страдание, а, с другой стороны, «переезд» в высшую степень существования.

Другое важное число в поэме — это «сорок». Веничка просыпается «на ступеньке в подъезде, по счету снизу сороковой»³;

¹ Из главы Железнодорожная – Черное.

² Из главы Усад – 105-й километр.

³ Из главы Москва. На пути к Курскому вокзалу.

он пьет «сорок дней» подряд, «потом опять четыре дня не пью, а потом опять шесть месяцев пью без единого роздыха», потому что у него «все в жизни как-то полосами»¹; он учит, что надо пить «с паузами в сорок-сорок пять минут»², чтобы хорошо опохмелиться; и, приехав с невыразимой тяжестью в Петушки (Москву), он вспоминает: «Кто-то мне говорил когда-то, что умереть очень просто: что для этого надо сорок раз подряд глубоко, глубоко, как только возможно, вздохнуть, и выдохнуть столько же, из глубины сердца, — и тогда ты испустишь душу. Может быть, попробывать?»³.

У этого числа тоже библейское происхождение. В Библии оно часто повторяется, когда речь идет о периоде «проверки», «изоляции» и «очищения». Всемирный потоп длился «сорок дней и сорок ночей» (Быт. 7: 12), Моисей оставался в горах то же самое время (Исх. 24: 18), Иисус тоже сорок дней оставался в пустыне (и искушал там его дьявол) (Лк. 4: 2; Мф. 4: 2), сорок дней считаются от Воскресения Христа до Вознесения (Деян. 1: 2,3). Однако, наверное, более интересно — сходство значения такого числа в православной традиции. В самом деле, считается, что на сороковой день мытарств после смерти душа человека окончательно получает благодатную помощь Бога и приходит на Его поклонение, чтобы тот выбрал душе сообразное место, в аду или в раю. Таким образом, «сойдя по этим сорока ступеням, Веничка становится объектом Высшего суда» [Власов 2015: 139].

Еще одно повторяющееся число в поэме — это «четыре». Бригадирство Венички длится 30 дней, то есть четыре недели; перед тем как девушка его воскресила, он «уже четыре года лежал во гробе»⁴; у женщины сложной судьбы «четырёх зубов не хватает»⁵; во время «революции» посылают четыре «очень красивые, с виньеточками и желудями» открытки и письма⁶ и четыре

¹ Из главы Новогиреево – Реутово.

² Из главы Черное – Купавна.

³ Из главы Петушки. Вокзальная площадь.

⁴ Из главы Фрязево – 61-й километр.

⁵ Из главы Павлово-Посад – Назарьево.

⁶ Из главы Орехово-Зуево – Крутое.

пленума организуют; Стаханов в загадке, «когда же с ним случался запой», «четыре раза в день ходил по малой нужде»¹. Кроме того, в бригаде у него четыре подчиненных, в Орехово-Зуево он жил с четырьмя соседями, и, в конце концов, его убьют точно четыре палача.

Символизм числа «четыре» древний, и он не только связан с христианством. Его значение ассоциируется с землей, с материей, с четырьмя стихиями натурфилософии (огонь, земля, воздух и вода), или с четырьмя «темпераментами» по Гиппократу — холерик (желчь), флегматик (мокрота), сангвиник (кровь) и меланхолик (черная желчь). Четыре — это тоже число сторон света (Север, Юг, Запад, Восток). Христианство переработало значение этого числа. Появился, например, знак креста, со своими четырьмя пунктами (и этот знак напоминает в поэме через образ распятия). В христианстве число «четыре» служит указанием также на четырех евангелистов, Матфей (ангел), Марк (лев), Лука (телец) и Иоанн (орел). Дальше, Лазарь лежал во гробе четыре дня перед воскресением (Иоанн 11: 1-45), а Веничка «четыре года». Еще в Апокалипсисе присутствуют четыре всадника, Конь белый, Конь рыжий, Конь вороной и Конь бледный (Откр. 6: 1-8), точно как в конце поэмы присутствуют четыре палача. Кроме того, символизм числа «четыре» связан с образом Христа (а число «три», конечно, с Богом).

Число «четыре» уже нравилось Достоевскому, который расположил самые важные события романа Преступление и наказание именно на четвертом этаже, и, скорее всего, внимательный читатель Ерофеев эту деталь не пропускал. Старуха-жертва жила на четвертом этаже («сюда, в четвертый этаж, к старухе»), Мармеладовы тоже на четвертом этаже живут («они вошли со двора и прошли в четвертый этаж»), и даже контора там находится:

«Контора была от него с четверть версты. Она только что переехала на новую квартиру, в новый дом, в четвертый этаж. [...] Он вошел в эту комнату (четвертую по порядку)».

З н а ч е н и е м у з ы к и. Точно как о литературе, Ерофеев знал много и о музыке, его культурный запас в этой области был

¹ Из главы 105-й километр – Покров.

широк, от классической музыки (оперы, симфонии, и т. д.) до популярных песен времени, до пропагандистских гимнов и хоров. Музыка постоянно присутствует, как бы непрерывно звенит в его уме, и об этом свидетельствуют все произведения писателя. В Записках психопата читаем [Ерофеев 2014: 216]:

«Может, те, что стояли наверху, не слышали ее [мелодию], хотя сами и извлекали ее из тишины... но для человека, у которого каждое психологическое состояние сопровождалось и выражалось внутренней музыкой, любое нарушение душевной тишины может казаться музыкальным аккордом... тем более, что тишина для него вечна...».

Обладая необыкновенным «абсолютным слухом», Ерофеев мог сочинить такое произведение, где все «звенит да звенит», где разные коды и разные тоны переплетаются отлично: Ерофеев открыл (и закрыл) новый вид художественного текста, новый язык литературы [Смирнова 1990: 65].

Все музыкальные намеки в тексте дают стилистический оттенок словам повествователя, подчеркивают его знание в этой области и вызывают некий музыкальный «аккомпанемент» поэме. Более или менее прямо процитированы, например, «Севильский Цирюльник» Россини, оперы Вагнера, «Фауст» Гуно. Девятая симфония Антонина Дворжака упоминается в речи Венички, когда он объясняет, как продолжать пить, чтобы чувство тошноты не взяло верх:

«Оказывается, если вы уже выпили пятую, вам надо и шестую, и седьмую, и восьмую, и девятую выпить сразу, одним махом — но выпить идеально, то есть выпить только в воображении. Другими словами, вам надо одним волевым усилием, одним махом — не выпить ни шестой, ни седьмой, ни восьмой, ни девятой.

А выдержав паузу, приступить непосредственно к десятой, и точно так же, как девятую симфонию Антонина Дворжака, фактически девятую, условно называют пятой, точно так же и вы: условно назовите десятой свою шестую — и будьте уверены — теперь вы уже будете беспрепятственно мужать и мужать, от са-

мой шестой (десятой) до самой двадцать восьмой (тридцать второй), то есть, мужать до того предела, за которым следуют безумие и свинство».¹

Ссылка на «Бориса Годунова» Мусоргского непряма; мы понимаем, что речь идет об этом произведении, при описании одной его сцены и актера, с которым герой отождествляется, когда ему плохо из-за хмеля:

«Плохо только вот что: вдруг да они заметили, что я сейчас там на площадке выделывал?.. Кувыркался из угла в угол, как великий трагик Федор Шаляпин, с рукою на горле, как будто меня что душило?»².

Третья баллада Шопена преобразается в любимую женщину, приобретая, с одной стороны, сниженную черту («балладу» можно здесь понимать как «блядь»), а, с другой стороны, подтверждая большую любовь повествователя и к женщине и к музыке: «Эта искусительница — не девушка, а баллада ля бемоль мажор!»³

«Гимн демократической молодежи» преобразается, наоборот, с нескрываемой насмешкой, в аромат одного коктейля Венички:

«Итак, перед вами «ханаанский бальзам» (его в просторечии называют «чернобуркой») — жидкость в самом деле черно-бурого цвета, с умеренной крепостью и стойким ароматом. Это уже даже не аромат, а гимн. Гимн демократической молодежи. Именно так, потому что в выпившем этот коктейль вызревает вульгарность и темные силы. Я сколько раз наблюдал!...»⁴

Добавим еще, далеко не случайно то, что в поэме «все пили, запрокинув головы, как пианисты».⁵ Это особенное описание, в самом деле, повторяется в поэме еще три раза: пьет как пианист Веничка (Реутово — Никольское), любимая девушка (Кучино — Железнодорожная), внучек Митрич (Храпуново — Есино).

¹ Из главы Купавна – 33-й километр.

² Из главы Карачарово — Чухлинка.

³ Из главы Кучино – Железнодорожная.

⁴ Из главы Электроугли — 43-й километр.

⁵ Из главы Храпуново — Есино.

ЛИТЕРАТУРА

- Айзенберг Михаил. Возможность высказывания // Знамя. – 1994. – №6. – С. 218.
- Васюшкин Алексей. Петушки как Второй Рим? // Звезда. – 1995. – №12. – С. 201-209.
- Верховцева-Друбек Наталья. «Москва-Петушки» как *parodia sacra* // Соло. – 1991. – № 8. – С. 88-95.
- Власов Эдуард. Бессмертная поэма Венедикта Ерофеева «Москва-Петушки». Спутник писателя. Предисловие и Комментарии к поэме. – СПб.: Азбука, 2015.
- Ерофеев Венедикт Васильевич. Москва-Петушки. Текстологическая редакция Владимира Муравьева. – М.: Интербук, 1990.
- Ерофеев Венедикт Васильевич. Записки психопата. – СПб.: Азбука, 2014.
- Зорин Андрей Леонидович. Пригородный поезд дальнего следования // Новый Мир. – 1989. – № 5. – С. 256-258.
- Илюшин Евгений Александрович. Пушкинская тема в художественном мире Венедикта Ерофеева // Слово грамматика речь. – 1999. – № 2. – С. 19-35.
- Курицын Вячеслав. Мы поедем с тобою на «А» и на «Ю» // Новое литературное обозрение. – 1992. – № 1. – С. 296-304.
- Левин Юрий Иосифович. Комментарий к поэме «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева. – Грац: Изд. Хайнриха Пфандля, Institut für Slawistik, 1996.
- Липовецкий Марк. Русский постмодернизм. Очерки исторической поэтики. – Екатеринбург: Урал. Гос. Пед. Ун-т., 1997.
- Липовецкий Марк. Кто убил Веничку Ерофеева? // Новое литературное обозрение. – 2006. – № 78. – С. 210-221.
- Несколько монологов о Венедикте Ерофееве // Театр. – 1991. – № 9. – С. 74-122.
- Паперно Ирина, Гаспаров Борис. Встань и иди // Slavica Hierosolymitana. – 1981. – № 5-6. – С. 387-400.
- Радищев Александр Николаевич. Путешествие из Петербурга в Москву. – М.: Сов. Россия, 1981.
- Смирнова Елена. Венедикт Ерофеев глазами гоголеведа // Русская литература. – 1990. – № 3. – С. 58-66.
- Шмелькова Наталья. Во чреве махечи. СПб.: Лимбус пресс, 1999.
- Эпштейн Михаил Наумович. После карнавала, или вечный Веничка // Ерофеев В. В.
- Оставьте мою душу в покое (Почти все). – М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1995.

Pawlikowski Paweł. From Moscow to Pietushki. [документальный фильм] – UK, BBC, 1991.

Remonato Ilaria. Tra movimento e stasi. Polisemia del viaggio nell'opera di V. Erofeev. – Saarbrücken, Edizioni Accademiche Italiane, 2015.

Zappi Gario. Il Vangelo apocrifo di Venička Erofeev // Slavia. – 2003. – N° 4. – C. 3-10.

Martina Napolitano

PhD student in Linguistics and Literary Studies, University of Udine – Trieste, Italy

martinapo92@hotmail.it

**INTERTEXTUALITY IN THE POEM OF VENEDIKT EROFEEV
"MOSCOW – PETUSHKI". THE POEM IS A GAME OF SOMEONE
ELSE'S. PART TWO**

The article considers the intertextuality of Venedikt Erofeev's poem "Moscow – Petushki", its sources in fiction, in the language of Soviet propaganda, in the Bible, in music. It is said about the influence on the poem of Gogol's works, the tales of "Thousand and One Nights", about the parodic revolution in Petushki, about biblical numerology.

Key words: Erofeev, "Moscow - Petushki", Gogol, Bible, Soviet language, numerology, music.

СТРАНОВЕДЕНИЕ

Лилеева Анна Георгиевна

*кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся филологического факультета, МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва
anna.lileeva2017@yandex.ru*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ВАСИЛИЯ ЛОГИНОВА

В статье речь идёт о творчестве современного русского художника, работы которого тесно связаны с традицией русской культуры. На примере анализа доминирующего художественного приема демонстрируется тесная связь философии жизни и философии искусства художника.

Ключевые слова: русская культура, традиция, эмаль, философия искусства, доминирующий прием.

1.

Василий Логинов – современный русский художник «новой волны», творчество и талант которого получили дополнительный импульс в 90-е годы XX века. Он прожил до обидного мало – 53 года, но успел создать своё уникальное направление в русском искусстве эмали.

Его работы выставлялись на многочисленных выставках в России и за рубежом, одна из работ «Россия. Красный лес» отмечена первой премией на международной выставке эмальеров в Японии.

Сейчас работы Василия Логинова хранятся в музеях Серпухова, Сергеева Посада, многие находятся в частных собраниях в России, США, Финляндии, Израиле и Германии.

«Крепкий русский бородач, мастер-золотые руки, профессионал, кончики пальцев которого горят от жажды соприкоснуться с материалом<...> Василий Логинов – художник-виртуоз, философ отечественной изобразительной ойкумены», - как назвал его Лев Аннинский [Аннинский:17]

В. Логинов родился в Москве в 1956 году. Он является уже третьим поколением художников, все они выпускники Московского высшего художественного промышленного училища (бывшее императорское Строгановское). Эта семья имеет богатую творческую биографию: дед В. Логинова расписывал декорации для Русского оперного театра на гастролях Фёдора Шаляпина в Париже в 1914 году. В 20-ые годы дед работал в мастерской у известного русского художника Роберта Фалька. Бабушка была художником-декоратором в Большом театре и во МХАТе. Отец – художник по металлу.

Творчество Василия Логинова – подтверждение идеи непрерывности традиции в русской культуре XX века, несмотря хтонические разломы истории. По словам американского профессора Роберта Берда, работы Василия Логинова «говорят о глубокой укоренённости художника в истории – в истории искусства, в истории своей страны, в истории (самое главное) своей семьи. Здесь происходит вечная игра традиции и личного поиска, долга и дерзновения, которые характеризовали его личность» [Берд: 22].

В эмалях Василия Логинова заключена какая-то вневременная сила и теплота. Его эмали – это сгусток жизни и энергии, загадку которых объяснить и разгадать почти невозможно: это неразгаданность подлинного произведения искусства.

Зачаровывает то, что в солнечных лучах или просто при изменении освещения эмали Василия Логинова оживают, мерцают, пульсируют, начинают жить. Смотришь и чувствуешь, что это не природное отражение света в гладкой поверхности эмали, а «замысленное» и созданное автором сияние света.

Любой художник старается осмыслить, художественно освоить и изобразительно представить семантическое звучание самой техники своих работ. В лекции об эмали, прочтённой американским студентам в 1999 году, Василий Логинов, в жанровой памяти эмали выделил идею сотворчества и единства усилий художника, стекла и огня: «Итак, ЭМАЛЬ – это соединение стекла, металла и огня, подчинённые воле, замыслу, мастерству и таланту художника». Я бы добавила, что ещё и света. Ведь стекольный порошок преобразуется волей художника, переплавляется в природном огне, но дышит и живёт отражённым светом Солнца. Это свойство эмали Василий Логинов не только чувствует, но как

никто другой использует в своих радостных и светоносных работах. Часто он специально создаёт на эмалях пространство для света – это необработанные кусочки меди, иногда покрытые тонким слоем прозрачной эмали, иногда нет, чистый материал, будто нетронутый рукой художника, художественное предназначение которого улавливать и отражать свет ламп, свечей, луны, солнца. Почти всегда это светоносное пространство – композиционный центр произведения.

Вот всего несколько примеров. На эмали *«Красный лес»* из цикла *«Судьба России»* композиционный и символический центр произведения красное дерево и церковь. И дерево, и церковь – это просто силуэты на меди. И силуэты и техника придуманы, замыслены художником, но живут и сияют в лучах нерукотворного солнца. Для усиления светоносности, пылающий закат, необработанная медь, покрывается тонким слоем прозрачной эмали, загораясь, как драгоценные камни, в лучах природного солнца. *«Камеронова галерея. Закат»* – придуманный художником закат вспыхивает в лучах настоящего заката. *«Одуванчик»* – расплывшееся пятно расплавленного белого стекла превращается в воздушную лёгкость одуванчика благодаря бликам несотворённого живого солнечного света, пространство для которого сотворяет художник. Стебель и листья одуванчика – это сияющая, чистая медь, играющая в золото.

Представляется, что все работы Василия Логинова, созданные в технике эмали, реализуют одну творческую задачу – примерить непримиримое: твёрдый, жесткий, застывший материал и трепетность, ускользающую лёгкость, теплоту жизни, мимолетающие мгновения времени и вечность материала; страсть художника, тектонические силы огня и легкоструящийся Божественный свет жизни. Пространство, оставленное для света на эмалях, это лишь один из приёмов решения этой задачи.

Часто темой для своих работ Василий Логинов выбирает пограничное время суток (*«Утро»*, *«Закат»*) или текущие состояния. В художественном мире, созданном на куске меди, в вечном застывшем материале эмали вопреки природе этого материала, неслышно и незаметно тает или молчит снег (*«Камеронова галерея»*, *«Синяя тишина»*), движется и журчит вода (*«Голоса моря»* из цикла *«Апология бытия»*), трепещут огоньки предзакатного

солнца, отражаясь в стёклах окон (цикл «Город»). Василий Логинов примиряет в своих работах летучее и вечное («Одуванчик»), застывшее и текучее («Камни, вода и небо» из цикла «Апология бытия»), графическое и живописное («Утро. Крыши после дождя» из цикла «Город»), линию и пятно («Женский портрет»), мужское и женское начала («Кентавр и русалка»), преодолевая их природную противоположность.

Ключевые слова его творчества – преодоление и примирение. *Преодоление материала*, границ пространства, плоскости, выход за рамки. *Примирение дисгармонии*, снятие контрастов силой творческого вдохновения.

Повторяющиеся мотивы его эмалей – выходящие из границ рамы деревья, растения и дома. В предметном мире эмалей столько жизненной силы, что он не уместается в ограниченном пространстве куска меди. Василий Логинов словно улавливает стремление своих предметов к бунту против плоскости, ему и им тесно на плоскости, и он создаёт тарелки контррельефов, в которых плоскость полностью преодолена. Он стремится создать, вылепить, выжечь в печи своими руками, своим талантом, своим мастерством и волей *мир гармоничных сопряжений противоположностей*.

Кажется, что Василий Логинов находит какой-то азарт в преодолении сопротивления материала, его вечной вещности. В технике перегородчатой эмали, которая и создана-то для того, чтобы перегородить мир, отделить одно от другого, подчеркнуть линейно контраст и особость каждого пятна и цвета, он создаёт колористическое гармонию контрастных красок. И, может быть, та энергия, которую художник потратил на творческое преодоление, преобразование, переплавку материала, чудесным образом передаётся зрителю, живёт в мире и после его смерти.

2.

Есть сущностное единство техники эмали с техникой иконописи. Василий Логинов чувствовал эту связь. Готовясь к выставке своих работ в Германии (1990г.), он пишет о своем творчестве так: «Эмаль – традиционный вид искусства и для России. Василий Логинов, пытаясь разгадать загадки древних мастеров,

основываясь на традициях, органически связанных с *архетипическими элементами русской иконы*, стремится существовать в диалоге с днём сегодняшним» [Логинов:10].

В старину иконописцы для создания эффекта воздушности и светоносности ликов использовали технику «плавил». Краска накладывалась на краску. Давая высохнуть красочному слою, на него наносили следующий, слой за слоем, одна краска просвечивала сквозь другую и лики светились, казалось, нерукотворным светом. Нечто подобное делает на своих эмалях и Василий Логинов. Эмаль обжигается в печи несколько раз, первый слой, потом второй, третий, столько раз, сколько надо для создания эффекта воздушности и трепетности.

Художник не только продолжает древние традиции, но и ищет свои собственные приемы, создающие эффект воздушности, движения, вопреки статике застывшего стекла. И находит их – мерцание, просвечивание одного сквозь другое, частичное покрытие силуэта цветом, его трепещущая небрежность, «присыпание», словно воздухом-порошком, силуэта и локального цвета.

Ключевым произведением, в котором идея сопряжения летучести и статики представлена с предельной, почти символической степенью обобщённости может быть названа работа «*Одуванчик*».

Вершинная и последняя по времени создания работа – «*Страсть*», работа, в которой только два цвета и множество их оттенков – бездонный, глубокий, как небо или воды океана, синий и трагически пылающий красный. В этой работе сделано, кажется, невозможное: объединено в единое целое противопоставленное в природе – холодный аквамарин и горящая охра, линия и цвет, покой и динамика, блеск поверхности и глубина цвета, мужское и женское, судьба и игра.

Напряжение цветов – это огонь и трепет любви, а сама эмаль символическое изображение *единства и гармонии контрастов*, которое может выплавить, сотворить только любовь, и в этом единстве противоположностей не только философия жизни художника, но логика и философия его искусства.

ЛИТЕРАТУРА

Аннинский Л. А. Нормаль эмали // Строгановские династии: Василий Логинов. Себе оставлю имя... / Сост. Е. Калло, А. Лилеева. Дизайн В. Сорокиной. – М., 2013. – 304 с.

Роберт Берд Скульптура света // Строгановские династии: Василий Логинов. Себе оставлю имя... / Сост. Е. Калло, А. Лилеева. Дизайн В. Сорокиной. – М., 2013. – 304 с.

Логинов В.Б. Биографическая справка (для выставки в Германии, Лейпциг, 1991 г.) // Строгановские династии: Василий Логинов. Себе оставлю имя... / Сост. Е. Калло, А. Лилеева. Дизайн В. Сорокиной. – М., 2013. – 304 с.

Anna G. Lileeva

PhD, Lomonosov MSU, Russia, Moscow

anna.lileeva2017@yandex.ru

VASILIIY LOGINOV'S ARTISTIC WORLD

The article deals with the works of a contemporary Russian artist, whose works are closely connected with the tradition of Russian culture. The analysis of the dominant artistic technique shows the close connection between the artist's philosophy of life and the philosophy of his art.

Keywords: Russian culture, tradition, enamel, philosophy of art, dominant technique.

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Кульпина Валентина Григорьевна
доктор филологических наук, доцент
кафедры славянских языков и культур
факультет иностранных языков и ре-
гионоведения, Московский госу-дар-
ственный университет имени М.В.
Ломоносова, Россия, Москва
vgrkulpina@mail.ru

Татаринов Виктор Андреевич
доктор филологических наук, Россий-
ское терминологическое общество
«РоссТерм», Россия, Москва
rosstern@mail.ru

СОПОСТАВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЫКЛАДКАХ И В ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЯХ¹

Материал представляет собой рецензию «Граматики русского языка с упражнениями», написанной известными польскими языковедами, Йолантой Любоха-Круглик и Оксаной Малыса и вышедшей в издательстве Силезского университета. Рецензируемое издание предназначено для поляков, изучающих русский язык, и содержит фрагменты сопоставления русского и польского языков.

Ключевые слова: грамматика; часть речи; грамматическая семантика; сопоставительный анализ; лингводидактика; русский язык; польский язык.

«Практическая грамматика русского языка с упражнениями» предназначена для поляков, изучающих русский язык с самого начального уровня. Она написана на польском языке блестящими русистами из Силезского университета (г. Катовице) Республики Польши – докторами наук

¹ Рец. на кн.: *Lubocha-Kruglik J., Małysa O. Gramatyka praktyczna języka rosyjskiego z ćwiczeniami*. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. 244 s.

Иолантой Любоха-Круглик и Оксаной Малыса. Благодаря годами копившемуся опыту и творческому подходу к преподаванию русского языка появилась грамматика чрезвычайно полезная, оригинальная, непохожая на другие.

Богатейший грамматический материал, собранный в Грамматике, жанр рецензии, увы, не позволяет охватить во всей полноте. Можно лишь лучом прожектора высветить отдельные характерные сегменты. Очевидно, что Грамматике присущ системный подход – по частям речи и по типам отношений – пространственным, временным, модальным и др. она дана без купюр в ее системных свойствах и категориях с большим увеличением и углублением в детали. И именно такой ономаσιологический подход чрезвычайно полезен для адресата учебника, который получает возможность выучить русский язык во всей полноте. Что важно и с чем повезло польскому адресату – это четкие формулировки, не оставляющие зазора ни для какого-либо двоякого толкования, например, в разделе «Пространственные отношения» имеется дефиниция (даем в переводе с польского): «Под понятием пространственных отношений понимается положение предметов и лиц в отношении друг друга. Каждый тип пространственных отношений может быть представлен в статике или динамике. Это означает, что пространство может быть или местом, в котором происходит некое действие, или отправным пунктом, целью или же трассой некоего движения» (с. 96); еще дефиниция: «Склонение существительных предопределяется грамматическим родом слова и фонологическим видом окончания основы» (с. 12).

Теперь конкретно о том, что в грамматике такого особенного. Полезность грамматики обусловлена ее сопоставительным характером, направленностью именно на польский студенческий контингент. В то же время сопоставительный характер позволяет взглянуть на категории русского языка

под иным ракурсом и заново понять и осознать их значимость в системе языка.

Сопоставительный характер проявляется, например, в том, что авторы фиксируют внимание на звательном падеже русского языка, на который в грамматиках у нас редко обращается внимание. Однако в русском языке он ведь есть, существует, несмотря на забвение. В польском языке звательный падеж является активной категорией, отсюда и внимание авторов фокусируется на проявления этой категории в русском языке, в частности, на переключение функций звательного падежа на именительный падеж; при этом формы обращения выделяются запятыми. Пример из текста грамматики: «Ты, брат, знаешь...». Среди адресивных форм разговорного языка упоминаются такие, как *пап*, *мам*. Упоминаются и реликтовые формы – *Господи Боже!*

Имеются разделы «от и до» сопоставительные, в том числе раздел, посвященный различиям грамматического рода существительных в русском и польском языках. В этот раздел грамматических паронимов попали не только однокоренные существительные, род которых легко перепутать (напр., *program* (муж. род) – *программа*, *system* (муж. род) – *система*), но и такие, которые по своему внешнему облику не имеют друг к другу никакого отношения, а коррелируют лишь семантически (напр., польс. *bez* (муж. род) – рус. *сирень* (жен. род)). Однако главный критерий при включении в группу грамматических паронимов и в данном случае – дидактический, значит, грамматический род у слов, обозначающих *сирень* по-русски и по-польски, у студентов часто путается, и этим обусловлено включение в такую группу слов-грамматических перевертышей.

Презентация системы склонения не лишена авторского своеобразия. Так, в одну группу по типу склонения (второго) объединены существительные мужского и среднего рода, одушевленные и неодушевленные (стол, облако, конь,

музей) (см.: с. 13). Глядя на этот грамматический коктейль, обогащенный большим количеством ингредиентов в одном типе склонения, хочется думать, что он интегрирован из соображений какого-то педагогического удобства, недоступного для непосвященных в преподавание русского языка польскому студенчеству.

Совершенно особое внимание уделено несклоняемым словам и словосочетаниям. Такой раздел имеется как в сегменте существительных, так и прилагательных. Конечно же, внимание к такого рода формациям обосновано, потому что группа несклоняемых продолжает прирастать, в то же время какие-то из них адаптируются и включаются в систему словоизменения, и учащийся должен ориентироваться в этом лабильном сегменте.

Несклоняемые существительные даны в разбивке на тематические группы: а) неодушевленных предметов, фиксируемых в среднем роде: *такси, манго*; б) животных в широком смысле, группируемых по мужскому роду (*шустрый шимпанзе, грустный какаду*), но по женскому в случае выраженности женского пола (*кенгуру кормила детеныша*); в) языков, относимых к мужскому роду (*стандартный хинди*); г) существительных, обозначающих человека, относимых преимущественно к мужскому роду (*атташе, крупье, но леди и мадам* женского рода). Раздел несклоняемых прилагательных *volens nolens* получился весьма разнородным; такова сейчас эта группа слов и словосочетаний. Важно, что такой раздел выделен, и студенты обратят на эту группу лексики свое внимание. К частеречной группе несклоняемых прилагательных отнесены, например, стили: *ампир, барокко, модерн*; термины цвета: *беж, хаки*; языки: *банту, коми, хинди, эсперанто*; элементы: *люкс, макси, мини, пик, экстра* и другие аналитические прилагательные: *бемоль, брутто, нетто, джерси*.

Раздел прилагательных особо детализирован в сегменте кратких прилагательных. Их наличие – это яркая особенность русского языка по сравнению с польским (в которых эти формы остаточны и единичны). Краткие формы (типа *сделан*) обсуждаются и в разделе причастий.

После описания всей сложной картины образования степеней сравнения прилагательных в традиционной части Uwaga! ‘Внимание!’, имеющемся в любом разделе, раскрывается семантика форм сравнения с приставкой *po-* как «слегка, немного: *подороже* (немного дороже, (...)) *поумнее* (немного умнее)» (с. 37).

В разделе местоимений в полюбившемся нам разделе *Внимание!* акцент делается на то, что в русском языке личные местоимения не опускаются (как в польском), но регулярно фиксируют субъект (*я, ты* и др.) своим активным присутствием. Через сопоставительный анализ демонстрируются соответствия русского *вы* известным польским вежливым формам *pan, pani* и др. Не обойдена молчанием и специфика русских конструкций типа *мы с тобой*. По-польски аналогичных конструкций не имеется, и именно сопоставление помогает осознать их русскую специфику – кто имеется в виду под *мы с тобой; мы с ним; вы с нами* и др. под. Приводятся контексты употребления таких конструкций, наглядно разъясняющие их «содержимое» и целевое назначение – «точно определить группу лиц, о которой говорится в предложении и к которой принадлежит сам говорящий» (с. 41). У местоимения *сам* выделяются следующие функции: «для подчеркивания, что данное действие кто-то выполняет без чьей-либо помощи, напр.: *Она сшила это платье сама, (...)* для подчеркивания значимости и статуса лица, напр. *Вчера я разговаривал с самим президентом*» (с. 43).

В разделе «Склонение возвратного местоимения *себя* и взаимно-возвратного *друг друга*» в двух сопряженных

столбцах приводится соответствующая парадигма. Для авторов нет вопроса в том, является ли *друг друга* местоимением; по функции, конечно же, является, и сопоставительный пласт – тому наглядное доказательство: там, где в польском языке выступает возвратное местоимение *siebie* ‘себя’ и *się* ‘-ся’ (возвратная частица), в русском языке нередко выступает *друг друга* (как ни крути, но местоимение же!).

Большое внимание уделено в Грамматике свойствам ономастической лексики (в дистрибуции по разным разделам). На что здесь стоило бы направить изучающий луч профессора? Особенно ценными представляются разделы с парадигмами склонения русских фамилий: отдельно фамилий-существительных, отдельно фамилий-прилагательных, отдельно фамилий мужского и отдельно – женского рода. Именно сопоставительный пласт – то подспудно, то эксплицитно присутствующий в этих типах склонения, хранит учащегося от ошибок. Ведь именно в этом пласте фамилий коренятся расхождения между языками. Так, женские фамилии на *-ина* (напр., *Зими́на*) воспринимаются в польском языке как существительные и соответствующим образом склоняются. Поэтому несведующие польские студенты склоняют по-русски таким образом: «*Сегодня нет *Зимины*», не *Зиминой*, ведь в русском языке фамилии такого типа – прилагательные.

Особый раздел составляет склонение географических названий (например, Петропавловск-Камчатский (дается вся полная парадигма склонения этого топонима). Внимание обращается в первую очередь на структурно сложные формы – например, на то, что в названиях с ономастическими элементами Спас-, Усть-, Соль- и др. и с элементами, оканчивающимися на *-о*: Нарофоминск, Орехово-Зуево, их первые части не склоняются. Приводятся и польские географические названия, первые части которых, попадая в сферу русского языка, перестают склоняться (Нова Соль – из

Нова-Соли, (кстати, в русском языке польский топоним Zielona Góra (в польском звучит как Зелёна Гура) принял форму, продиктованную написанием – Зелёна-Гура (через дефис) (с. 18).

Авторы постоянно устанавливают корреляции и переводные соответствия русских и польских форм. Благодаря этому Грамматика позволяет изучить базовый пласт лингвистической терминологии, причем в сопоставлении: наряду с польскими названиями разделов и подразделов обязательно имеются и русские. В то же время в разделе числительных к лингвистической терминологии добавляется еще и математическая, связанная с элементарными действиями сложения, вычитания, с таблицей умножения, дробями, извлечением корня и т.п.

В разделе с числительными большое внимание уделяется приблизительности в количественных отношениях русского языка и установлению их польских коррелятов. Рассматриваются такие конструкции и фразеологизмы, как *Ему лет двадцать*; *Ему еще нет двадцати*; *Ему лет двадцать с небольшим*; *Ему двадцать с хвостиком*; *На вид ему двадцать*; *Больше двадцати ему не дашь* и др.

В «Глаголе» многостраничный подраздел посвящен практическим межъязыковым различиям глагольного управления, который служит для студентов серьезным ориентиром и помогает избегать ошибок. В разделе «Причастия» студенты узнают, что в польском языке не имеется прямого соответствия русских действительных причастий прошедшего времени типа *сидевшая*, *пришедшие* и т.п., и одновременно с этой информацией они получают превосходные варианты перевода конструкций с этими причастиями на польский язык. Здесь же приводятся нерегулярные глаголы. Как представляется, нерегулярных глаголов в русском языке весьма внушительное количество, что старалась

показать одна из авторов рецензии в своем «Очерке грамматики русского языка», содержащемся в «Новом русско-польском польско-русском словаре» под редакцией Яна Вавжиньчика [Kulpińska 2010: 598–632]. К сожалению, начин по разработке и презентации неправильных глаголов не был подхвачен, хотя это и очевидно, что неправильных глаголов в русском языке просто пруд-пруди.

Есть в «Грамматике» моменты дискуссионные, спорные. Эмоция сильного удивления охватывает уже с первой страницы, когда авторы пишут: «Существительные, обозначающие названия животных, птиц, рыб, насекомых и т.п. в русском языке иначе, чем в польском, отвечают на вопрос *кто?*.» (с. 1). Получается, что в польском языке (*vice versa*) братья наши меньшие это *Что?* (польс. *co?*). Все-таки со всей последовательностью так утверждать, наверное, не стоит. Однозначных подтверждений этому тезису в словарях польского языка не имеется. Как представляется, мы не можем сказать однозначно, что по-польски животные – это *что* (как бы нечто неодушевленное) – в отличие от людей, которые *кто*. С такой однозначной трактовкой животного мира в польской лексикографии и в грамматиках польского языка, да и в каждодневной жизни польского языка мы тем не менее не встречаемся. При этом ценны попытки авторов глубоко проникнуть в суть вещей, понять, осознать, классифицировать языковые явления на основе новейшей лингвистической литературы и последних научных трендов – это радует и подкупает.

Ничего плохого, наверное, мы не сделаем, если перейдем на личности и скажем на ушко, что Оксана Малыса (одна из замечательного тандема грамматистов) – самый натуральный носитель русского языка, но непростой, а выпускница славянского отделения МГУ (замужем за выпускником философского факультета МГУ, родом из города Катовице).

Оба автора «Грамматики» очень трудолюбивы, обе являются завсегдатаями и докладчиками на многих российских конференциях. Они много пишут и вместе, и по отдельности – см. монографии: И. Любоха-Круглик «Семантическая категория перцептивности и ее показатели в польском языке» [Lubocha-Kruglik 2010] и О. Малыса «Комиссивные речевые жанры: сопоставительный русско-польский аспект» [Małysa 2014], см. также совместный редакторский труд авторов: [Przestrzenie przekładu 2017] (сборник материалов конференции «Пространство перевода», организованной и проведенной И. Любоха-Круглик и О. Малыса в Силезском университете в 2016 г.).

Авторы «Грамматики» просто молодцы, что сумели поднять огромный пласт русской грамматики, в некоторых сегментах совершенно «непаханный».

Упражнения строятся на коммуникативно полезном материале.

В заключение остается лишь пожелать молодым еще и чрезвычайно энергичным докторам наук плодотворной работы на благо квалификации студентов-русистов и нашей любимой и прекрасной науки – языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

- Kulpina V.* Zarys gramatyki języka rosyjskiego // Nowy słownik rosyjsko-polski polsko-rosyjski. Wyd. I, 1, dodruk z płytą CD. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN, 2010. S. 598–632.
- Lubocha-Kruglik J., Małysa O.* Gramatyka praktyczna języka rosyjskiego. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014. 244 s.
- Lubocha-Kruglik J.* Semantyczna kategoria perceptywności i jej wykładniki w języku polskim. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2010. 236 s.
- Małysa O.* Комиссивные речевые жанры: сопоставительный русско-польский аспект. Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2014.
- Przestrzenie przekładu / Red. Lubocha-Kruglik J., Małysa O.* Katowice: Wydawnictwo Uniwersytetu Śląskiego, 2017. 236 s.

Valentina G. Kulpina

Doct. of Sci., Lomonosov MSU, Russia, Moscow

vgrkulpina@mail.ru

Viktor A. Tatarinov

Doct. of Sci., Russian Terminology Society “RossTerm”,

Russia, Moscow

rossterm@mail.ru

THE GRAMMATICAL SYSTEMS’ COMPARISON – THEORETICAL COMPUTATIONS AND PRACTICAL CONFIGURATIONS

The material is a review of “Russian grammar with exercises” written by famous Polish linguists Lubocha-Kruglik J. and Małysa O. It was published by Silesian University’s Publishing House (Katowice, Poland). The reviewed edition is destined for Polish students who learn Russian and has fragments of confrontation of Russian and Polish languages.

Key words: grammar; part of speech; grammatical semantics; contrastive analyses; glottodidactics; Russian language; Polish language.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ

<i>Красильникова Л.В.</i> СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ОСНОВА ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ ПРИСТАВОЧНЫМ ГЛАГОЛАМ.....	3
<i>Бабалова Л.Л.</i> КАТЕГОРИЯ НЕОПРЕДЕЛЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ.....	17
<i>Лазуткина Е. М.</i> О ПРИНЦИПАХ КОДИФИКАЦИИ СИНТАКСИЧЕСКИХ НОРМ.....	23
<i>Гаврилова В.И.</i> К ВОПРОСУ О ЗАЛОГОВОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ДЕКАУЗАТИВНЫХ РУССКИХ ГЛАГОЛОВ.....	36
<i>Кузьминова Е.А.</i> ЦИКЛ ИСТОРИКО-ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ ЗАРУБЕЖНЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ.....	56
<i>Грекова О.К., Линь Цзин</i> (КНР) ПАРАДИГМАТИКА БУДУЩЕГО ВРЕМЕНИ РУССКОГО ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ В КУРСЕ РКИ И ЕЕ ЛАКУНЫ.....	73
<i>Столетова Е.К.</i> СПОСОБЫ ОБОЗНАЧЕНИЯ БЛИЗОСТИ ДВУХ СИТУАЦИЙ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСМЫСЛЕНИЕ ПОЧТИ ДОСТИГНУТЫХ СОСТОЯНИЙ И ПОЧТИ СОВЕРШИВШИХСЯ СОБЫТИЙ (НАБРОСКИ К СЕМАНТИЧЕСКИМ ПОРТРЕТАМ ОТДЕЛЬНЫХ ЕДИНИЦ).....	89
<i>Коростёлева А.А.</i> О ПОНЯТИИ КИНЕСИЧЕСКОЙ КОМПОЗИЦИИ В КИНОДИАЛОГЕ.....	104
<i>Чагина О.В.</i> КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ОПИСАНИЯ ЕДЫ В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ.....	126

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

<i>Добровольская В.В.</i> САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ РАБОТА УЧАЩИХСЯ В СОВРЕМЕННОМ КУРСЕ РКИ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА).....	135
<i>Серова Е.С.</i> СПЕЦИФИКА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ В ИНОЯЗЫЧНОЙ СРЕДЕ (ОБ ОПЫТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РКИ В РЕСПУБЛИКЕ КОРЕЯ).....	141
<i>Зубова О. В.</i> «ПРАВДА БЫВАЕТ И ГОРЬКОЙ»: ПРОЗА В. ШУКШИНА В АСПЕКТЕ ОДНОЙ ЭКРАНИЗАЦИИ.....	148
<i>Савосина Л. М.</i> ПАРЕМИКА КАК ЭФФЕКТИВНОЕ СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ (ОПЫТ ПОСТРОЕНИЯ УЧЕБНОГО ЗАНЯТИЯ).....	159
<i>Хомякова Е.Ю., Хомяков С.В.</i> ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ОШИБОК В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАДЕЖЕЙ ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ	

ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ (НА ПРИМЕРЕ ПЕРСИДСКОГО ЯЗЫКА).....	171
<i>Касько Н.Н.</i> ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ РУССКОЙ ИНТОНАЦИИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФОНЕТИКИ.....	185
<i>Касько Н. Н.</i> ПРАКТИЧЕСКАЯ ФОНЕТИКА И ИНТОНАЦИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ОДИН ИЗ АСПЕКТОВ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ ИНОСТРАНЦЕВ.....	190
ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА	
<i>Ковалевская Т.В.</i> «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ» И СКАНДИНАВСКАЯ ПОЭТИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ.....	195
<i>Илюшин Е.А.</i> СИЛЛАБИКА ИЛИ ПОЧТИ ЯМБ? О ПЕРЕВОДЕ «БОЖЕСТВЕННОЙ КОМЕДИИ» ДАНТЕ, СДЕЛАННОМ А. А. ИЛЮШИНЫМ.....	230
<i>Сергеева О.М.</i> РУССКАЯ НАРОДНАЯ СКАЗКА В РЯДУ ПРЕЦЕДЕНТНЫХ ТЕКСТОВ.....	238
<i>Старовойтова И.А.</i> ПОВЕСТЬ И.С. ТУРГЕНЕВА «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» – КАК ТРАКТАТ О ЛЮБВИ (ЧИТАЕМ И ГОВОРИМ О ПОВЕСТИ «ПЕРВАЯ ЛЮБОВЬ» И.С. ТУРГЕНЕВА В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ).....	247
<i>Лакхи Кэтрин</i> (США) ИДЕОФОНЫ В ТВОРЧЕСТВЕ ВЛАДИМИРА МАЯКОВСКОГО.....	259
<i>Вавулина А.В., Кольцова Н.З.</i> ТЕАТРАЛЬНЫЙ РОМАН В КОНТЕКСТЕ БУЛГАКОВСКОЙ «МИСТЕРИАНЫ».....	266
<i>Октябрьская О.С.</i> ТЕМА ПАМЯТИ В ПОВЕСТИ А. П. ГАЙДАРА «ВОЕННАЯ ТАЙНА».....	281
<i>Наполитано Мартина</i> (Италия) ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ В ПОЭМЕ ВЕНЕДИКТА ЕРОФЕЕВА «МОСКВА — ПЕТУШКИ». ПОЭМА ИГРЫ СВОЕГО-ЧУЖОГО.Статья вторая.....	290
СТРАНОВЕДЕНИЕ	
<i>Лилеева А.Г.</i> ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МИР ВАСИЛИЯ ЛОГИНОВА	309
РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ	
<i>Кульпина В.Г., Татаринов В.А.</i> СОПОСТАВЛЕНИЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ СИСТЕМ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ВЫКЛАДКАХ И В ПРАКТИЧЕСКИХ КОНФИГУРАЦИЯХ.....	315
ОГЛАВЛЕНИЕ	325

Научное издание

СЛОВО. ГРАММАТИКА. РЕЧЬ

Вып. XIX

Сборник научно-методических статей
по преподаванию РКИ

Отпечатано с готового оригинал-макета
Издательство «МАКС Пресс»
Главный редактор: *Е. М. Бугачева*

Подписано в печать 21.12.2018.
Формат 60х90 1/16. Усл.печ.л. 20,5.
Тираж 200 экз. (1-й з-д 1–130). Заказ №326.

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.
119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы,
МГУ им. М. В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к.
Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./факс: 8(495)939-3891.

Отпечатано в полном соответствии с качеством
предоставленных материалов в ООО «Фотоэксперт»
115201, г. Москва, ул. Котляковская, д.3, стр. 13.

